

**Материалы для чтения и освоения
по курсу лекций «Страницы русской детской литературы»
на Педагогическом факультете Университета Масарика в г. Брно**

**лектор – доктор филологических наук,
профессор Минералова Ирина Георгиевна (Москва)
mig_mama@mail.ru**

Оглавление

1. Заюшкина избушка (народная сказка)
2. Снегурочка (народная сказка)
3. Пушкин А.С. Сказка о рыбаке и рыбке
4. Ершов П.П. Конек горбунок
5. Погорельский А. Черная курица или подземные жители
6. Одоевский В.Ф. Червячок
7. Лидия Чарская Царевна Лядинка
8. Маршак С. Я. Двенадцать месяцев
9. Вагнер Н.П. Великое
10. Гайдар А.П. Горячий камень
11. Чаплина Вера Васильевна Память зверя.
12. Носов Н. Бобик в гостях у Барбоса
13. В. Драгунский. Что любит Мишка.
14. Ю. Коваль. Снегири и коты
15. Стихи и песенки для детей

Стихи и песенки

Э. Успенский <http://www.maminpapin.ru/stixi-eduarda-uspenskogo/beregite-igrushki.html>
Юрий Энтин <http://www.vampodarok.com/stihi.php?autor=72;>
<http://lel.khv.ru/poems/poems.phtml?ctg=19>

Мультсайты http://megogo.net/ru/mult/our-cartoon?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=6677679

Детская литература и народная сказка

Заюшкина избушка

http://umm4.com/stories_tales_poems/skazka-zayushkina-izbushka.htm

Слушать <http://onlymults.ru/skazkimp3/1034-zayushkina-izbushka.html>

Полный текст сказки Заюшкина избушка

Жили-были лиса да заяц. У лисы избушка ледяная, а у зайца - лубяная. Вот лиса и дразнит зайца:

- У меня избушка светлая, а у тебя темная! У меня светлая, а у тебя темная!

Пришло лето, у лисы избушка растаяла. Лиса и просится к зайцу:

- Пусти меня заюшка, хоть на дворик к себе!

- Нет, лиска, не пущу: зачем дразнилась?

Стала лиса пуще упрашивать. Заяц и пустил ее к себе на двор.

На другой день лиса опять просится:

- Пусти меня, заюшка, на крылечко.

- Нет, не пущу: зачем дразнилась?

Упрашивала, упрашивала лиса, согласился заяц и пустил лису на крылечко.

На третий день лиса опять просит:

- Пусти меня, заюшка, в избушку.

- Нет, не пущу: зачем дразнилась?

Просилась, просилась лиса, пустил ее заяц в избушку.

Сидит лиса на лавке, а зайчик - на печи.

На четвертый день лиса опять просит:

- Заинька, зайнька, пусти меня на печку к себе!

- Нет, не пущу: зачем дразнилась?

Просила, просила лиса, да и выпросила - пустил ее заяц и на печку.

Прошел день, другой - стала лиса зайца из избушки гнать:

- Ступай вон, косою! Не хочу с тобой жить!

Так и выгнала.

Сидит заяц и плачет, горюет, лапками слезы утирает. Бегут мимо собаки:

- Тяф, тяф, тяф! О чем, зайнька, плачешь?

- Как же мне не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы ледяная. Пришла весна, избушка у лисы растаяла. Попросилась она ко мне, да меня же и выгнала.

- Не плачь, зайчик, - говорят собаки. - мы ее выгоним.

- Нет, не выгоните!

- Нет, выгоним!

Пошли к избушке.

- Тяф, тяф, тяф! Пойди, лиса, вон!

А она им с печи:

- Как выскочу, как выпрыгну - пойдут клочки по закоулочкам!

Испугались собаки и убежали.

Опять сидит зайчик и плачет. Идет мимо волк:

- О чем, зайнька, плачешь?

- Как же мне не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы ледяная. Пришла весна, избушка у лисы растаяла. Попросилась она ко мне, да меня же и выгнала.

- Не плачь, зайчик, - говорит волк, - я ее выгоню.

- Нет, не выгонишь! Собаки гнали - не выгнали, и ты не выгонишь.
- Нет, выгоню!
Пошел волк к избе и завыл страшным голосом:
- Уыыы... Уыыы... Ступай, лиса, вон!
А она с печи:
- Как выскочу, как выпрыгну - пойдут клочки по закоулочкам!
Испугался волк и убежал.
Вот зайнык опять сидит и плачет. Идет старый медведь:
- О чем ты, зайнык, плачешь?
- Как же мне, медведушко, не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы ледяная. Пришла весна, избушка у лисы растаяла. Попросилась она ко мне, да меня же и выгнала.
- Не плачь, зайчык, - говорит медведь, - я ее выгоню.
- Нет, не выгонишь! Собаки гнали, гнали - не выгнали, серый волк гнал, гнал - не выгнал. И ты не выгонишь.
- Нет, выгоню!
Пошел медведь к избушке и зарычал:
- Рррр... ррр... Ступай, лиса, вон!
А она с печи:
- Как выскочу, как выпрыгну - пойдут клочки по закоулочкам!
Испугался медведь и ушел.
Опять сидит заяц и плачет. Идет петух, несет косу.
- Ку-ка-ре-ку! Зайнык, о чем ты плачешь?
- Как же мне не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы ледяная. Пришла весна, избушка у лисы растаяла. Попросилась она ко мне, да меня же и выгнала.
- Не горюй, зайнык, я тебе лису выгоню.
- Нет, не выгонишь! Собаки гнали - не выгнали, серый волк гнал, гнал - не выгнал, старый медведь гнал, гнал - не выгнал. И ты не выгонишь.
Пошел петух к избушке:
- Ку-ка-ре-ку! Иду на ногах, в красных сапогах, несу косу на плечах: хочу лису посечи, пошла лиса с печи!
Услыхала лиса, испугалась и говорит:
- Одеваюсь...
Петух опять:
- Ку-ка-ре-ку! Иду на ногах, в красных сапогах, несу косу на плечах: хочу лису посечи, пошла лиса с печи!
А лиса говорит:
- Шубу надеваю...
Петух в третий раз:
- Ку-ка-ре-ку! Иду на ногах, в красных сапогах, несу косу на плечах: хочу лису посечи, пошла лиса с печи!
Испугалась лиса, соскочила с печи - да бежать. А зайнык с петухом стали жить да поживать.

Снегурочка

Русская народная сказка

Жили-были в одной деревне старик со старухой. Жили хорошо, дружно. И все бы ладно, да вот горе — не было у них детей.

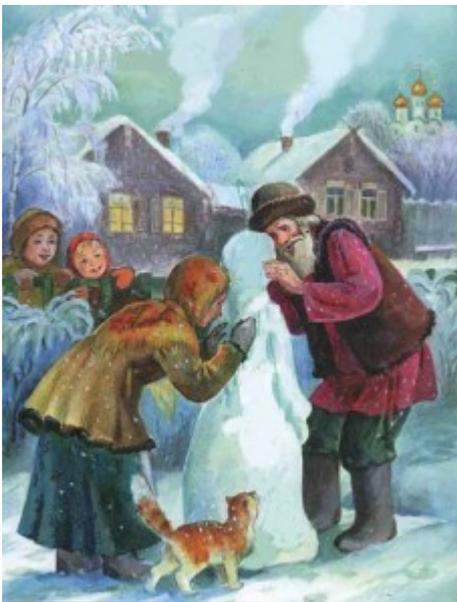

Вот опять пришла снежная снежная да морозная, сугробов до пояса намело, ребяташки на улицу высыпали поиграть, а старик со старухой из окна на них глядят да про свою беду думают.

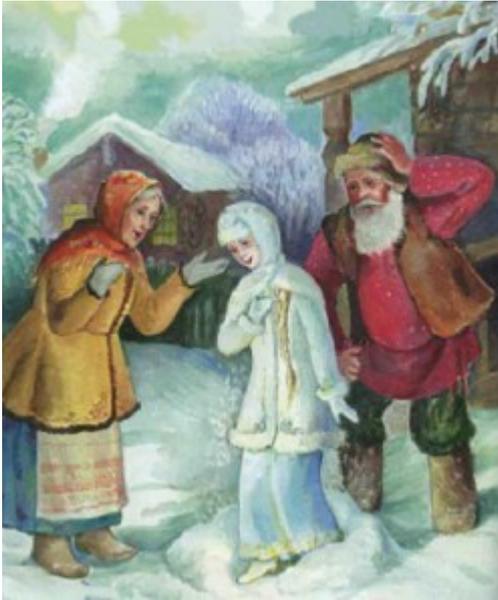
Старик говорит:

А что, старуха, может и нам себе дочку из снега сделать? —

Давай сделаем, — говорит старуха. —

Старик шапку надел, вышли они на свой огород и принялись из снега дочку лепить. Скатали они ком снежный, приладили к нему ручки, ножки, сверху приставили снежную голову. Старик носик, рот, подбородок вылепил. Смотрят — а у Снегурочки губки порозовели, глазки открылись; Снегурочка на стариков смотрит и улыбается. Затем головкой закивала, ручками зашевелила, ножками, снег с себя стряхнула — и из сугроба живой девочкой вышла.

Старики обрадовались, в избу ее привели. Смотрят, не налюбуются.

И стала у стариков дочка расти не по дням, а по часам; каждый день все красивее становится. Сама как снег беленькая, коса до пояса, русая, и только румянца на щеках совсем нет.

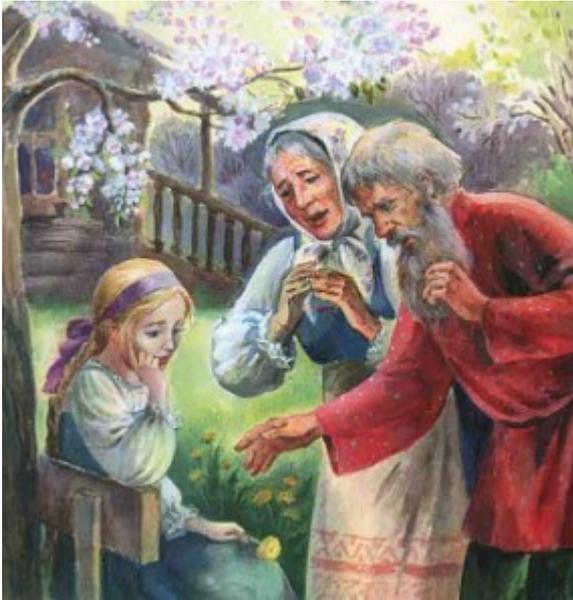
Старики на дочку не нарадуются, в ней души не чают. Дочка растет и умная, и веселая, и смышленная. Со всеми она приветливая, ласковая. И работа в руках у Снегурочки спорится, а как она песню запоет — заслушаешься.

Вот зима прошла. Начало весеннее солнышко пригревать. Трава на проталинках зазеленела, жаворонки запели. А Снегурочка вдруг почему-то запечалилась. Старик ее спрашивает:

Что с тобой, деточка? Что ты невеселая такая стала? Иль тебе нездоровится? —

Все хорошо, батюшка, все хорошо, матушка, я здорова. —

Вот и снег последний растаял, цветы на лугах зацвели, птицы прилетели. А Снегурочка с каждым днем все печальнее становится, все молчаливее. От солнца все время прячется. Все ищет тень да холодок, а пуще всего радуется дождичку.

Однажды налетела черная туча, из нее посыпался град крупный. Снегурочка обрадовалась граду как жемчугу перекатному. А когда снова солнышко выглянуло и град растаял, она опять заплакала, да так горько, как будто сестра по брату родному.

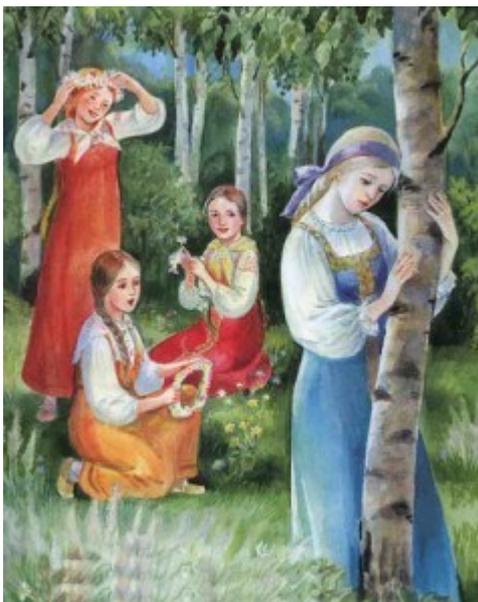
За весной пришло лето красное. Девушки на гулянье в рощу собрались, Снегурочку зовут:

— Снегурочка, идем с нами в лес гулять, плясать, песни петь.

Снегурочке не хотелось в лес идти, но ее старуха уговорила:

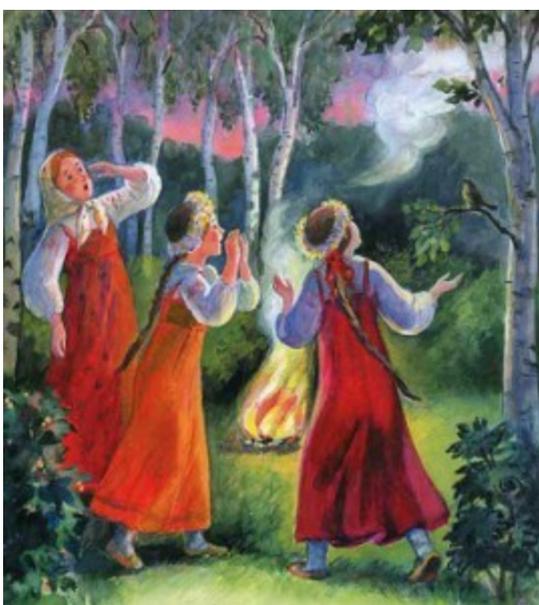
Сходи, доченька с подружками, повеселись! —

Пришли девушки со Снегурочкой в лес. Начали собирать собирать, плести венки, петь песни, водить хороводы. И только Снегурочке одной по-прежнему невесело.

А как вечер настал, набрали девушки хворосту, костер разложили и начали все друг за дружкой прыгать через огонь. И Снегурочка позади всех встала.

Побежала она в свою очередь за подружками. Над огнем прыгнула, да вдруг и растаяла, в белое облачко превратилась. Поднялось высоко облачко и пропало в небе. Только подружки и услышали, как позади что-то жалобно простонало: «Ау!» Обернулись они — а Снегурочки уже и нет.

Стали они ее кликать:

Ау, ау, Снегурочка! —

А им из леса только эхо и откликнулось.

Read more: <http://detochki-doma.ru/snegurochka/#ixzz2fi8B38LF> + смотреть мультфильм

А.С. Пушкин

http://skaz-pushkina.ru/rr_1.html - слушать + читать

<http://multikonline.ru/russkie-multfilmy-online/611-skazka-o-rybake-i-rybke.html>

Сказка о мертвой царевне...

Сказка о рыбаке и рыбке

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод, —
Пришел невод с одною тинной.
Он в другой раз закинул невод,
Пришел невод с травой морской.
В третий раз закинул он невод, —
Пришел невод с одною рыбкой,
С непростой рыбкой, — золотою.
Как взмолилась золотая рыбка!
Голосом молвит человечьим:
«Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь.»
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;

338

Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо.
«Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,

Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять с нее выкуп;
Так пустил ее в синее море».
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто,
Наше-то совсем расколось».

Вот пошел он к синему морю;
Видит, — море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка и спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не дает старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем расколось».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Будет вам новое корыто».
Воротился старик ко старухе,
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ль корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбке;
Поклонись ей, выпроси уж избу».

339

Вот пошел он к синему морю,
(Помутилось синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не дает старику мне покою:
Избу просит сварливая баба».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Так и быть: изба вам уж будет».
Пошел он ко своей землянке,
А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светелкой,
С кирпичною, беленою трубою,

С дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидит под окошком,
На чем свет стоит мужа ругает.
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой».

Пошел старик к синему морю;
(Не спокойно синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не дает старику мне покою:
Уж не хочет быть она крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом».

340

Воротился старик ко старухе.
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке,
Парчовая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьет их, за чупрун таскает.
Говорит старик своей старухе:
«Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна».
На него прикрикнула старуха,
На конюшне служить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась:
Опять к рыбке старика посылает.
«Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей».
Испугался старик, взмолился:
«Что ты, баба, белены объелась?
Ни ступить, ни молвить не умеешь,
Насмешишь ты целое царство».
Осердилася пуще старуха,

По щеке ударила мужа.
«Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою? —
Ступай к морю, говорят тебе честью,
Не пойдешь, поведут поневоле».

Старичок отправился к морю,
(Почернело синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:

341

Уж не хочет быть она дворянкой,
Хочет быть вольною царицей».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом!
Добро! будет старуха царицей!»

Старичок к старухе воротился.
Что ж? пред ним царские палаты.
В палатах видит свою старуху,
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вины;
Заедает она пряником печатным;
Вкруг ее стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик, — испугался!
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: «Здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна».
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика взашей затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила.
А народ-то над ним насмеялся:
«Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!»

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцев за мужем посылает,
Отыскиали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:

«Воротись, поклонися рыбке.
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,
Чтоб служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках».

342

Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперек слова молвить.
Вот идет он к синему морю,
Видит, на море черная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою;
Чтобы жить ей в Окияне-море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился —
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

П.П. Ершов. Конек горбунок

Петр Павлович Ершов. Конек-Горбунок

ОСР Кудрявцев Г.Г.
Государственное издательство детской литературы
Министерства просвещения РСФСР. М.- Л. 1964.

П. П. ЕРШОВ

КОШЕК-ГОРБУНОК

* ЧАСТЬ ПЕРВАЯ *

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1964 Ленинград

Начинает сказка сказываться...

а горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе -- на земле
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына:
Старший умный был детина,

Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села.
Там пшеницу продавали,
Деньги счетом принимали
И с набитою сумой
Возвращались домой.

В долгом времени аль вскоре
Приключилось им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали
Отродясь не видали;

Стали думать да гадать --
Как бы вора соглядать;
Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами поберечь,
Злого вора подстеречь.

Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат сбираться:
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.

Ночь ненастная настала,
На него боязнь напала,
И со страхов наш мужик
Закопался под сеник.
Ночь проходит, день приходит;
С сеника дозорный сходит
И, облив себя водой,
Стал стучаться под избой:
"Эй вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери,
Под дождем я весь промок
С головы до самых ног".
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И, прокашлявшись, сказал:
"Всю я ноченьку не спал;
На мое ж притом несчастье,
Было страшное ненастье:

Дождь вот так ливмя и лил,
Рубашонку всю смочил.
Уж куда как было скучно!..
Впрочем, все благополучно".
Похвалил его отец:
"Ты, Данило, молодец!
Ты вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при всем,
Не ударил в грязь лицом".

Стало сызнова смеркаться;
Средний брат пошел собирать:
Взял и вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малого напала,
Зубы начали плясать;
Он ударился бежать --

И всю ночь ходил дозором
У соседки под забором.
Жутко было молодцу!
Но вот утро. Он к крыльцу:
"Эй вы, сони! Что вы спите!
Брату двери отприте;
Ночью страшный был мороз, --
До животиков промерз".
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И сквозь зубы отвечал:
"Всю я ноченьку не спал,
Да, к моей судьбе несчастной,
Ночью холод был ужасный,
До сердец меня пробрал;
Всю я ночку проскакал;
Слишком было несподручно...
Впрочем, все благополучно".
И ему сказал отец:
"Ты, Гаврило, молодец!"

Стало в третий раз смеркаться,
Надо младшему собирать;
Он и усом не ведет,
На печи в углу поет
Изо всей дурацкой мочи:
"Распрекрасные вы очи!"

Братья ну ему пенять,
Стали в поле погонять,
Но сколь долго ни кричали,
Только голос потеряли:
Он ни с места. Наконец
Подошел к нему отец,
Говорит ему: "Послушай,
Побегай в дозор, Ванюша.
Я куплю тебе лубков,
Дам гороху и бобов".
Тут Иван с печи слезает,
Малахай свой надевает,

Хлеб за пазуху кладет,
Караул держать идет.

Поле все Иван обходит,
Озираючись кругом,
И садится под кустом;
Звезды на небе считает
Да краюшку уплетает.

Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая.
"Эхе-хе! так вот какой
Наш воришко!.. Но, постой,
Я шутить ведь, не умею,
Разом сяду те на шею.
Вишь, какая саранча!"
И, минуто улуча,
К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает
И прыгнул к ней на хребет --
Только задом наперед.
Кобылица молодая,
Очью бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась, как стрела.
Вьется кругом над полями,
Виснет пластью надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном.
Но Иван и сам не прост --

Крепко держится за хвост.

Наконец она устала.
"Ну, Иван, -- ему сказала, --
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Дай мне место для покою
Да ухаживай за мною
Сколько смыслишь. Да смотри:
По три утренни зари
Выпускай меня на волю
Погулять по чисту полю.
По исходе же трех дней
Двух рожу тебе коней --
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да еще рожу конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за черную, слышь, бабку.
На земле и под землей
Он товарищ будет твой:
Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет,
В голод хлебом угостит,
В жажду медом напоит.
Я же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле".

"Ладно", -- думает Иван
И в пастуший балаган
Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает
И, лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню:
"Ходил молодец на Пресню".

Вот он всходит на крыльцо,
Вот хватает за кольцо,
Что есть силы в дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,
И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок поскакали,
Заикаясь вскричали:
"Кто стучится сильно так?" --
"Это я, Иван-дурак!"
Братья двери отворили,
Дурака в избу впустили
И давай его ругать, --
Как он смел их так пугать!
А Иван наш, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,

Отправляется на печь
И ведет оттуда речь
Про ночное похождение,
Всем ушам на удивленье:

"Всю я ноченьку не спал,
Звезды на небе считал;
Месяц, ровно, тоже светил, -
Я порядком не приметил.
Вдруг приходит дьявол сам,
С бородою и с усам;
Рожа словно как у кошки,
А глаза-то-что те плоски!
Вот и стал тот черт скакать
И зерно хвостом сбивать.
Я шутить ведь не умею --
И вскочи ему на шею.

Уж таскал же он, таскал,
Чуть башки мне не сломал,
Но и я ведь сам не промах,
Слышь, держал его как в жомах.
Бился, бился мой хитрец
И взмолился наконец:
"Не губи меня со света!
Целый год тебе за это
Обещаю смирно жить,
Православных не мутить".
Я, слышь, слов-то не померил,
Да чертенку и поверил".
Тут рассказчик замолчал,
Позевнул и задремал.
Братья, сколько ни серчали,
Не смогли -- захохотали,
Ухватившись под бока,
Над рассказом дурака.
Сам старик не мог сдержаться,
Чтоб до слез не посмеяться,
Хоть смеяться -- так оно

Старикам уж и грешно.

Много ль времени аль мало
С этой ночи пробежало, --
Я про это ничего
Не слышал ни от кого.
Ну, да что нам в том за дело,
Год ли, два ли пролетело, --

Ведь за ними не бежать...
Станем сказку продолжать.

Ну-с, так вот что! Раз Данило
(В праздник, помнится, то было),
Натянувшись зельно пьян,
Затащился в балаган.
Что ж он видит? -- Прекрасивых
Двух коней золотогривых
Да игрушечку-конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
"Хм! Теперь-то я узнал,
Для чего здесь дурень спал!" --
Говорит себе Данило...
Чудо разом хмель посбило;
Вот Данило в дом бежит
И Гавриле говорит:
"Посмотри, каких красивых
Двух коней золотогривых
Наш дурак себе достал:
Ты и слыхом не слыхал".
И Данило да Гаврило,
Что в ногах их мочи было,
По крапиве прямиком
Так и дуют босиком.

Спотыкнувшись три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здесь и там,
Входят братья к двум коням.
Кони ржали и храпели,
Очи яхонтом горели;
В мелки кольца завитой,
Хвост струился золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты.
Любо-дорого смотреть!
Лишь царю б на них сидеть!
Братья так на них смотрели,
Что чуть-чуть не окривели.
"Где он это их достал? --
Старший среднему сказал. --
Но давно уж речь ведется,
Что лишь дурням клад дается,
Ты ж хоть лоб себе разбей,
Так не выбьешь двух рублей.

Ну, Гаврило, в ту седмицу
Отведем-ка их в столицу;
Там боярам продадим,
Деньги ровно поделим.
А с деньжонками, сам знаешь,
И попьешь и погуляешь,
Только хлопни по мешку.
А благому дураку
Недостанет ведь догадки,
Где гостят его лошадки;
Пусть их ищет там и сям.
Ну, приятель, по рукам!"
Братья разом согласились,
Обнялись, перекрестились

И вернулись домой,
Говоря промеж собой
Про коней и про пирушку
И про чудную зверушку.

Время катит чередом,
Час за часом, день за днем.
И на первую седмицу
Братья едут в град-столицу,
Чтоб товар свой там продать
И на пристани узнать,
Не пришли ли с кораблями
Немцы в город за холстами
И нейдет ли царь Салтан
Басурманить христиан.
Вот иконам помолились,
У отца благословились,
Взяли двух коней тайком
И отправились тишком.

Вечер к ночи пробирался;
На ночлег Иван собрался;
Вдоль по улице идет,
Ест краюшку да поет.
Вот он поля достигает,
Руки в боки подпирает

И с прискочкой, словно пан,
Боком входит в балаган.

Все по-прежнему стояло,
Но коней как не бывало;
Лишь игрушка-горбунок
У его вертелся ног,
Хлопал с радости ушами
Да приплясывал ногами.
Как завоет тут Иван,
Опершись о балаган:
"Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!
Я ль вас, други, не ласкал,
Да какой вас черт украл?"

Чтоб пропасть ему, собаке!
Чтоб издохнуть в буераке!
Чтоб ему на том свету
Провалиться на мосту!
Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!"

Тут конек ему заржал.
"Не тужи, Иван, -- сказал, --
Велика беда, не спорю,
Но могу помочь я горю.

Ты на черта не клепли:
Братья коников свели.
Ну, да что болтать пустое,
Будь, Иванушка, в покое.
На меня скорей садись,
Только знай себе держись;
Я хоть росту небольшого,
Да смену коня другого:

Как пуцусь да побегу,
Так и беса настигу".

Тут конек пред ним ложится;
На конька Иван садится,
Уши в заgreби берет,
Что есть мочушки ревет.
Горбунок-конек встряхнулся,
Встал на лапки, встrepенулся,
Хлопнул гривкой, захрапел
И стрелою полетел;
Только пыльными клубами
Вихорь вился под ногами.
И в два мига, коль не в миг,
Наш Иван воров настиг.

Братья, то есть, испугались,
Зачесались и замаялись.

А Иван им стал кричать:
"Стыдно, братья, воровать!
Хоть Ивана вы умнее,
Да Иван-то вас честнее:
Он у вас коней не крал".
Старший, корчась, тут сказал:
"Дорогой наш брат Иваша,
Что переться -- дело наше!
Но возьми же ты в расчет
Некорыстный наш живот.

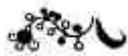
Сколь пшеницы мы ни сеем,
Чуть насущный хлеб имеем.
А коли неурожай,
Так хоть в петлю полезай!
Вот в такой большой печали
Мы с Гаврилой толковали
Всю намерднишнюю ночь --

Чем бы горюшку помочь?
Так и этак мы вершили,
Наконец вот так решили:
Чтоб продать твоих коньков
Хоть за тысячу рублей.
А в спасибо, молвить к слову,
Привезти тебе обнову --
Красну шапку с позвонком
Да сапожки с каблучком.
Да к тому ж старик не может,
Работать уже не может;
А ведь надо ж мыкать век, --
Сам ты умный человек!" --
"Ну, коль этак, так ступайте, --
Говорит Иван, -- продайте
Златогривых два коня,
Да возьмите ж и меня".
Братья больно покосились,
Да нельзя же! согласились.

Стало на небе темнеть;
Воздух начал холодеть;
Вот, чтоб им не заблудиться,
Решено остановиться.

Под навесами ветвей
Привязали всех коней,
Принесли с естным лукошко,
Опохмелились немножко
И пошли, что боже даст,
Кто во что из них горазд.

Вот Данило вдруг приметил,
Что огонь вдали засветил.
На Гаврилу он взглянул,
Левым глазом подмигнул
И прикашлянул легонько,
Указав огонь тихонько;
Тут в затылке почесал,
"Эх, как темно! -- он сказал. --
Хоть бы месяц этак в шутку
К нам проглянул на минутку,
Все бы легче. А теперь,
Право, хуже мы тетерь...
Да постой-ка... мне сдается,
Что дымок там светлый вьется...
Видишь, звон!.. Так и есть!..
Вот бы курево развесть!
Чудо было б!.. А послушай,
Побегай-ка, брат Ванюша!
А, признаться, у меня
Ни огнива, ни кремня".
Сам же думает Данило:
"Чтоб тебя там задавило!"
А Гаврило говорит:
"Кто-петь знает, что горит!

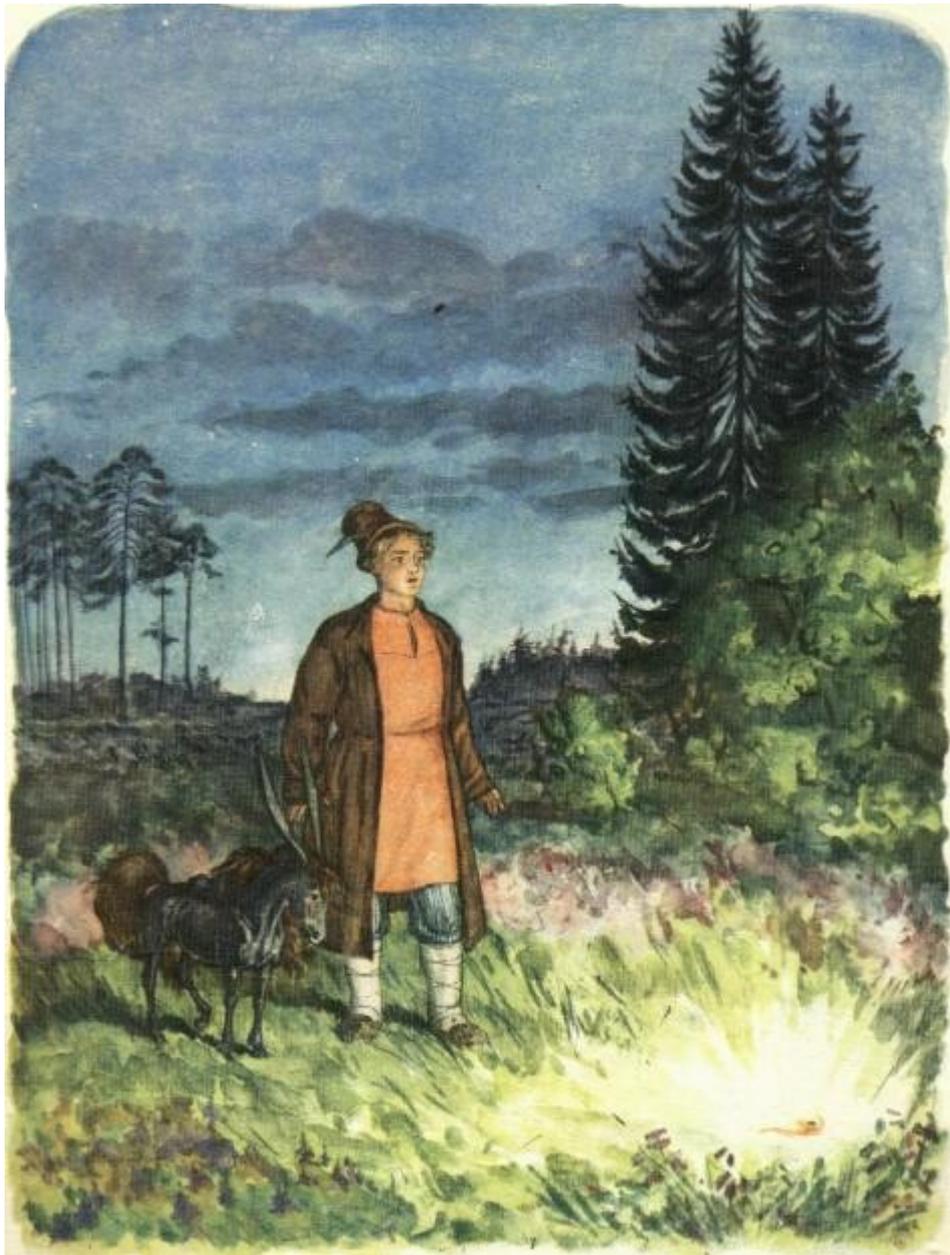
Коль станичники пристали
Поминай его, как звали!"

Все пустяк для дурака.
Он садится на конька,
Бьет в круты бока ногами,
Теребит его руками,
Изо всех горланит сил...
Конь взвился, и след простыл.
"Буди с нами крестна сила! --
Закричал тогда Гаврило,
Оградясь крестом святым. --
Что за бес такой под ним!"

Огонек горит светлее,
Горбунок бежит скорее.
Вот уж он перед огнем.
Светит поле словно днем;
Чудный свет кругом струится,
Но не греет, не дымится.
Диву дался тут Иван.
"Что, -- сказал он, -- за шайтан!
Шапок с пять найдется свету,
А тепла и дыму нету;
Эко чудо-огонек!"

Говорит ему конек:
"Вот уж есть чему дивиться!
Тут лежит перо Жар-птицы,
Но для счастья своего
Не бери себе его.
Много, много непокою
Принесет оно с собою". --
"Говори ты! Как не так!" --
Про себя ворчит дурак;
И, подняв перо Жар-птицы,
Завернул его в тряпицы,
Тряпки в шапку положил
И конька поворотил.
Вот он к братьям приезжает
И на спрос их отвечает:
"Как туда я доскакал,
Пень горелый увидал;
Уж над ним я бился, бился,
Так что чуть не надсадился;
Раздувал его я с час --
Нет ведь, черт возьми, угас!"

Братья целу ночь не спали,
Над Иваном хохотали;
А Иван под воз присел,
Вплоть до утра прохрапел.

Тут коней они впрягали
И в столицу приезжали,

Становились в конный ряд,
Супротив больших палат.

В той столице был обычай:
Коль не скажет городничий --
Ничего не покупать,
Ничего не продавать.
Вот обедня наступает;
Городничий выезжает
В туфлях, в шапке меховой,
С сотней стражи городской.
Рядом едет с ним глашатай,
Длинноусый, бородатый;
Он в злату трубу трубит,
Громким голосом кричит:
"Гости! Лавки отпирайте,
Покупайте, продавайте.
А надсмотрщикам сидеть
Подле лавок и смотреть,
Чтобы не было содому,
Ни давежа, ни погрому,
И чтобы никакой урод
Не обманывал народ!"
Гости лавки отпирают,
Люд крещеный закликают:
"Эй, честные господа,
К нам пожалуйте сюда!
Как у нас ли тары-бары,
Всяки разные товары!"
Покупальщики идут,
У гостей товар берут;

Гости денежки считают
Да надсмотрщикам мигают.

Между тем градской отряд
Приезжает в конный ряд;
Смотрит -- давка от народу.
Нет ни выходу ни входу;
Так кишмя вот и кишат,
И смеются, и кричат.
Городничий удивился,
Что народ развеселился,
И приказ отряду дал,
Чтоб дорогу прочищал.

"Эй! вы, черти босоноги!
Прочь с дороги! прочь с дороги!"
Закричали усачи
И ударили в бичи.
Тут народ зашевелился,

Шапки снял и расступился.

Пред глазами конный ряд;
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой...

Наш старик, сколь ни был пылок,
Долго тер себе затылок.
"Чуден, -- молвил, -- божий свет,
Уж каких чудес в нем нет!"
Весь отряд тут поклонился,
Мудрой речи подивился.
Городничий между тем
Наказал престоного всем,
Чтоб коней не покупали,
Не зевали, не кричали;
Что он едет ко двору
Доложить о всем царю.
И, оставив часть отряда,
Он поехал для доклада.

Приезжает во дворец.
"Ты помилуй, царь-отец!--
Городничий восклицает
И всем телом упадает. --
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!"
Царь изволил молвить: "Ладно,
Говори, да только складно". --
"Как умею, расскажу:
Городничим я служу;
Верой-правдой исправляю
Эту должность..." -- "Знаю, знаю!" --
"Вот сегодня, взяв отряд,
Я поехал в конный ряд.
Приезжаю -- тьма народу!
Ну, ни выходу ни входу.

Что тут делать?.. Приказал
Гнать народ, чтоб не мешал.
Так и случилось, царь-надежа!
И поехал я -- и что же?
Предо мною конный ряд;
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты".

Царь не мог тут усидеть.
"Надо коней поглядеть, --
Говорит он, -- да не худо
И завести такое чудо.
Гей, повозку мне!" И вот
Уж повозка у ворот.
Царь умылся, нарядился

И на рынок покатился;
За царем стрельцов отряд.

Вот он въехал в конный ряд.
На колени все тут пали
И "ура" царю кричали.
Царь раскланялся и вмиг

Молодцом с повозки прыг...
Глаз своих с коней не сводит,
Справа, слева к ним заходит,
Словом ласковым зовет,
По спине их тихо бьет,
Треплет шею их крутую,
Гладит гриву золотую,
И, довольно засмотрясь,
Он спросил, оборотясь
К окружавшим: "Эй, ребята!
Чьи такие жеребята?
Кто хозяин?" Тут Иван,
Руки в боки, словно пан,
Из-за братьев выступает
И, надувшись, отвечает:
"Эта пара, царь, моя,
И хозяин -- тоже я". --
"Ну, я пару покупаю!
Продаешь ты?" -- "Нет, меняю". --
"Что в промен берешь добра?" --
"Два-пять шапок серебра". --
"То есть, это будет десять".
Царь тотчас велел отвесить
И, по милости своей,
Дал в прибавок пять рублей.
Царь-то был великодушный!

Повели коней в конюшни
Десять конюхов седых,
Все в нашивках золотых,

Все с цветными кушаками
И с сафьянными бичами.
Но дорогой, как на смех,
Кони с ног их сбили всех,
Все уздечки разорвали
И к Ивану прибежали.

Царь отправился назад,
Говорит ему: "Ну, брат,
Пара нашим не дается;
Делать нечего, придется
Во дворце тебе служить.
Будешь в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Всю конюшенну мою
Я в приказ тебе даю,
Царско слово в том порука.
Что, согласен?" -- "Эка штука!

Во дворце я буду жить,
Буду в золоте ходить,
В красном платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Весь конюшенный завод
Царь в приказ мне отдает;
То есть, я из огорода
Стану царский воевода.
Чудно дело! Так и быть,
Стану, царь, тебе служить.

Только, чур, со мной не драться
И давать мне высыпаться,
А не то я был таков!"

Тут он кликнул скакунов
И пошел вдоль по столице,
Сам махая рукавицей,
И под песню дурака
Кони пляшут трепака;
А конек его -- горбатко --
Так и ломится вприсядку,
К удивленью людям всем.

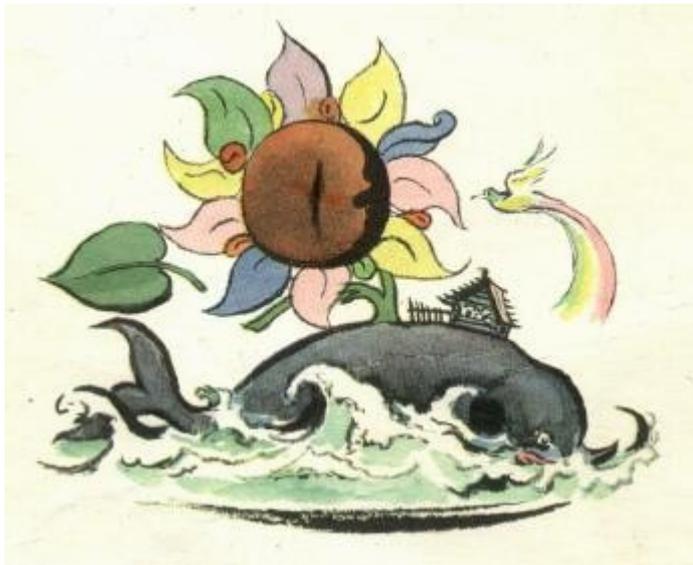

Два же брата между тем
Деньги царски получили,
В опояски их зашили,
Постучали ендовой
И отправились домой.
Дома дружно поделились,
Оба враз они женились,
Стали жить да поживать
Да Ивана поминать.

Но теперь мы их оставим,
Снова сказкой позабавим
Православных христиан,
Что наделал наш Иван,

Находясь во службе царской,
При конюшне государской;
Как в суседки он попал,
Как перо свое проспал,
Как хитро поймал Жар-птицу,
Как похитил Царь-девицу,
Как он ездил за кольцом,
Как был на небе послан,
Как он в солнцевом селенье
Киту выпросил прощенье;
Как, к числу других затей,
Спас он тридцать кораблей;
Как в котлах он не сварился,
Как красавцем учинился;
Словом: наша речь о том,
Как он сделался царем.

*** ЧАСТЬ ВТОРАЯ ***

*Скоро сказка сказывается,
А не скоро дело делается.*

ачинается рассказ
От Ивановых проказ,
И от сивка, и от бурка,
И от вещего коурка.
Козы на море ушли;
Горы лесом поросли;

Конь с золотой узды срывался,
Прямо к солнцу поднимался;
Лес стоячий под ногой,
Сбоку облак громовой;
Ходит облак и сверкает,
Гром по небу рассыпает.
Это присказка: пожди,
Сказка будет впереди.
Как на море-окияне
И на острове Буяне
Новый гроб в лесу стоит,
В гробе девица лежит;
Соловей над гробом свищет;
Черный зверь в дубраве рыщет,
Это присказка, а вот --
Сказка чередом пойдет.

Ну, так видите ль, миряне,
Православны христиане,
Наш удалый молодец

Затесался во дворец;
При конюшне царской служит
И нисколько не потужит
Он о братьях, об отце
В государевом дворце.
Да и что ему до братьев?
У Ивана красных платьев,
Красных шапок, сапогов
Чуть не десять коробов;

Ест он сладко, спит он столько,
Что раздолье, да и только!

Вот неделей через пять
Начал спальник примечать...
Надо молвить, этот спальник
До Ивана был начальник
Над конюшней надо всей,
Из боярских слыл детей;
Так не диво, что он злился
На Ивана и божился,
Хоть пропасть, а пришлеца
Потурить вон из дворца.
Но, лукавство сокрывая,
Он для всякого случая
Притворился, плут, глумим,
Близоруким и немым;
Сам же думает: "Постой-ка,
Я те двину, неумойка!"

Так неделей через пять
Спальник начал примечать,
Что Иван коней не холит,
И не чистит, и не школит;
Но при всем том два коня
Словно лишь из-под гребня:
Чисто-начисто обмыты,
Гривы в косы перевиты,

Челки собраны в пучок,
Шерсть -- ну, лоснится, как шелк;
В стойлах -- свежая пшеница,
Словно тут же и рождается,
И в чанах больших сыта
Будто только налита.
"Что за притча тут такая? --
Спальник думает вздыхая. --
Уж не ходит ли, постой,
К нам проказник-домовой?
Дай-ка я подкараулю,
А нешто, так я и пулю,
Не смигнув, умею слить, --
Лишь бы дурня уходить.
Донесу я в думе царской,
Что конюший государской --
Басурманин, ворожей,
Чернокнижник и злодей;
Что он с бесом хлеб-соль водит,
В церковь божию не ходит,
Католицкий держит крест

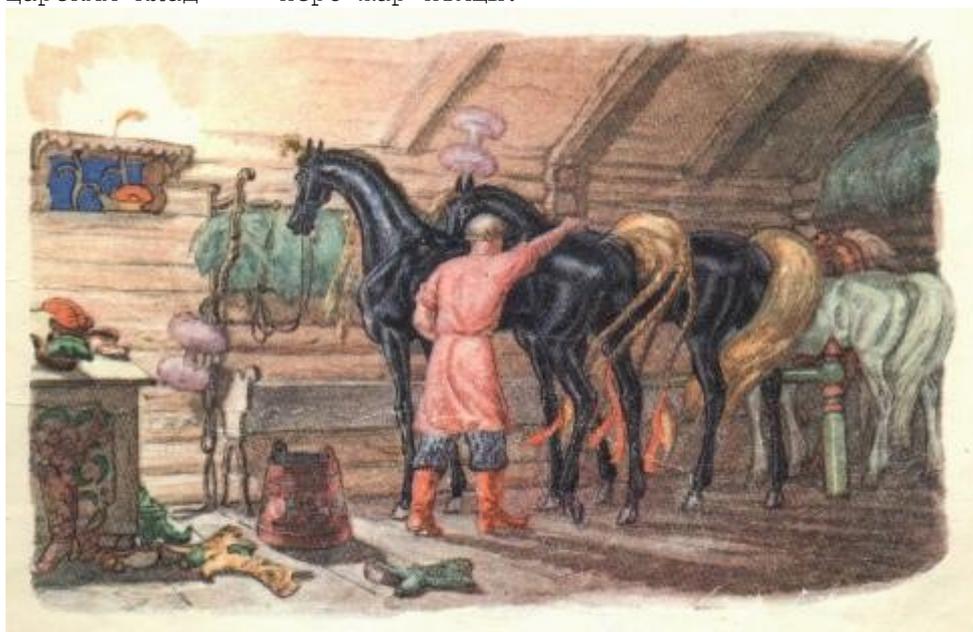
И постами мясо ест".

В тот же вечер этот спальник,
Прежний конюших начальник,
В стойлы спрятался тайком
И обсыпался овсом.

Вот и полночь наступила.
У него в груди заныло:
Он ни жив ни мертв лежит,
Сам молитвы все творит.
Ждет суседки... Чу! в сам-деле,
Двери глухо заскрыпели,
Кони топнули, и вот
Входит старый коновод.
Дверь задвижкой запирает,
Шапку бережно скидает,
На окно ее кладет
И из шапки той берет
В три завернутый тряпицы
Царский клад -- перо Жар-птицы.

Свет такой тут заблистал,
Что чуть спальник не вскричал,
И от страху так забился,
Что овес с него свалился.
Но суседке невдомек!
Он кладет перо в сусек,
Чистить коней начинает,
Умывает, убирает,
Гривы длинные плетет,
Разны песенки поет.
А меж тем, свернувшись клубом,
Поколачивая зубом,
Смотрит спальник, чуть живой,
Что тут деет домовой.
Что за бес! Нешто нарочно
Прирядился плут полночный:

Нет рогов, ни бороды,
Ражий парень, хоть куды!
Волос гладкий, сбоку ленты,
На рубашке прозументы,
Сапоги как ал сафьян, --
Ну, точнехонько Иван.
Что за диво? Смотрит снова
Наш глазей на домового...
"Э! так вот что! -- наконец
Проворчал себе хитрец, --
Ладно, завтра ж царь узнает,
Что твой глупый ум скрывает.
Подожди лишь только дня,
Будешь помнить ты меня!"
А Иван, совсем не зная,
Что ему беда такая
Угрожает, все плетет
Гривы в косы да поет.

А убрав их, в оба чана
Нацедил сыты медвяной
И насыпал дополна
Белоярова пшена.
Тут, зевнув, перо Жар-птицы
Завернул опять в тряпицы,
Шапку под ухо -- и лег
У коней близ задних ног.

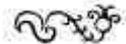
Только начало зориться,
Спальник начал шевелиться,
И, услыша, что Иван
Так храпит, как Еруслан,
Он тихонько вниз слезает
И к Ивану подползает,
Пальцы в шапку запустил,
Хватя перо -- и след простыл.

Царь лишь только пробудился,
Спальник наш к нему явился,
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
"Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,

Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить". --
"Говори, не прибавляя, --
Царь сказал ему зевая.
Если ж ты да будешь врать,
То кнута не миновать".
Спальник наш, собравшись с силой,
Говорит царю: "Помилуй!
Вот те истинный Христос,
Справедлив мой, царь, донос.
Наш Иван, то всякий знает,
От тебя, отец скрывает,
Но не золото, не серебро --
Жароптицево перо..." --
"Жароптицево?.. Проклятый!
И он смел такой богатый..."

Погоди же ты, злодей!
 Не минуешь ты плетей!.." --
 "Да и то ль еще он знает! --
 Спальник тихо продолжает
 Изогнувшись. -- Добро!
 Пусть имел бы он перо;
 Да и самую Жар-птицу
 Во твою, отец, светлицу,
 Коль приказ изволишь дать,
 Похваляется достать".
 И доносчик с этим словом,
 Скрючась обручем таловым,
 Ко кровати подошел,
 Подал клад -- и снова в пол.

Царь смотрел и дивовался,
 Гладил бороду, смеялся
 И скусил пера конец.
 Тут, уклад его в ларец,
 Закричал (от нетерпенья),
 Подтвердив свое веленье
 Быстрым взмахом кулака:
 "Гей! позвать мне дурака!"

И посыльные дворяна
 Побежали по Ивана,
 Но, столкнувшись все в углу,
 Растянулись на полу.
 Царь тем много любовался
 И до колотья смеялся.
 А дворяна, усмотря,
 Что смешно то для царя,
 Меж собой перемигнулись
 И вдругоредь растянулись.
 Царь тем так доволен был,
 Что их шапкой наградил.

Тут посыльные дворяна
Вновь пустились звать Ивана
И на этот уже раз
Обошлись без проказ.

Вот к конюшне прибегают,
Двери настежь отворяют
И ногами дурака
Ну толкать во все бока.
С полчаса над ним возились,
Но его не добились.
Наконец уж рядовой
Разбудил его метлой.

"Что за челядь тут такая? --
Говорит Иван вставая. --
Как хвачу я вас бичом,
Так не станете потом
Без пути будить Ивана".
Говорят ему дворяна:
"Царь изволил приказать
Нам тебя к нему позвать". --
"Царь?.. Ну ладно! Вот сряжуся
И тотчас к нему явлюся", --
Говорит послам Иван.

Тут надел он свой кафтан,
Опояской подвязался,
Приумылся, причесался,
Кнут свой сбоку прицепил,
Словно утица поплыл.

Вот Иван к царю явился,

Поклонился, подбодрился,
Крякнул дважды и спросил:
"А пошто меня будил?"
Царь, прищурясь глазом левым,
Закричал к нему со гневом,
Приподнявшись: "Молчать!
Ты мне должен отвечать:
В силу коего указа
Скрыл от нашего ты глаза
Наше царское добро --
Жароптицево перо?
Что я -- царь али боярин?
Отвечай сейчас, татарин!"
Тут Иван, махнув рукой,
Говорит царю: "Постой!
Я те шапки ровно не дал,
Как же ты о том проведал?
Что ты -- ажно ты пророк?
Ну, да что, сади в острог,
Прикажи сейчас хоть в палки --
Нет пера, да и шабалки!.." --
"Отвечай же! запорю!.." --
"Я те толком говорю:

Нет пера! Да, слышь, откуда
Мне достать такое чудо?"
Царь с кровати тут вскочил
И ларец с пером открыл.
"Что? Ты смел еще переться?
Да уж нет, не отвертеться!
Это что? А?" Тут Иван
Задрожал, как лист в буран,
Шапку выронил с испуга.
"Что, приятель, видно, туго? --
Молвил царь. -- Постой-ка, брат!.." --
"Ох, помилуй, виноват!
Отпусти вину Ивану,
Я вперед уж врать не стану".
И, закутавшись в полу,
Растянулся на полу.
"Ну, для первого случаю
Я вину тебе прощаю, --
Царь Ивану говорит. --
Я, помилуй бог, сердит!
И с сердцов иной порою
Чуб сниму и с головою.
Так вот, видишь, я каков!
Но, сказать без дальних слов,
Я узнал, что ты Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,
Если б вздумал приказать,
Похваляешься достать.
Ну, смотри ж, не отпирайся
И достать ее старайся".
Тут Иван волчком вскочил.
"Я того не говорил! --
Закричал он утираясь. --
О пере не запираюсь,

Но о птице, как ты хошь,
Ты напраслину ведешь".
Царь, затрясши бородою:

"Что? Рядиться мне с тобою! --
Закричал он. -- Но смотри,
Если ты недели в три
Не достанешь мне Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,
То, клянуся бородой,
Ты заплатишься со мной:
На правож -- в решетку -- на кол!
Вон, холоп!" Иван заплакал
И пошел на сеновал,
Где конек его лежал.

Горбунок, его почуя,
Дрягнул было плясовую;
Но, как слезы увидал,
Сам чуть-чуть не зарыдал.
"Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? --
Говорит ему конек,
У его вертяся ног. --
Не утайся предо мною,
Все скажи, что за душою.
Я помочь тебе готов.
Аль, мой милый, нездоров?
Аль попался к лиходею?"
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.

"Ох, беда, конек! -- сказал. --
Царь велит достать Жар-птицу
В государственную светлицу.
Что мне делать, горбунок?"
Говорит ему конек:
"Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня:
Помнишь, ехав в град-столицу,
Ты нашел перо Жар-птицы;
Я сказал тебе тогда:
Не бери, Иван, -- беда!
Много, много непокою
Принесет оно с собою.
Вот теперь ты узнал,
Правду ль я тебе сказал.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это -- службишка, не служба;
Служба все, брат, впереди.
Ты к царю теперь поди
И скажи ему открыто:
"Надо, царь, мне два корыта
Белоярова пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся, в поход".

Вот Иван к царю идет,

Говорит ему открыто:
"Надо, царь, мне два корыта
Белоярова пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход".
Царь тотчас приказ дает,
Чтоб посыльные дворяна
Все сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И "счастливый путь!" сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил конек Ивана:
"Гей! Хозяин! Полно спать!
Время дело исправлять!"
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял корыта, и пшено,
И заморское вино;
Потеплее приделся,
На коньке своем уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток --
Доставать тое Жар-птицу.

Едут целую седмицу,
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конек Ивану:
"Ты увидишь здесь поляну;
На поляне той гора
Вся из чистого сребра;
Вот сюда то до зарницы
Прилетают жары-птицы
Из ручья воды испить;
Тут и будем их ловить".
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает на поляну.
Что за поле! Зелень тут
Словно камень-изумруд;
Ветерок над нею веет,
Так вот искорки и сеет;
А по зелени цветы
Несказанной красоты.
А на той ли на поляне,
Словно вал на океане,

Возвышается гора
Вся из чистого серебра.
Солнце летними лучами
Красит всю ее зарями,
В стгибах золотом бежит,
На верхах свечой горит.

Вот конек по косогору
Поднялся на эту гору,
Версту, другу пробежал,
Устоялся и сказал:

"Скоро ночь, Иван, начнется,
И тебе стеречь придется.
Ну, в корыто лей вино
И с вином мешай пшено.
А чтоб быть тебе закрыту,
Ты под то подлезь корыто,
Втихомолку примечай,
Да, смотри же, не зевай.
До восхода, слышь, зарницы
Прилетят сюда жар-птицы
И начнут пшено клевать
Да по-своему кричать.

Ты, которая поближе,
И схвати ее, смотри же!
А поймашь птицу-жар,

И кричи на весь базар;
Я тотчас к тебе явлюсь".--
"Ну, а если обожгуся?--
Говорит коньку Иван,
Расстилая свой кафтан. --
Рукавички взять придется:
Чай, плутовка больно жгется".
Тут конек из глаз исчез,
А Иван, кряхтя, подлез
Под дубовое корыто
И лежит там как убитый.

Вот полночною порой
Свет разлился над горой, --
Будто полдни наступают:
Жары-птицы налетают;
Стали бегать и кричать
И пшено с вином клевать.
Наш Иван, от них закрытый,
Смотрит птиц из-под корыта
И толкует сам с собой,
Разводя вот так рукой:
"Тьфу ты, дьявольская сила!
Эк их, дряней, привалило!

Чай, их тут десятков с пять.
Кабы всех переимать, --
То-то было бы поживы!
Неча молвить, страх красивы!

Ножки красные у всех;
А хвосты-то -- сущий смех!
Чай, таких у куриц нету.
А уж сколько, парень, свету,
Словно батюшкина печь!"
И, скончав такую речь,
Сам с собою под лазейкой,
Наш Иван ужом да змейкой

Ко пшену с вином подполз, --
Хвать одну из птиц за хвост.
"Ой, Конечек-горбуночек!
Прибегай скорей, дружок!
Я ведь птицу-то поймал", --
Так Иван-дурак кричал.
Горбунок тотчас явился.
"Ай, хозяин, отличился! --
Говорит ему конек. --
Ну, скорей ее в мешок!
Да завязывай туже;
А мешок привесь на шею.
Надо нам в обратный путь". --
"Нет, дай птиц-то мне пугнуть!
Говорит Иван. -- Смотри-ка,
Вишь, надселися от крика!"
И, схвативши свой мешок,
Хлещет вдоль и поперек.
Ярким пламенем сверкая,
Встрепенулася вся стая,
Кругом огненным свилась
И за тучи понеслась.
А Иван наш вслед за ними
Рукавицами своими
Так и машет и кричит,
Словно щелоком облит.
Птицы в тучах потерялись;
Наши путники собрались,
Уложили царский клад
И вернулись назад.

Вот приехали в столицу.
"Что, достал ли ты Жар-птицу?" --
Царь Ивану говорит,
Сам на спальника глядит.
А уж тот, нешто от скуки,
Искусал себе все руки.
"Разумеется, достал", --
Наш Иван царю сказал.
"Где ж она?" -- "Постой немножко,
Прикажи сперва окошко
В почивальне затворить,
Знашь, чтоб темень сотворить".

Тут дворяна побежали
И окошко затворяли.
Вот Иван мешок на стол:
"Ну-ка, бабушка, пошел!"
Свет такой тут вдруг разлился,
Что весь двор рукой закрылся.
Царь кричит на весь базар:
"Ахти, батюшки, пожар!"

Эй, решеточных сзывайте!
Заливайте! Заливайте!" --
"Это, слышь ты, не пожар,
Это свет от птицы-жар, --
Молвил ловчий, сам со смеху
Надрываясь. -- Потеху
Я привез те, осударь!"
Говорит Ивану царь:
"Вот люблю дружка Ванюшу!
Взвеселил мою ты душу,

И на радости такой --
Будь же царский стремянной!"

Это видя, хитрый спальник,
Прежний конюших начальник,
Говорит себе под нос:
"Нет, постой, молокосос!
Не всегда тебе случится
Так канальски отличиться.
Я те снова подведу,
Мой дружочек, под беду!"

Через три потом недели
Вечерком одним сидели
В царской кухне повара
И служители двора;
Попивали мед из жбана
Да читали Еруслана.
"Эх! -- один слуга сказал, --
Как севодни я достал
От соседа чудо-книжку!
В ней страниц не так чтоб слишком,
Да и сказок только пять,
А уж сказки -- вам сказать,
Так не можно надивиться;
Надо ж этак умудриться!"

Тут все в голос: "Удружи!
Расскажи, брат, расскажи!" --
"Ну, какую ж вы хотите?
Пять ведь сказок; вот смотрите:
Перва сказка о бобре,
А вторая о царе;
Третья... дай бог память... точно!
О боярыне восточной;
Вот в четвертой: князь Бобыл;
В пятой... в пятой... эх, забыл!
В пятой сказке говорится...
Так в уме вот и вертится..." --

"Ну, да брось ее!" -- "Постой!" --
"О красоте, что ль, какой?" --
"Точно! В пятой говорится
О прекрасной Царь-девице.
Ну, которую ж, друзья,
Расскажу севодни я?" --
"Царь-девицу! -- все кричали. --
О царях мы уж слышали,
Нам красоток-то скорей!
Их и слушать веселей".
И слуга, усевшись важно,
Стал рассказывать протяжно:

"У далеких немских стран
Есть, ребята, окиян.
По тому ли окияну
Ездят только басурманы;
С православной же земли
Не бывали николи
Ни дворяне, ни миряне
На поганом окияне.
От гостей же слух идет,
Что девица там живет;
Но девица не простая,
Дочь, вишь, месяцу родная,

Да и солнышко ей брат.
Та девица, говорят,
Ездит в красном полушубке,
В золотой, ребята, шлюпке

И серебряным веслом
Самолично правит в нем;
Разны песни попевает
И на гусельцах играет..."

Спальник тут с полатей скок --
И со всех обеих ног
Во дворец к царю пустился
И как раз к нему явился;
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
"Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!" --
"Говори, да правду только,
И не ври, смотри, нисколько!" --
Царь с кровати закричал.
Хитрый спальник отвечал:
"Мы севодни в кухне были,
За твое здоровье пили,
А один из дворских слуг
Нас забавил сказкой вслух;
В этой сказке говорится
О прекрасной Царь-девице.
Вот твой царский стремянной
Поклялся твоей брадой,
Что он знает эту птицу, --
Так он назвал Царь-девицу, --

И ее, изволишь знать,
Похваляется достать".
Спальник стукнул об пол снова.
"Гей, позвать мне стремяннова!" --
Царь посыльным закричал.
Спальник тут за печку стал.
А посыльные дворяна
Побежали по Ивана;
В крепком сне его нашли
И в рубашке привели.

Царь так начал речь: "Послушай,
На тебя донос, Ванюша.
Говорят, что вот сейчас
Похвалялся ты для нас
Отыскать другую птицу,
Сиречь молвить, Царь-девицу..." --
"Что ты, что ты, бог с тобой! --
Начал царский стремянной. --
Чай, с просонков я, толкую,
Штуку выкинул такую.
Да хитри себе как хошь,
А меня не проведешь".
Царь, затряси бородою:

"Что? Рядиться мне с тобою? --
Закричал он. -- Но смотри,
Если ты недели в три
Не достанешь Царь-девицу
В нашу царскую светлицу,

То, клянуся бородой!
Ты поплатишься со мной!
На правез -- в решетку -- на кол!
Вон, холоп!" Иван заплакал
И пошел на сеновал,
Где конек его лежал.

"Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? --
Говорит ему конек. --
Аль, мой милый, занемог?
Аль попался к лиходею?"
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
"Ох, беда, конек! -- сказал. --
Царь велит в свою светлицу
Мне достать, слышь, Царь-девицу.
Что мне делать, горбунок?"
Говорит ему конек:
"Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это -- службишка, не служба;
Служба все, брат, впереди!
Ты к царю теперь поди
И скажи: "Ведь для поимки
Надо, царь, мне две ширинки,

Шитый золотом шатер
Да обеденный прибор --
Весь заморского варенья --
И сластей для прохлажденья",

Вот Иван к царю идет
И такую речь ведет:

"Для царевниной поимки
Надо, царь, мне две ширинки,
Шитый золотом шатер
Да обеденный прибор --
Весь заморского варенья --
И сластей для прохладенья". --

"Вот давно бы так, чем нет", --
Царь с кровати дал ответ
И велел, чтобы дворяна
Все сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И "счастливый путь!" сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил конек Ивана:
"Гей! Хозяин! Полно спать!
Время дело исправлять!"
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял ширинки и шатер
Да обеденный прибор --
Весь заморского варенья --
И сластей для прохладенья;
Все в мешок дорожный склал
И веревкой завязал,
Потеплее приоделся,
На коньке своем уселся;
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток
По тое ли Царь-девицу.

Едут целую седмицу,
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.

Тут сказал конек Ивану:
"Вот дорога к окяну,
И на нем-то круглый год
Та красавица живет;
Два раза она лишь сходит
С окяна и приводит
Долгий день на землю к нам.
Вот увидишь завтра сам".
И; окончив речь к Ивану,
Выбегает к окяну,
На котором белый вал
Одинешенек гулял.
Тут Иван с конька слезает,
А конек ему вещает:
"Ну, раскидывай шатер,
На ширинку ставь прибор

Из заморского варенья
И сластей для прохладенья.
Сам ложися за шатром
Да смекай себе умом.
Видишь, шлюпка вон мелькает..
То царевна подплывает.
Пусть в шатер она войдет,
Пусть покушает, попьет;
Вот, как в гусли заиграет, --
Знай, уж время наступает.
Ты тотчас в шатер вбегай,
Ту царевну сохватай
И держи ее сильнее
Да зови меня скорее.
Я на первый твой приказ
Прибегу к тебе как раз;
И поедем... Да, смотри же,
Ты гляди за ней поближе;

Если ж ты ее проспешь,
Так беды не избежишь".
Тут конек из глаз сокрылся,
За шатер Иван забился
И давай диру вертеть,
Чтоб царевну подсмотреть.

Ясный полдень наступает;
Царь-девица подплывает,
Входит с гуслиями в шатер
И садится за прибор.
"Хм! Так вот та Царь-девица!
Как же в сказках говорится, --
Рассуждает стремянной, --
Что куда красна собой
Царь-девица, так что диво!
Эта вовсе не красива:
И бледна-то, и тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
А ножонка-то, ножонка!
Тьфу ты! словно у цыпленка!
Пусть полюбится кому,
Я и даром не возьму".
Тут царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иван, не зная как,
Прикорнулся на кулак
И под голос тихий, стройный
Засыпает преспокойно.

Запад тихо догорал.
Вдруг конек над ним заржал
И, толкнув его копытом,
Крикнул голосом сердитым:
"Спи, любезный, до звезды!
Высыпай себе беды,
Не меня ведь вздернут на кол!"
Тут Иванушка заплакал
И, рыдаючи, просил,
Чтоб конек его простил:
"Отпусти вину Ивану,
Я вперед уж спать не стану". --
"Ну, уж бог тебя простит! --
Горбунок ему кричит. --
Все поправим, может стать,
Только, чур, не засыпаться;
Завтра, рано поутру,
К златошвейному шатру
Приплывет опять девица
Меду сладкого напиться.
Если ж снова ты заснешь,
Головы уж не снесешь".
Тут конек опять сокрылся;
А Иван собирать пустился
Острых камней и гвоздей
От разбитых кораблей
Для того, чтоб уколоться,
Если вновь ему вздремнется.

На другой день, поутру,
К златошвейному шатру
Царь-девица подплывает,
Шлюпку на берег бросает,
Входит с гуслиями в шатер

И садится за прибор...
Вот царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иванушке опять
Захотелось поспать.
"Нет, постой же ты, дрянная! --
Говорит Иван вставая. --
Ты в другоредь не уйдешь
И меня не проведешь".
Тут в шатер Иван вбегает,
Косу длинную хватает...
"Ой, беги, конек, беги!
Горбунок мой, помоги!"
Вмиг конек к нему явился.
"Ай, хозяин, отличился!
Ну, садись же поскорей
Да держи ее плотней!"

Вот столицы достигает.
Царь к царевне выбегает,
За белы руки берет,
Во дворец ее ведет
И садит за стол дубовый
И под занавес шелковый,

В глазки с нежностью глядит,
Сладки речи говорит:
"Бесподобная девица,
Согласися быть царица!
Я тебя едва узрел --
Сильной страстью воскипел.
Соколины твои очи
Не дадут мне спать средь ночи
И во время бела дня --
Ох! измучают меня.
Молви ласковое слово!
Все для свадьбы уж готово;

Завтра ж утром, светик мой,
Обвенчаемся с тобой
И начнем жить припевая".

А царевна молодая,
Ничего не говоря,
Отвернулась от царя.
Царь нисколько не сердился,
Но сильней еще влюбился;
На колен пред нею стал,
Ручки нежно пожимал
И балясы начал снова:
"Молви ласковое слово!
Чем тебя я огорчил?
Али тем, что полюбил?
"О, судьба моя плачевна!"
Говорит ему царевна:
"Если хочешь взять меня,

То доставь ты мне в три дня
Перстень мой из окияна". --
"Гей! Позвать ко мне Ивана!" --
Царь поспешно закричал
И чуть сам не побежал.

Вот Иван к царю явился,
Царь к нему оборотился
И сказал ему: "Иван!
Поезжай на окиян;

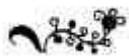
В окияне том хранится
Перстень, слышь ты, Царь-девицы.
Коль достанешь мне его,
Задарю тебя всего".--
"Я и с первой-то дороги
Волочу насилу ноги;
Ты опять на окиян!" --
Говорит царю Иван.
"Как же, плут, не торопиться:
Видишь, я хочу жениться! --
Царь со гневом закричал
И ногами застучал. --
У меня не отпирайся,
А скорее отправляйся!"
Тут Иван хотел идти.
"Эй, послушай! По пути, --
Говорит ему царица, --
Заезжай ты поклониться
В изумрудный терем мой
Да скажи моей родной:
Дочь ее узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик свой ясный от меня?
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлет луча ко мне?
Не забудь же!" -- "Помнить буду,
Если только не забуду;
Да ведь надо же узнать,
Кто те братец, кто те мать,
Чтоб в родне-то нам не сбиться".
Говорит ему царица:

"Месяц -- мать мне, солнце -- брат" --
"Да, смотри, в три дня назад!" --
Царь-жених к тому прибавил.
Тут Иван царя оставил
И пошел на сеновал,
Где конек его лежал.

"Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил?" --
Говорит ему конек.
"Помоги мне, горбунок!
Видишь, вздумал царь жениться,
Знашь, на тоненькой царице,

Так и шлет на окиян, --
Говорит коньку Иван. --
Дал мне сроку три дня только;
Тут попробовать изволь-ка
Перстень дьявольский достать!
Да велела заезжать
Эта тонкая царица
Где-то в терем поклониться
Солнцу, Месяцу, притом
И спросать кое об чем..."
Тут конек: "Сказать по дружбе,
Это -- службишка, не служба;
Служба все, брат, впереди!
Ты теперя спать поди;
А наавтра, утром рано,
Мы поедем к окияну".

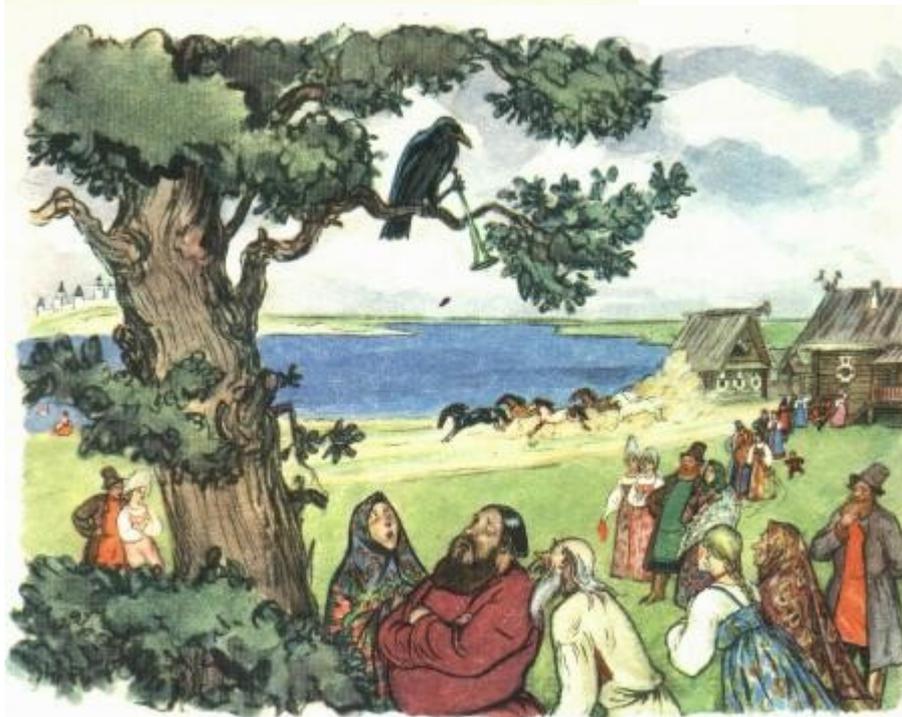
На другой день наш Иван,
Взяв три луковки в карман,
Потеплее приоделся,
На коньке своем уселся
И поехал в дальний путь...
Дайте, братцы, отдохнуть!

*** ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ***

*Доседева Макар огороды копад,
А ныне Макар в боевоты попал.*

а-ра-рали, та-ра-ра!
Вышли кони со двора;
Вот крестьяне их поймали
Да покрепче привязали.
Сидит ворон на дубу,
Он играет во трубу;

Как во трубушку играет,
Православных потешает:
"Эй, послушай, люд честной!
Жили-были муж с женой;
Муж-то примется за шутки,
А жена за прибаутки,
И пойдет у них тут пир,
Что на весь крещеный мир!"
Это присказка ведется,
Сказка послее начнется.
Как у наших у ворот
Муха песенку поет:
"Что дадите мне за вестку?
Бьет свекровь свою невестку:
Посадила на шесток,
Привязала за шнурок,
Ручки к ножкам притянула,
Ножку правую разула:
"Не ходи ты по зарям!
Не кажися молодцам!"
Это присказка велася,
Вот и сказка началась.

Ну-с, так едет наш Иван
За кольцом на окиян.
Горбунок летит, как ветер,
И в почин на первый вечер
Верст сто тысяч отмахал
И нигде не отдыхал.

Подъезжая к окияну,
Говорит конек Ивану:
"Ну, Иванушка, смотри,
Вот минутки через три
Мы приедем на поляну --
Прямо к морю-окияну;
Поперек его лежит
Чудо-юдо рыба-кит;
Десять лет уж он страдает,
А доселева не знает,
Чем прощенье получить;
Он учнет тебя просить,
Чтоб ты в солнцевом селенье
Попросил ему прощенье;
Ты исполнить обещаешь,
Да, смотри ж, не забывай!"

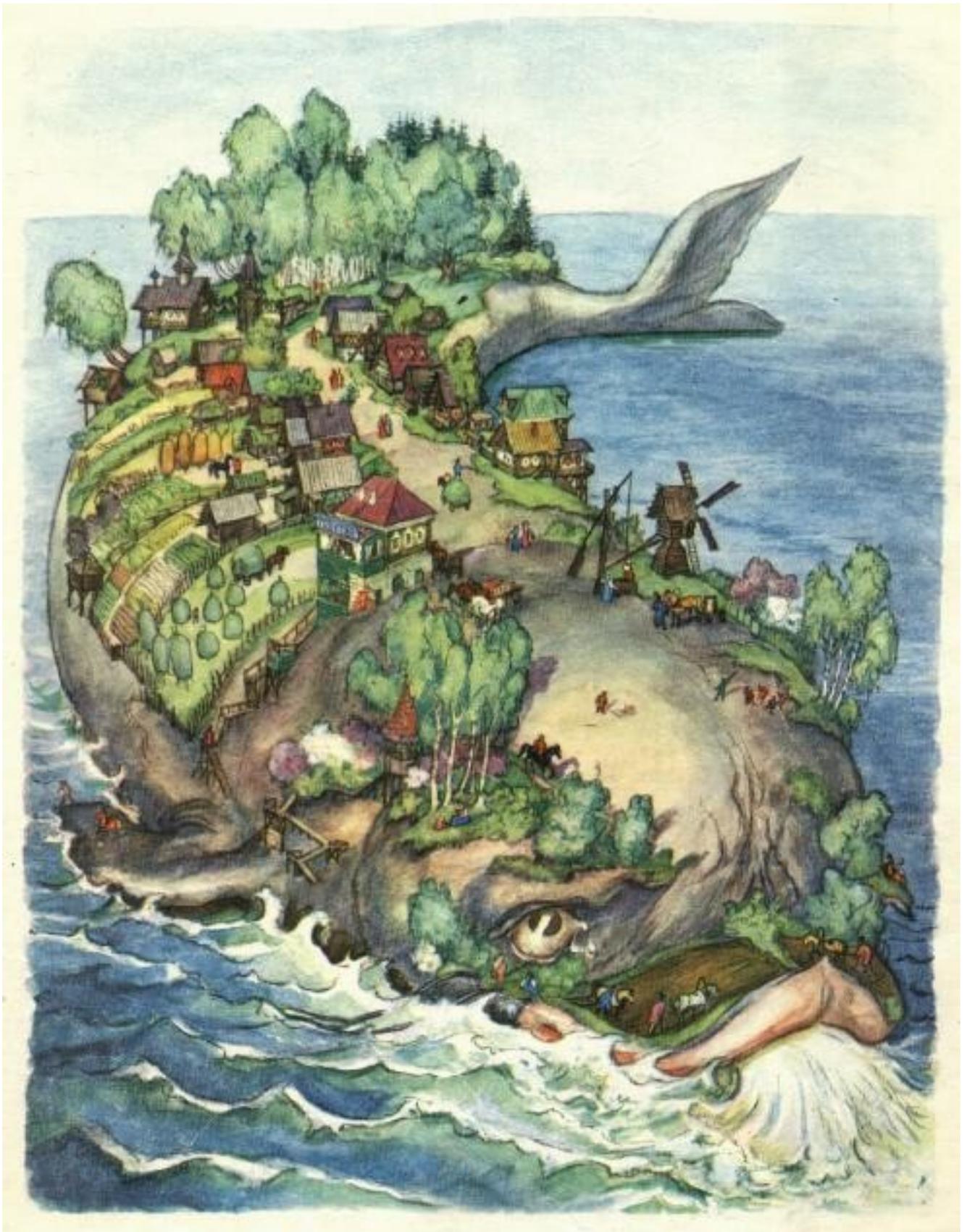
Вот въезжают на поляну
Прямо к морю-окияну;
Поперек его лежит
Чудо-юдо рыба-кит.
Все бока его изрыты,
Частоколы в ребра вбиты,
На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит;
Мужички на губе пашут,
Между глаз мальчишки пляшут,
А в дубраве, меж усов,

Ищут девушки грибов.

Вот конек бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо рыба-кит
Так проезжим говорит,
Рот широкий отворяя,
Тяжко, горько воздыхая:
"Путь-дорога, господа!
Вы откуда, и куда?" --
"Мы послы от Царь-девицы,
Едем оба из столицы, --
Говорит киту конек, --
К солнцу прямо на восток,
Во хоромы золотые". --
"Так нельзя ль, отцы родные,
Вам у солнышка спросить:
Долго ль мне в опале быть,
И за кои прегрешенья
Я терплю беды-мученья?" --
"Ладно, ладно, рыба-кит!" --
Наш Иван ему кричит.
"Будь отец мне милосердный!
Вишь, как мучуся я, бедный!
Десять лет уж тут лежу...
Я и сам те услужу!.." --
Кит Ивана умоляет,
Сам же горько воздыхает.
"Ладно-ладно, рыба-кит!" --
Наш Иван ему кричит.
Тут конек под ним забился,
Прыг на берег -- и пустился,
Только видно, как песок
Вьется вихорем у ног.

Едут близко ли, далеко,
Едут низко ли, высоко
И увидели ль кого --
Я не знаю ничего.

Скоро сказка говорится,
Дело мешкотно творится.
Только, братцы, я узнал,
Что конек туда вбежал,
Где (я слышал стороною)
Небо сходится с землею,
Где крестьянки лен прядут,
Прялки на небо кладут.

Тут Иван с землей простился
И на небе очутился
И поехал, будто князь,
Шапка набок, подбодрясь.
"Эко диво! эко диво!
Наше царство хоть красиво, --
Говорит коньку Иван.
Средь лазоревых полян, --
А как с небом-то сравнится,
Так под стельку не годится.
Что земля-то!.. ведь она
И черна-то и грязна;
Здесь земля-то голубая,
А уж светлая какая!..
Посмотри-ка, горбунок,
Видишь, вон где, на восток,

Словно светится зарница...
Чай, небесная светлица...
Что-то больно высока!" --
Так спросил Иван конька.
"Это терем Царь-девицы,
Нашей будущей царицы, --
Горбунок ему кричит, --
По ночам здесь солнце спит,
А полуденной порою
Месяц входит для покою".

Подъезжают; у ворот
Из столбов хрустальный свод;
Все столбы те завитые
Хитро в змейки золотые;
На верушках три звезды,
Вокруг терема сады;
На серебряных там ветках
В раззолоченных во клетках
Птицы райские живут,
Песни царские поют.

А ведь терем с теремами
Будто город с деревнями;
А на тереме из звезд --
Православный русский крест.

Вот конек во двор въезжает;
Наш Иван с него слезает,
В терем к Месяцу идет
И такую речь ведет:
"Здравствуй, Месяц Месяцovich!
Я -- Иванушка Петрович,
Из далеких я сторон
И привез тебе поклон". --
"Сядь, Иванушка Петрович, --
Молвил Месяц Месяцovich, --
И поведай мне вину
В нашу светлую страну
Твоего с земли прихода;
Из какого ты народа,
Как попал ты в этот край, --
Все скажи мне, не утай", --
"Я с земли пришел Землянской,
Из страны ведь христианской, --
Говорит, садясь, Иван, --
Переехал окиян
С порученьем от царицы --
В светлый терем поклониться
И сказать вот так, постой:
"Ты скажи моей родной:
Дочь ее узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик какой-то от меня;
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлет луча ко мне?"
Так, кажися? -- Мастерца
Говорить красно царица;

Не припомнишь все сполна,
Что сказала мне она". --
"А какая то царица?" --
"Это, знаешь, Царь-девица". --
"Царь-девица?.. Так она,
Что ль, тобой увезена?" --
Вскрикнул Месяц Месяцovich.
А Иванушка Петрович
Говорит: "Известно, мной!
Вишь, я царский стремянной;
Ну, так царь меня отправил,
Чтобы я ее доставил
В три недели во дворец;
А не то меня, отец,
Посадить грозился на кол".
Месяц с радости заплакал,
Ну Ивана обнимать,
Целовать и миловать.
"Ах, Иванушка Петрович! --
Молвил Месяц Месяцovich. --

Ты принес такую весть,
Что не знаю, чем и счесть!
А уж мы как горевали,
Что царевну потеряли!..
Оттого-то, видишь, я
По три ночи, по три дня
В темном облаке ходила,
Все грустила да грустила,
Трое суток не спала.
Крошки хлеба не брала,
Оттого-то сын мой красный
Завернулся в мрак ненастный,
Луч свой жаркий погасил,
Миру божью не светил:

Все грустил, вишь, по сестрице,
Той ли красной Царь-девице.
Что, здорова ли она?
Не грустна ли, не больна?" --
"Всем бы, кажется, красотка,
Да у ней, кажись, сухотка:
Ну, как спичка, слышь, тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
Вот как замуж-то поспеет,
Так небось и потолокстеет:
Царь, слышь, женится на ней".
Месяц вскрикнул: "Ах, злодей!

Вздумал в семьдесят жениться
На молоденькой девице!
Да стою я крепко в том --
Просидит он женихом!
Вишь, что старый хрен затеял:
Хочет жать там, где не сеял!
Полно, лаком больно стал!"
Тут Иван опять сказал:
"Есть еще к тебе прошение,
То о китовом прошение...
Есть, вишь, море; чудо-кит
Поперек его лежит:
Все бока его изрыты,

Частоколы в ребра вбиты...
Он, бедняк, меня прошал,
Чтобы я тебя спросал:
Скоро ль кончится мученье?
Чем сыскать ему прощенье?
И на что он тут лежит?"
Месяц ясный говорит:
"Он за то несет мученье,
Что без божия веленья
Проглотил среди морей
Три десятка кораблей.
Если даст он им свободу,
Снимет бог с него невзгоду,
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит".

Тут Иванушка поднялся,
С светлым месяцем прощался,
Крепко шею обнимал,
Трижды в щеки целовал.
"Ну, Иванушка Петрович! --
Молвил Месяц Месяцovich. --
Благодарствую тебя
За сына и за себя.
Отнеси благословенье
Нашей дочке в утешенье
И скажи моей родной:
"Мать твоя всегда с тобой;
Полно плакать и крушиться:
Скоро грусть твоя решится, --
И не старый, с бородой,
А красавец молодой
Поведед тебя к налю".
Ну, прощай же! Бог с тобою!"
Поклонившись, как умел,
На конька Иван тут сел,
Свистнул, будто витязь знатный,
И пустился в путь обратный.

На другой день наш Иван
Вновь пришел на окиян.
Вот конек бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо рыба-кит
Так, вздохнувши, говорит:

"Что, отцы, мое прощенье?
Получу ль когда прощенье?" --
"Погоди ты, рыба-кит!" --
Тут конек ему кричит.

Вот в село он прибегает,
Мужиков к себе сзывает,
Черной привкою трясет
И такую речь ведет:
"Эй, послушайте, миряне,
Православны христиане!

Коль не хочет кто из вас
К водяному сесть в приказ,
Убирайся вмиг отсюда.
Здесь тотчас случится чудо:
Море сильно закипит,
Повернется рыба-кит..."
Тут крестьяне и миряне,
Православны христиане,
Закричали: "Быть бедам!"
И пустились по домам.
Все телеги собирали;
В них, не мешкая, поклали
Все, что было живота,
И оставили кита.
Утро с полднем повстречалось,
А в селе уж не осталось
Ни одной души живой,
Словно шел Мамай войной!

Тут конек на хвост вбегает,
К перьям близко прилегает
И что мочи есть кричит:
"Чудо-юдо рыба-кит!
Оттого твои мученья,
Что без божия веленья
Проглотил ты средь морей
Три десятка кораблей.
Если дашь ты им свободу,
Снимет бог с тебя невзгоду,
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит".
И, окончив речь такую,
Закусил узду стальную,
Понатужился -- и вмиг
На далекий берег прыг.

Чудо-кит зашевелился,
Словно холм поворотился,
Начал море волновать
И из челюстей бросать
Корабли за кораблями
С парусами и гребцами.

Тут поднялся шум такой,
Что проснулся царь морской:
В пушки медные палили,
В трубы кованы трубили;
Белый парус поднялся,
Флаг на мачте развился;
Поп с причетом всем служебным
Пел на палубе молебны;

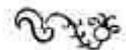
А гребцов веселый ряд
Грянул песню наподхват:
"Как по моречку, по морю,
По широкому раздолью,
Что по самый край земли,
Выбегают корабли..."

Волны моря закрубились,
Корабли из глаз сокрылись.
Чудо-юдо рыба-кит
Громким голосом кричит,
Рот широкий отворяя,
Плесом волны разбивая:
"Чем вам, други, услужить?
Чем за службу наградить?
Надо ль раковин цветистых?
Надо ль рыбок золотистых?
Надо ль крупных жемчугов?
Все достать для вас готов!" --
"Нет, кит-рыба, нам в награду
Ничего того не надо, --
Говорит ему Иван, --
Лучше перстень нам достань --
Перстень, знаешь, Царь-девицы,
Нашей будущей царицы". --

"Ладно, ладно! Для дружка
И сережку из ушка!
Отыщу я до зарницы
Перстень красной Царь-девицы", -

Кит Ивану отвечал
И, как ключ, на дно упал.

Вот он плесом ударяет,
Громким голосом сзывает
Осетриный весь народ
И такую речь ведет:
"Вы достаньте до зарницы
Перстень красной Царь-девицы,
Скрытый в ящичке на дне.
Кто его доставит мне,
Награжу того я чином:
Будет думным дворянином.
Если ж умный мой приказ
Не исполните... я вас!"
Осетры тут поклонились
И в порядке удалились.

Через несколько часов
Двое белых осетров
К киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
"Царь великий! не гневись!
Мы все море уж, кажись,
Исходили и изрыли,
Но и знаку не открыли.

Только ерш один из нас
Совершил бы твой приказ:
Он по всем морям гуляет,
Так уж, верно, перстень знает;
Но его, как бы назло,
Уж куда-то унесло". --
"Отыскать его в минуту
И послать в мою каюту!" --
Кит сердито закричал
И усами закачал.

Осетры тут поклонились,
В земский суд бежать пустились
И велели в тот же час
От кита писать указ,
Чтоб гонцов скорей послали
И ерша того поймали.
Лещ, услыша сей приказ,
Именной писал указ;
Сом (советником он звался)
Под указом подписался;
Черный рак указ сложил
И печати приложил.
Двух дельфинов тут призвали
И, отдав указ, сказали,
Чтоб, от имени царя,

Обежали все моря
И того ерша-гуляку,
Крикуна и забияку,
Где бы ни было нашли,
К государю привели.

Тут дельфины поклонились
И ерша искать пустились.

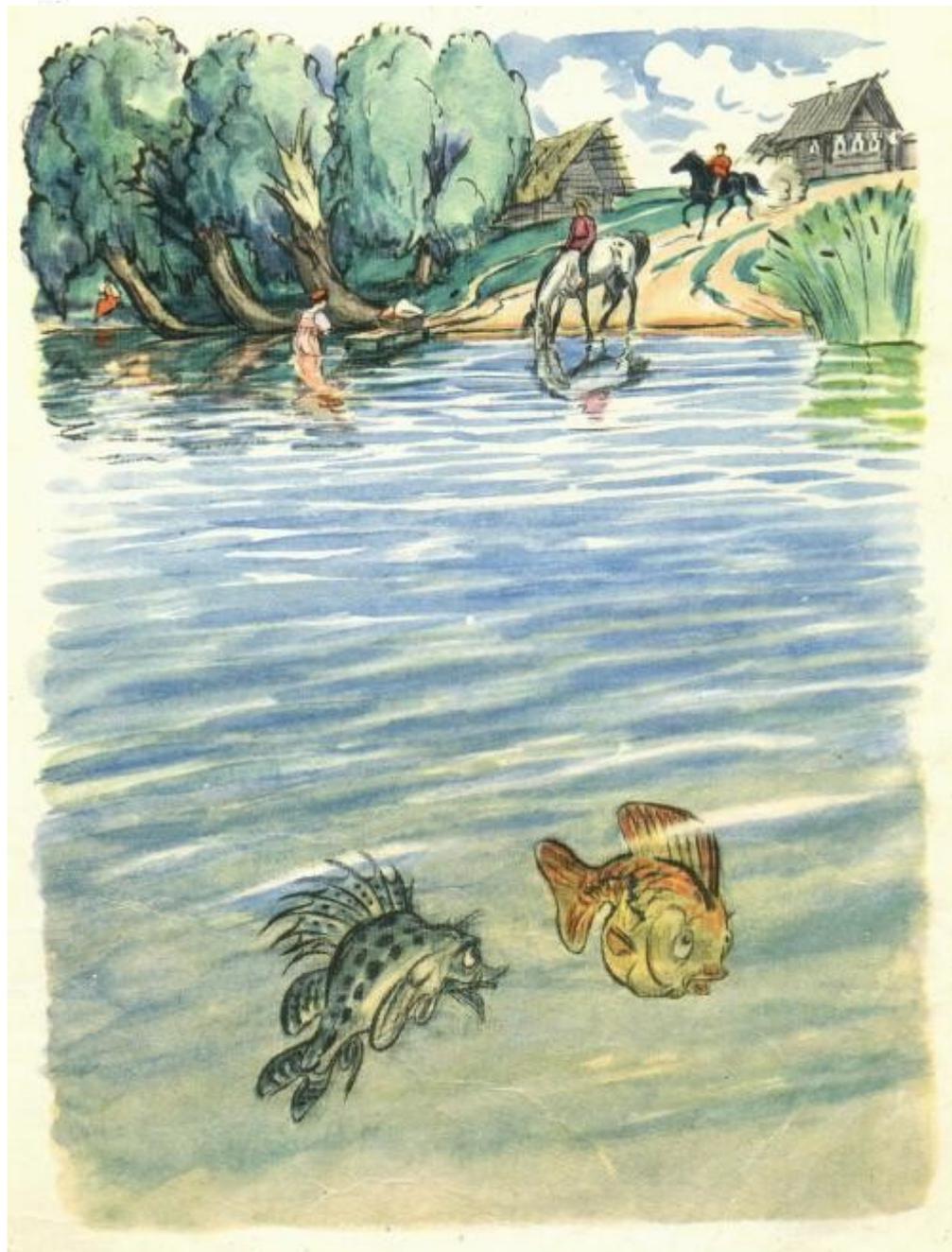
Ищут час они в морях,
Ищут час они в реках,
Все озера исходили,
Все проливы переплыли,

Не могли ерша сыскать
И вернулись назад,
Чуть не плача от печали...

Вдруг дельфины услышали
Где-то в маленьком пруде
Крик неслышанный в воде.
В пруд дельфины завернули
И на дно его нырнули, --
Глядь: в пруде, под камышом,
Ерш дерется с карасем.
"Смирно! черти б вас побрали!
Вишь, содом какой подняли,
Словно важные бойцы!" --
Закричали им гонцы.
"Ну, а вам какое дело? --
Ёрш кричит дельфинам смело. --
Я шутить ведь не люблю,
Разом всех переколю!" --
"Ох ты, вечная гуляка
И крикун и забияка!

Все бы, дрянь, тебе гулять,
Все бы драться да кричать.
Дома -- нет ведь, не сидится!..
Ну да что с тобой рядиться, --
Вот тебе царев указ,
Чтоб ты плыл к нему тотчас".

Тут проказника дельфины
Подхватили за щетины
И отправились назад.
Ерш ну рваться и кричать:
"Будьте милостивы, братцы!
Дайте чуточку подраться.
Распроклятый тот карась
Поносил меня вчерась
При честном при всем собранье
Неподобной разной бранью..."

Долго ерш еще кричал,
Наконец и замолчал;
А проказника дельфины
Все тащили за щетины,
Ничего не говоря,
И явились пред царя.

"Что ты долго не являлся?
Где ты, вражий сын, шатался?"
Кит со гневом закричал.
На колени ерш упал,
И, признавшись в преступленьи,

Он молился о прощенье.
"Ну, уж бог тебя простит! --
Кит державный говорит. --
Но за то твое прощенье
Ты исполни повеленье". --

"Рад стараться, чудо-кит!" --
На коленях ерш пищит.
"Ты по всем морям гуляешь,
Так уж, верно, перстень знаешь
Царь-девицы?" -- "Как не знать!
Можем разом отыскать". --
"Так ступай же поскорее
Да същи его живее!"

Тут, отдав царю поклон,
Ерш пошел, согнувшись, вон.
С царской дворней побранился,
За плотвой поволочился

И салакушкам шести
Нос разбил он на пути.
Совершив такое дело,
В омут кинулся он смело
И в подводной глубине
Вырыл ящичек на дне --
Пуд по крайней мере во сто.
"О, здесь дело-то не просто!"
И давай из всех морей
Ерш скликать к себе сельдей.

Сельди духом собралися,
Сундучок тащить взялися,
Только слышно и всего --
"У-у-у!" да "о-о-о!"
Но сколь сильно ни кричали,
Животы лишь надорвали,
А проклятый сундучок
Не дался и на вершок.
"Настоящие селедки!
Вам кнута бы вместо водки!" --
Крикнул ерш со всех сердец
И нырнул по осетров.

Осетры тут приплывают
И без крика поднимают
Крепко ввязнувший в песок
С перстнем красный сундучок.

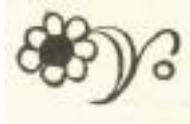
"Ну, ребяташки, смотрите,
Вы к царю теперь плывите,
Я ж пойду теперь ко дну
Да немножко отдохну:
Что-то сон одолевает,
Так глаза вот и смыкает..."
Осетры к царю плывут,
Ерш-гуляка прямо в пруд
(Из которого дельфины
Утащили за щетины),
Чай, додраться с карасем, --
Я не ведаю о том.
Но теперь мы с ним простимся
И к Ивану возвратимся.

Тихо море-окиян.
На песке сидит Иван,
Ждет кита из синя моря
И мурлыкает от горя;
Повалившись на песок,
Дремлет верный горбунок.
Время к вечеру клонилось;
Вот уж солнышко спустилось;
Тихим пламенем горя,
Развернулася заря.
А кита не тут-то было.
"Чтоб те, вора, задавило!
Вишь, какой морской шайтан! --
Говорит себе Иван. --
Обещался до зарницы
Вынести перстень Царь-девицы,
А доселе не сыскал,
Окаянный зубоскал!
А уж солнышко-то село,
И..." Тут море закипело:
Появился чудо-кит
И к Ивану говорит:
"За твое благодеянье
Я исполнил обещанье".
С этим словом сундучок
Брякнул плотно на песок,

Только берег закачался.
"Ну, теперь я расквитался.
Если ж вновь принужусь я,
Позови опять меня;
Твоего благодеянья
Не забыть мне... До свиданья!"
Тут кит-чудо замолчал
И, всплеснув, на дно упал.

Горбунок-конек проснулся,
Встал на лапки, отряхнулся,
На Иванушку взглянул
И четырежды прыгнул.
"Ай да Кит Китович! Славно!
Долг свой выплатил исправно!
Ну, спасибо, рыба-кит! --
Горбунок конек кричит. --
Что ж, хозяин, одевайся,
В путь-дорожку отправляйся;
Три денька ведь уж прошло:
Завтра срочное число.
Чай, старик уж умирает".
Тут Ванюша отвечает:
"Рад бы радостью поднять,
Да ведь силы не занять!
Сундучишко больно плотен,
Чай, чертей в него пять сотен
Кит проклятый насажал.
Я уж трижды подымал;
Тяжесть страшная такая!"
Тут конек, не отвечая,
Поднял ящичек ногой,
Будто камушек какой,
И взмахнул к себе на шею.
"Ну, Иван, садись скорее!
Помни, завтра минет срок,
А обратный путь далек".

Стал четвертый день зориться.
Наш Иван уже в столице.
Царь с крыльца к нему бежит.
"Что кольцо мое?" -- кричит.

Тут Иван с конька слезает
И преважно отвечает:
"Вот тебе и сундучок!
Да вели-ка скликать полк:
Сундучишко мал хоть на вид,
Да и дьявола задавит".
Царь тотчас стрельцов позвал
И немедля приказал
Сундучок отнести в светлицу,
Сам пошел по Царь-девицу.
"Перстень твой, душа, найден, --
Сладкогласно молвил он, --
И теперь, примолвить снова,
Нет препятства никакого
Завтра утром, светик мой,
Обвенчаться мне с тобой.
Но не хочешь ли, дружочек,
Свой увидеть перстенечек?
Он в дворце моем лежит".
Царь-девица говорит:
"Знаю, знаю! Но, признаться,
Нам нельзя еще венчаться". --
"Отчего же, светик мой?
Я люблю тебя душой;
Мне, прости ты мою смелость,
Страх жениться захотелось.
Если ж ты... то я умру
Завтра ж с горя поутру.
Сжался, матушка царица!"
Говорит ему девица:

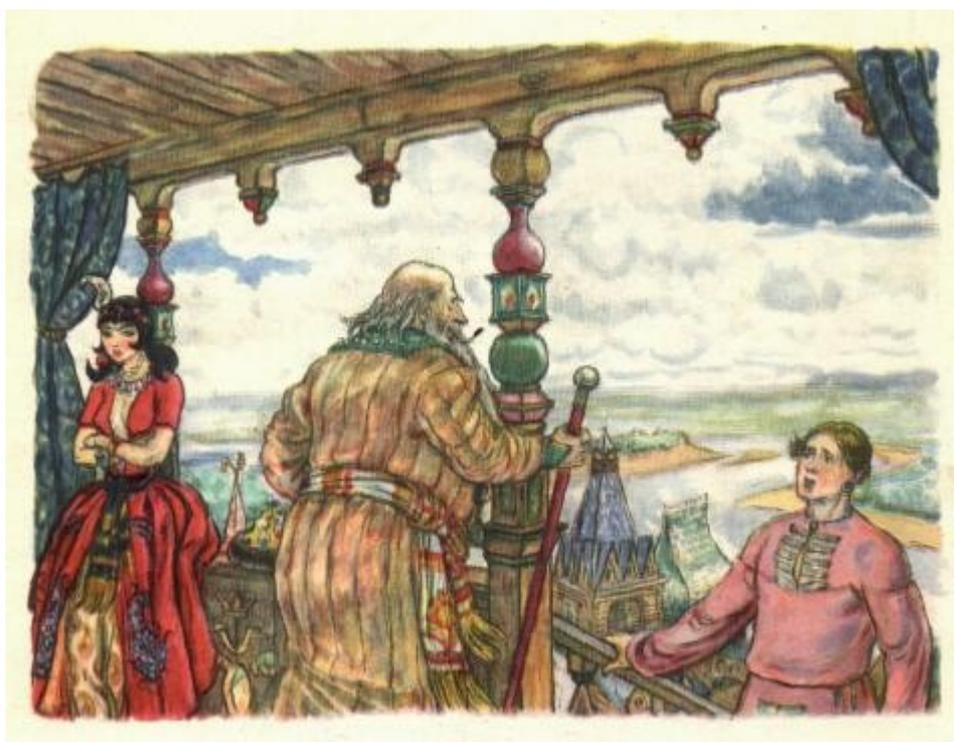
"Но взгляни-ка, ты ведь сед;
Мне пятнадцать только лет:
Как же можно нам венчаться?
Все цари начнут смеяться,
Дед-то, скажут, внуку взял!"
Царь со гневом закричал:
"Пусть-ка только засмеются --
У меня как раз свернутся:
Все их царства полоню!
Весь их род искореню!"
"Пусть не станут и смеяться,
Все не можно нам венчаться, --
Не растут зимой цветы:
Я красавица, а ты?..
Чем ты можешь похвалиться?" --
Говорит ему девица.
"Я хоть стар, да я удал! --
Царь царице отвечал. --
Как немножко приберуся,
Хоть кому так покажуся
Разудальым молодцом.
Ну, да что нам нужды в том?
Лишь бы только нам жениться".
Говорит ему девица:
"А такая в том нужда,
Что не выйду никогда
За дурного, за седого,
За беззубого такого!"
Царь в затылке почесал
И, нахмурясь, сказал:
"Что ж мне делать-то, царица?
Страх как хочется жениться;

Ты же, ровно на беду:
Не пойду да не пойду!" --

"Не пойду я за седова, --
Царь-девица молвит снова. --
Стань, как прежде, молодец,
Я тотчас же под венец". --
"Вспомни, матушка царица,
Ведь нельзя переродиться;
Чудо бог один творит".
Царь-девица говорит:
"Коль себя не пожалеешь,
Ты опять помолодеешь.
Слушай: завтра на заре
На широком на дворе
Должен челядь ты заставить
Три котла больших поставить
И костры под них сложить.
Первый надобно налить
До краев водой студеной,
А второй -- водой вареной,
А последний -- молоком,
Вскипятя его ключом.
Вот, коль хочешь ты жениться
И красавцем учиниться, --
Ты без платья, налегке,
Искупайся в молоке;
Тут побудь в воде вареной,
А потом еще в студеной,
И скажу тебе, отец,
Будешь знатный молодец!"

Царь не вымолвил ни слова,
Кликнул тотчас стремяннова.

"Что, опять на окиян? --
Говорит царю Иван. --

Нет уж, дудки, ваша милость!
Уж и то во мне все сбилось.
Не поеду ни за что!" --
"Нет, Иванушка, не то.
Завтра я хочу заставить
На дворе котлы поставить
И костры под них сложить.
Первый думаю налить
До краев водой студеной,
А второй -- водой вареной,

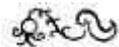
А последний -- молоком,
Вскипятя его ключом.
Ты же должен постараться
Пробы ради искупаться
В этих трех больших котлах,
В молоке и в двух водах". --
"Вишь, откуда подъезжает! --
Речь Иван тут начинает.
Шпарят только поросят,
Да индюшек, да цыплят;
Я ведь, глянь, не поросенок,
Не индюшка, не цыпленок.
Вот в холодной, так оно
Искупаться бы можно,
А подваривать как станешь,
Так меня и не заманишь.
Полно, царь, хитрить, мудрить
Да Ивана проводить!"
Царь, затряси бородою:
"Что? рядиться мне с тобою! --
Закричал он. -- Но смотри!
Если ты в рассвет зари
Не исполнишь повеленье, --
Я отдам тебя в мученье,
Прикажу тебя пытаться,
По кусочкам разрывать.
Вон отсюда, болесть злая!"
Тут Иванушка, рыдая,
Поплелся на сеновал,
Где конек его лежал.

"Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? --
Говорит ему конек. --
Чай, наш старый женишок
Снова выкинул затею?"
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
"Ох, беда, конек! -- сказал. --
Царь вконец меня сбывает;
Сам подумай, заставляет
Искупаться мне в котлах,
В молоке и в двух водах:
Как в одной воде студеной,
А в другой воде вареной,
Молоко, слышь, кипяток".
Говорит ему конек:
"Вот уж служба так уж служба!
Тут нужна моя вся дружба.

Как же к слову не сказать:
Лучше б нам пера не брать;
От него-то, от злодея,
Столько бед тебе на шею...
Ну, не плачь же, бог с тобой!
Сладим как-нибудь с бедой.
И скорее сам я стину,
Чем тебя, Иван, покину.
Слушай: завтра на заре,
В те поры, как на дворе
Ты разденешься, как должно,
Ты скажи царю: "Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать,
Чтоб впоследствии с ним проститься".
Царь на это согласится.

Вот как я хвостом махну,
В те котлы мордой макну,
На тебя два раза прысну,
Громким посвистом присвистну,
Ты, смотри же, не зевай:
В молоко сперва ныряй,
Тут в котел с водой вареной,
А отгудова в студенной.
А теперича молись
Да спокойно спать ложись".

На другой день, утром рано,
Разбудил конек Ивана:
"Эй, хозяин, полно спать!
Время службу исполнять".
Тут Ванюша почесался,
Потянулся и поднялся,
Помолился на забор
И пошел к царю во двор.

Там котлы уже кипели;
Подле них рядком сидели
Кучера и повара
И служители двора;

Дров усердно прибавляли,
Об Иване толковали
Втихомолку меж собой
И смеялись порой.

Вот и двери растворились;
Царь с царицей появились
И готовились с крыльца
Посмотреть на удальца.
"Ну, Ванюша, раздевайся
И в котлах, брат, покупайся!" --
Царь Ивану закричал.
Тут Иван одежду снял,
Ничего не отвечая.
А царица молодая,
Чтоб не видеть наготу,
Завернулася в фату.

Вот Иван к котлам поднялся,
Глянул в них -- и зачесался.
"Что же ты, Ванюша, стал? --
Царь опять ему вскричал. --
Исполняй-ка, брат, что должно!"
Говорит Иван: "Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать.
Я в последни б с ним простился".
Царь, подумав, согласился
И изволил приказать
Горбунка к нему послать.
Тут слуга конька приводит
И к сторонке сам отходит.

Вот конек хвостом махнул,
В те котлы мордой макнул,
На Ивана дважды прыснул,
Громким посвистом присвистнул.
На конька Иван взглянул
И в котел тотчас нырнул,
Тут в другой, там в третий тоже,
И такой он стал пригожий,
Что ни в сказке не сказать,
Ни пером не написать!
Вот он в платье нарядился,
Царь-девице поклонился,
Осмотрелся, подбодрясь,
С важным видом, будто князь.

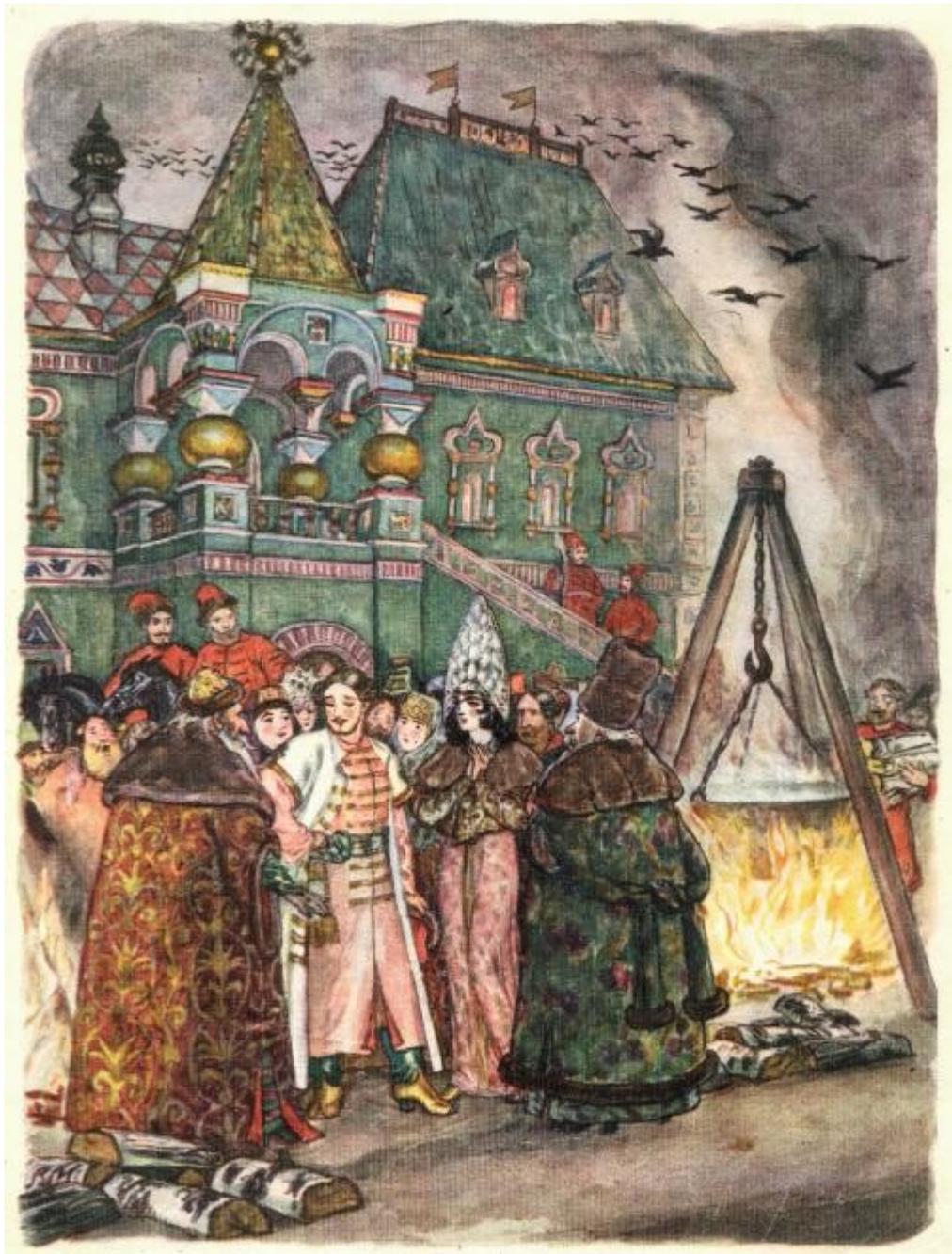

"Эко диво! -- все кричали. --
Мы и слыхом не слыхали,
Чтобы лъзя похорошеть!"

Царь велел себя раздеть,
Два раза перекрестился,
Бух в котел -- и там сварился!

Царь-девица тут встает,
Знак к молчанью подает,
Покрывало поднимает
И к прислужникам вещает:
"Царь велел вам долго жить!
Я хочу царицей быть.
Люба ль я вам? Отвечайте!
Если любя, то признайте
Володетелем всего
И супруга моего!"
Тут царица замолчала,
На Ивана показала.

"Люба, любя! -- все кричат. --
За тебя хоть в самый ад!
Твоего ради талана
Признаем царя Ивана!"

Царь царицу тут берет,
В церковь божию ведет,
И с невестой молодою
Он обходит вокруг налюю.

Пушки с крепости палят;
В трубы кованы трубят;
Все подвалы отворяют,
Бочки с фряжским выставляют,
И, напившись, народ
Что есть мочушки дерет:
"Здравствуй, царь наш со царицей!
С распрекрасной Царь-девицей!"

Во дворце же пир горой:
Вина льются там рекой;
За дубовыми столами
Пьют бояре со князьями.
Сердцу любо! Я там был,
Мед, вино и пиво пил;
По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало.

ОБЪЯСНЕНИЕ УСТАРЕВШИХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

- Ажно -- разве.
Балаган -- здесь: шалаш, сарай.
Балясы -- пустые разговоры, болтовня.
Басурманин -- иноземец, человек иной веры.
Бочки с фряжским -- бочки с заморским вином.
Буерак -- небольшой овраг.
Вдругоредь -- в другой раз, снова.
Весь двор -- все приближенные царя, придворные.
Вина -- здесь: причина,
В приказ даю -- отдаю под надзор.
Глазей -- человек, подсматривающий за кем-нибудь.
Городничий -- начальник города в старину.
Гость -- старинное название купца, торговца.
Давез -- давка.
Дирочка, дира -- так произносилось да и теперь иногда произносится
в некоторых местностях слово "дыра".
Дрягнул плясовую -- пустился в пляс, заплясал.
Еруслан -- один из героев русских народных сказок, могучий богатырь.
Естное -- съестное.
Живот -- здесь: имущество, добро.
Жомы -- тиски, пресс.
Загребь -- горсть.
Зельно -- сильно, весьма.
Зориться, зазориться -- светать, рассветать.
Исправник -- начальник сельской полиции в дореволюционной России.

К водяному сесть в приказ -- потонуть, пойти ко дну.
Красно платье -- нарядное, красивое платье.
Кто-петь -- здесь: кто же.
Курево -- здесь: огонь, костер.
Лик -- лицо.
Лубки -- здесь: ярко раскрашенные картинки.
Льзя -- можно.
Малахай -- здесь: длинная широкая одежда без пояса.
Мешкотно -- медленно.
Настигу -- настигну, догоню.
Не клепли -- не обвиняй напрасно, не клевети.
Некорыстный наш живот -- бедную нашу жизнь. Живот -- жизнь.
Неможет -- болеет; немочь -- болеть.
Немские страны -- иноземные страны.
Оброк -- деньги или продукты, которые при крепостном праве крестьяне должны были отдавать своему помещику.
Опала -- немилость царя, наказание.
Острог -- тюрьма.
Очью -- очами, глазами.
Пенять -- укорять, упрекать.
Переимать -- переловить.
Переться -- спорить, отпираться.
Пластью -- пластом.
Плес -- рыбий хвост.
Полонить -- взять в плен.
Постучали ендовой -- выпили. Ендова -- сосуд для вина.
Почивальня, опочивальня -- спальня.
Принужусь -- понадобится.
Притча -- здесь: непонятное дело, странный случай.
Прокумент (позумент) -- золотая или серебряная тесьма, которую нашивали на одежду для украшения.
Прошал -- просил.
Пулю слить -- налгать, пустить ложный слух.
Ражий -- здоровый, видный, сильный.
Решеточный -- пожарный.
Рядиться -- торговаться, препираться, договариваться.
Сгинуть -- погибнуть.
Седмица -- неделя.

Сиречь -- то есть, именно.
Соглядать -- подсмотреть.
Спальник -- царский слуга.
Срочное число -- срок.
Станичники -- здесь: разбойники.
Стрельцы -- старинное войско.
Стремянной -- слуга, ухаживавший за верховой лошадью господина.
Суседка -- домовая (сибирское название).
Сусек -- отгороженное место для хранения овса или другого зерна.
Сыта -- вода, подслащенная медом.
Талан -- счастье, удача.
Таловый -- ивовый.
Узрел -- увидел; узреть -- увидеть.
Учинился -- сделался.
Фата -- женское покрывало из легкой ткани.
Челядь -- слуги.
Чернокнижник -- колдун.
Шабалки -- шабаш, конец.

Ширинка -- широкое, во всю ширину ткани, полотенце.
Школить -- учить.

А.Погорельский

Черная курица или подземные жители.

Волшебная повесть для детей

Источник: Антоний Погорельский, 1829, Изд-во "Росмэн", М., 1999.

OCR & Spellcheck: Андрей Гармаш (garmash@analyt.chem.msu.ru), 17 Jun

2000.

Лет сорок тому назад в С.-Петербурге, на Васильевском острове, в Первой линии, жил-был содержатель мужского пансиона, который еще и до сих пор, вероятно, у многих остался в свежей памяти, хотя дом, где пансион тот помещался, давно уже уступил место другому, нисколько не похожему на прежний. В то время Петербург наш уже славился в целой Европе своею красотою, хотя и далеко еще не был таким, как теперь. Тогда на проспектах Васильевского острова не было веселых тенистых аллей: деревянные подмости, часто из гнилых досок сколоченные, заступали место нынешних прекрасных тротуаров. Исакиевский мост -- узкий в то время и неровный -- совсем иной представлял вид, нежели как теперь; да и самая площадь Исакиевская вовсе не такова была. Тогда монумент Петра Великого от Исакиевской церкви отделен был канавою; Адмиралтейство не было обсажено деревьями; манеж Конногвардейский не украшал площади прекрасным нынешним фасадом; одним словом, Петербург тогдашний не то был, что теперешний. Города перед людьми имеют, между прочим, то преимущество, что они иногда с годами становятся красивее... Впрочем, не о том теперь идет дело. В другой раз и при другом случае я, может быть, поговорю с вами пространнее о переменах, происшедших в Петербурге в течение моего века, -- теперь же обратимся опять к пансиону, который, лет сорок тому назад, находился на Васильевском острове, в Первой линии.

Дом, которого теперь -- как уже вам сказывал -- вы не найдете, был о двух этажах, крытый голландскими черепицами. Крыльцо, по которому в него входили, было деревянное и выдавалось на улицу... Из сеней довольно крутая лестница вела в верхнее жилье, состоявшее из осьми или девяти комнат, в которых с одной стороны жил содержатель пансиона, а с другой были классы. Дортуары, или спальные комнаты детей, находились в нижнем этаже, по правую сторону сеней, а по левую жили две старушки, голландки, из которых каждой было более ста лет и которые собственными глазами видали Петра Великого и даже с ним говаривали. В нынешнее время вряд ли в целой России вы встретите человека, который бы видал Петра Великого: настанет время, когда и наши следы сотрутся с

лица земного! Всё проходит, всё исчезает в бренном мире нашем... Но не о том теперь идет дело!

В числе тридцати или сорока детей, обучавшихся в том пансионе, находился один мальчик, по имени Алеша, которому тогда было не более девяти или десяти лет. Родители его, жившие далеко-далеко от Петербурга, года за два перед тем привезли его в столицу, отдали в пансион и возвратились домой, заплатив учителю условленную плату за несколько лет вперед. Алеша был мальчик умненькой, миленькой, учился хорошо, и все его любили и ласкали; однако, несмотря на то, ему часто скучно бывало в пансионе, а иногда даже и грустно. Особенно сначала он никак не мог приучиться к мысли, что он разлучен с родными своими; но потом, мало-помалу, он стал привыкать к своему положению, и бывали даже минуты, когда, играя с товарищами, он думал, что в пансионе гораздо веселее, нежели в родительском доме. Вообще дни учения для него проходили скоро и приятно; но когда наставала суббота и все товарищи его спешили домой к родным, тогда Алеша горько чувствовал свое одиночество. По воскресеньям и праздникам он весь день оставался один, и тогда единственным утешением его было чтение книг, которые учитель позволял ему брать из небольшой своей библиотеки. Учитель был родом немец, а в то время в немецкой литературе господствовала мода на рыцарские романы и на волшебные повести, -- и библиотека, которою пользовался наш Алеша, большею частью состояла из книг сего рода.

Итак Алеша, будучи еще в десятилетнем возрасте, знал уже наизусть деяния славнейших рыцарей, по крайней мере так, как они описаны были в романах. Любимое его занятие в длинные зимние вечера, по воскресеньям и другим праздничным дням, было мысленно переноситься в старинные, давно прошедшие веки... Особенно в вакантное время -- как например об Рождестве или в Светлое Христово Воскресенье, -- когда он бывал разлучен надолго со своими товарищами, когда часто целые дни просиживал в уединении, -- юное воображение его бродило по рыцарским замкам, по страшным развалинам или по темным дремучим лесам.

Я забыл сказать вам, что к дому этому принадлежал довольно пространный двор, отделенный от переулка деревянным забором из барочных досок. Ворота и калитка, кои вели в переулок, всегда были заперты, и потому Алеше никогда не удавалось побывать в этом переулке, который сильно возбуждал его любопытство. Всякий раз, когда позволяли ему в часы отдохновения играть на дворе, первое движение его было -- подбегать к забору. Тут он становился на цыпочки и пристально смотрел в круглые дырочки, которыми усеян был забор. Алеша не знал, что дырочки эти происходили от деревянных гвоздей, коими прежде сколочены были барки, и ему казалось, что какая-нибудь добрая волшебница нарочно для него повертела эти дырочки. Он всё ожидал, что когда-нибудь эта волшебница явится в переулке и сквозь дырочку подаст ему игрушку, или талисман, или письмецо от папеньки или маменьки, от которых не получал он давно уже никакого известия. Но, к крайнему его сожалению, не являлся никто даже похожий на волшебницу.

Другое занятие Алеши состояло в том, чтобы кормить курочек, которые жили около забора в нарочно для них выстроенном домике и целый день играли и бегали на дворе. Алеша очень коротко с ними познакомился, всех знал по имени, разнимал их драки, а забияк наказывал тем, что иногда несколько дней сряду не давал им ничего от крошек, которые всегда после обеда и ужина он собирал со скатерти. Между курами он особенно любил одну черную хохлатую, названную Чернушкой. Чернушка была к нему ласковее других; она даже иногда позволяла себя гладить, и потому Алеша лучшие кусочки приносил ей. Она была нрава

тихого; редко прохаживалась с другими и, казалось, любила Алешу более, нежели подруг своих.

Однажды (это было во время вакаций между Новым годом и Крещеньем -- день был прекрасный и необыкновенно теплый, не более трех или четырех градусов морозу) Алеше позволили поиграть на дворе. В тот день учитель и жена его в больших были хлопотах. Они давали обед директору училищ, и еще накануне, с утра до позднего вечера, везде в доме мыли полы, вытирали пыль и вощили красного дерева столы и комоды. Сам учитель ездил закупать провизию для стола: белую архангельскую телятину, огромный окорок и из Милютиных лавок киевское варенье. Алеша тоже, по мере сил, способствовал приготовлениям: его заставили из белой бумаги вырезать красивую сетку на окорок и украшать бумажною резьбою нарочно купленные шесть восковых свечей. В назначенный день рано поутру явился парикмахер и показал свое искусство над буклями, тупеем и длинной косой учителя. Потом принялся за супругу его, на помадил и напудрил у ней локоны и шиньон и взгромоздил на ее голове целую оранжерею разных цветов, между которыми блистали искусным образом помещенные два бриллиантовые перстня, когда-то подаренные мужу ее родителями учеников. По окончании головного убора, накинула она на себя старый изношенный салоп и отправилась хлопотать по хозяйству, наблюдая притом строго, чтоб как-нибудь не испортилась прическа; и для того сама она не входила в кухню, а давала приказания свои кухарке, стоя в дверях. В необходимых же случаях посылала туда мужа своего, у которого прическа не так была высока.

В продолжение всех этих забот Алешу нашего совсем забыли, и он тем воспользовался, чтоб на просторе играть на дворе. По обыкновению своему, он подошел сначала к дощатому забору и долго смотрел в дырочку; но и в этот день никто почти не проходил по переулку, и он со вздохом обратился к любезным своим курочкам. Не успел он присесть на бревно и только что начал манить их к себе, как вдруг увидел подле себя кухарку с большим ножом. Алеше никогда не нравилась эта кухарка -- сердитая и бранчивая чухонка; но с тех пор, как он заметил, что она-то была причиною, что от времени до времени уменьшалось число его курочек, он еще менее стал ее любить. Когда же однажды нечаянно увидел он в кухне одного хорошенького, очень любимого им петушка, повешенного за ноги с перерезанным горлом, -- то возымел он к ней ужас и отвращение. Увидев ее теперь с ножом, он тотчас догадался, что это значит, -- и чувствуя с горестию, что он не в силах помочь своим друзьям, вскочил и побежал далеко прочь.

-- Алеша, Алеша! Помоги мне поймать курицу! -- кричала кухарка.

Но Алеша принялся бежать еще пуще, спрятался у забора за курятником и сам не замечал, как слезки одна за другою выкатывались из его глаз и упали на землю.

Довольно долго стоял он у курятника, и сердце в нем сильно билось, между тем как кухарка бегала по двору -- то манила курочек: "Цып, цып, цып!", то бранила их по-чухонски.

Вдруг сердце у Алеши еще сильнее забилося... ему послышался голос любимой его Чернушки!

Она кудахтала самым отчаянным образом, и ему показалось, что она кричит:

Кудах, кудах, кудуху,
Алеша, спаси Чернуху!
Кудуху, кудуху,
Чернуху, Чернуху!

Алеша никак не мог долее оставаться на своем месте... он, громко всхлипывая, побежал к кухарке и бросился к ней на шею в ту самую минуту, как она поймала уже Чернушку за крыло.

-- Любезная, милая Тринушка! -- вскричал он, обливаясь слезами. -- Пожалуйста, не тронь мою Чернуху!

Алеша так неожиданно бросился на шею к кухарке, что она упустила из рук Чернушку, которая, воспользовавшись этим, от страха взлетела на кровлю сарая и там продолжала кудахтать. Но Алеше теперь слышалось, будто она дразнит кухарку и кричит:

Кудах, кудах, кудуху,
Не поймала ты Чернуху!
Кудуху, кудуху,
Чернуху, Чернуху!

Между тем кухарка вне себя была от досады!

-- Руммаль пойс! [*Глупый мальчик! (финск.)*] -- кричала она. -- Вотта я паду кассаину и пошалюсь. Шорна курус нада режить... Он леннива... он яишка не делать, он сыплатка не сижить.

Тут хотела она бежать к учителю, но Алеша не допустил ее. Он прицепился к полам ее платья и так умильно стал просить, что она остановилась.

-- Душенька, Тринушка! -- говорил он. -- Ты такая хорошенькая, чистенькая, добренькая... Пожалуйста, оставь мою Чернушку! Вот посмотри, что я тебе подарю, если ты будешь добра!

Алеша вынул из кармана империал, составлявший всё его имение, который берег он пуще глаза своего, потому что это был подарок доброй его бабушки... Кухарка взглянула на золотую монету, окинула взором окошки дома, чтоб удостовериться, что никто их не видит, -- и протянула руку за империалом... Алеше очень, очень жаль было империала, но он вспомнил о Чернушке -- и с твердостью отдал чухонке драгоценный подарок.

Таким образом Чернушка спасена была от жестокой и неминуемой смерти.

Лишь только кухарка удалилась в дом, Чернушка слетела с кровли и подбежала к Алеше. Она как будто знала, что он ее избавитель: кружилась около него, хлопала крыльями и кудахтала веселым голосом. Всё утро она ходила за ним по двору, как собачка, и казалось, будто хочет что-то сказать ему, да не может. По крайней мере, он никак не мог разобрать ее кудахтанья.

Часа за два перед обедом начали собираться гости. Алешу позвали вверх, надели на него рубашку с круглым воротником и батистовыми манжетами с мелкими складками, белые шароварцы и широкий шелковый голубой кушак. Длинные русые волосы, висевшие у него почти до пояса, хорошенько расчесали, разделили на две ровные части и переложили наперед по обе стороны груди. Так наряжали тогда детей. Потом научили, каким образом он должен шаркнуть ногой, когда войдет в комнату директор, и что должен отвечать, если будут сделаны ему какие-нибудь вопросы. В другое время Алеша был бы очень рад приезду директора, коего давно хотелось ему видеть, потому что, судя по почтению, с каким отзывались о нем учитель и учительша, он воображал, что это должен быть какой-нибудь знаменитый рыцарь в блестящих латах и в шлеме с большими перьями. Но на тот раз любопытство это уступило место мысли, исключительно тогда его занимавшей, -- о черной курице. Ему всё представлялось, как кухарка за нею бегала с ножом и как Чернушка кудахтала разными голосами. Притом ему

очень досадно было, что не мог он разобрать, что она ему сказать хотела, -- и его так и тянуло к курятнику... Но делать было нечего: надлежало дожидаться, пока кончится обед!

Наконец приехал директор. Приезд его возвестила учительша, давно уже сидевшая у окна, пристально смотря в ту сторону, откуда его ждали. Всё пришло в движение: учитель стремглав бросился из дверей, чтоб встретить его внизу у крыльца; гости встали с мест своих, и даже Алеша на минуту забыл о своей курочке и подошел к окну, чтоб посмотреть, как рыцарь будет слезать с ретивого коня. Но ему не удалось увидеть его, ибо он успел уже войти в дом; у крыльца же вместо ретивого коня стояли обыкновенные извозчичьи сани. Алеша очень этому удивился! "Если бы я был рыцарь, -- подумал он, -- то никогда бы не ездил на извозчике -- а всегда верхом!"

Между тем отворили настежь все двери, и учительша начала приседать в ожидании столь почтенного гостя, который вскоре потом показался. Сперва нельзя было видеть его за толстою учительшею, стоявшею в самых дверях; но когда она, окончив длинное приветствие свое, присела ниже обыкновенного, Алеша, к крайнему удивлению, из-за нее увидел... не шлем пернатый, но просто маленькую лысую головку, набело распудренную, единственным украшением которой, как после заметил Алеша, был маленький пучок! Когда вошел он в гостиную, Алеша еще более удивился, увидев, что, несмотря на простой серый фрак, бывший на директоре вместо блестящих лат, все обращались с ним необыкновенно почтительно.

Сколь, однако ж, ни казалось всё это странным Алеше, сколь в другое время он бы ни был обрадован необыкновенным убранством стола, на котором также парадировал и украшенный им окорок, -- но в этот день он не обращал большого на то внимания. У него в головке всё бродило утреннее происшествие с Чернушкою. Подали десерт: разного рода варенья, яблоки, бергамоты, финики, винные ягоды и грецкие орехи; но и тут он ни на одно мгновение не переставал помышлять о своей курочке, и только что встали из-за стола, как он с трепещущим от страха и надежды сердцем подошел к учителю и спросил, можно ли идти поиграть на дворе.

-- Подите, -- отвечал учитель, -- только недолго там будьте; уж скоро сделается темно.

Алеша поспешно надел свою красную бекешь на беличьем меху и зеленую бархатную шапочку с собольим околышком и побежал к забору. Когда он туда прибыл, курочки начали уже собираться на ночлег и, сонные, не очень обрадовались принесенным крошкам. Одна Чернушка, казалось, не чувствовала охоты ко сну: она весело к нему подбежала, захлопала крыльями и опять начала кудахтать. Алеша долго с нею играл; наконец, когда сделалось темно и настала пора идти домой, он сам затворил курятник, удостоверившись наперед, что любезная его курочка уселась на шесте. Когда он выходил из курятника, ему показалось, что глаза у Чернушки светятся в темноте, как звездочки, и что она тихонько ему говорит:

-- Алеша, Алеша! Остайся со мною!

Алеша возвратился в дом и весь вечер просидел один в классных комнатах, между тем как на другой половине часу до одиннадцатого пробыли гости и на нескольких столах играли в вист. Прежде, нежели они разъехались, Алеша пошел в нижний этаж в спальню, разделся, лег в постель и потушил огонь. Долго не мог он заснуть; наконец сон его преодолел, и он только что успел во сне разговориться с Чернушкою, как, к сожалению, пробужден был шумом разъезжающихся гостей. Немного погодя, учитель, провожавший директора со

свечкою, вошел к нему в комнату, посмотрел, всё ли в порядке, и вышел вон, замкнув дверь ключом.

Ночь была месячная, и сквозь ставни, неплотно затворявшиеся, упал в комнату бледный луч луны. Алеша лежал с открытыми глазами и долго слушал, как в верхнем жилье, над его головою, ходили по комнатам и приводили в порядок стулья и столы. Наконец всё утихло...

Он взглянул на стоявшую подле него кровать, немного освещенную месячным сиянием, и заметил, что белая простыня, висящая почти до полу, легко шевелилась. Он пристальнее стал всматриваться... ему послышалось, как будто что-то под кроватью царапается, -- и немного погодя показалось, что кто-то тихим голосом зовет его:

-- Алеша, Алеша!

Алеша испугался!.. Он один был в комнате, и ему тотчас пришло на мысль, что под кроватью должен быть вор. Но потом, рассудив, что вор не называл бы его по имени, он несколько ободрился, хотя сердце в нем дрожало. Он немного приподнялся в постеле и еще яснее увидел, что простыня шевелится... еще внятнее услышал, что кто-то говорит:

-- Алеша, Алеша!

Вдруг белая простыня приподнялась, и из-под нее вышла... черная курица!

-- Ах! Это ты, Чернушка! -- невольно вскричал Алеша. -- Как ты зашла сюда?

Чернушка захлопала крыльями, взлетела к нему на кровать и сказала человеческим голосом:

-- Это я, Алеша! Ты не боишься меня, не правда ли?

-- Зачем я тебя буду бояться? -- отвечал он. -- Я тебя люблю; только для меня странно, что ты так хорошо говоришь: я совсем не знал, что ты говорить умеешь!

-- Если ты меня не боишься, -- продолжала курица, -- так поди за мною; я тебе покажу что-нибудь хорошенькое. Одевайся скорее!

-- Какая ты, Чернушка, смешная! -- сказал Алеша. -- Как мне можно одеться в темноте? Я платья своего теперь не сыщу; я и тебя насилу вижу!

-- Постараюсь этому помочь, -- сказала курочка.

Тут она закудаhtала странным голосом, и вдруг откуда ни взялись маленькие свечки в серебряных шандалах, не больше как с Алешин маленький пальчик. Шандалы эти очутились на полу, на стульях, на окнах, даже на рукомыльнике, и в комнате сделалось так светло, как будто днем. Алеша начал одеваться, а курочка подавала ему платье, и таким образом он вскоре совсем был одет.

Когда Алеша был готов, Чернушка опять закудаhtала, и все свечки исчезли.

-- Иди за мною, -- сказала она ему, и он смело последовал за нею. Из глаз ее выходили как будто лучи, которые освещали всё вокруг них, хотя не так ярко, как маленькие свечки. Они прошли через переднюю...

-- Дверь заперта ключом, -- сказал Алеша; но курочка ему не отвечала: она хлопнула крыльями, и дверь сама собою отворилась...

Потом, прошед через сени, обратились они к комнатам, где жили столетние старушки-голландки. Алеша никогда у них не бывал, но слышал, что комнаты у них убраны по-старинному, что у одной из них большой серый попугай, а у другой серая кошка, очень умная, которая умеет прыгать через обруч и подавать лапку. Ему давно хотелось всё это видеть, и потому он очень обрадовался, когда курочка опять хлопнула крыльями и дверь в старушкины покои отворилась. Алеша

в первой комнате увидел всякого рода странные мебели: резные стулья, кресла, столы и комоды. Большая лежанка была из голландских изразцов, на которых нарисованы были синей муравой люди и звери. Алеша хотел было остановиться, чтоб рассмотреть мебели, а особливо фигуры на лежанке, но Чернушка ему не позволила. Они вошли во вторую комнату -- и тут-то Алеша обрадовался! В прекрасной золотой клетке сидел большой серый попугай с красным хвостом. Алеша тотчас хотел подбежать к нему. Чернушка опять его не допустила.

-- Не трогай здесь ничего, -- сказала она. -- Берегись разбудить старушек!

Тут только Алеша заметил, что подле попугая стояла кровать с белыми кисейными занавесками, сквозь которые он мог различить старушку, лежащую с закрытыми глазами: она показалась ему как будто восковая. В другом углу стояла такая же точно кровать, где спала другая старушка, а подле нее сидела серая кошка и умывалась передними лапами. Проходя мимо нее, Алеша не мог утерпеть, чтоб не попросить у ней лапки... Вдруг она громко замыкала, попугай нахохлился и начал громко кричать: "Дурррак! дурррак!" В то самое время видно было сквозь кисейные занавески, что старушки приподнялись в постеле... Чернушка поспешно удалилась, Алеша побежал за нею, дверь вслед за ними сильно захлопнулась... и еще долго слышно было, как попугай кричал: "Дурррак! дурррак!"

-- Как тебе не стыдно! -- сказала Чернушка, когда они удалились от комнат старушек. -- Ты, верно, разбудил рыцарей...

-- Каких рыцарей? -- спросил Алеша.

-- Ты увидишь, -- отвечала курочка. -- Не бойся, однако ж, ничего, иди за мною смело.

Они спустились вниз по лестнице, как будто в погреб, и долго-долго шли по разным переходам и коридорам, которых прежде Алеша никогда не видывал. Иногда коридоры эти так были низки и узки, что Алеша принужден был нагибаться. Вдруг вошли они в залу, освещенную тремя большими хрустальными люстрами. Зала была без окошек, и по обеим сторонам висели на стенах рыцари в блестящих латах, с большими перьями на шлемах, с копьями и щитами в железных руках. Чернушка шла вперед на цыпочках и Алеше велела следовать за собою тихонько-тихонько... В конце залы была большая дверь из светлой желтой меди. Лишь только они подошли к ней, как соскочили со стен два рыцаря, ударили копьями об щиты и бросились на черную курицу. Чернушка подняла хохол, распустила крылья... Вдруг сделалась большая-большая, выше рыцарей, -- и начала с ними сражаться! Рыцари сильно на нее наступали, а она защищалась крыльями и носом. Алеше сделалось страшно, сердце в нем сильно затрепетало -- и он упал в обморок.

Когда пришел он опять в себя, солнце сквозь ставни освещало комнату, и он лежал в своей постеле: не видно было ни Чернушки, ни рыцарей. Алеша долго не мог опомниться. Он не понимал, что с ним было ночью: во сне ли всё то видел или в самом деле это происходило? Он оделся и пошел вверх, но у него не выходило из головы виденное им в прошлую ночь. С нетерпением ожидал он минуты, когда можно ему будет идти играть на двор, но весь тот день, как нарочно, шел сильный снег, и нельзя было и подумать, чтоб выйти из дому.

За обедом учительша между прочими разговорами объявила мужу, что черная курица непонятно куда спряталась.

-- Впрочем, -- прибавила она, -- беда невелика, если бы она и пропала; она давно назначена была на кухню. Вообрази себе, душенька, что с тех пор как она у нас в доме, она не снесла ни одного яичка.

Алеша чуть-чуть не заплакал, хотя и пришло ему на мысль, что лучше, чтоб ее нигде не находили, нежели чтоб попала она на кухню.

После обеда Алеша остался опять один в классных комнатах. Он беспрестанно думал о том, что происходило в прошедшую ночь, и не мог никак утешиться о потере любезной Чернушки. Иногда ему казалось, что он непременно должен ее увидеть в следующую ночь, несмотря на то что она пропала из курятника; но потом ему казалось, что это дело несбыточное, и он опять погружался в печаль.

Настало время ложиться спать, и Алеша с нетерпением разделся и лег в постель. Не успел он взглянуть на соседнюю кровать, опять освещенную тихим лунным сиянием, как зашевелилась белая простыня -- точно так, как накануне... Опять послышался ему голос, его зовущий: "Алеша, Алеша!" -- и немного погодя вышла из-под кровати Чернушка и взлетела к нему на постель.

-- Ах! Здравствуй, Чернушка! -- вскричал он вне себя от радости. -- Я боялся, что никогда тебя не увижу; здорова ли ты?

-- Здорова, -- отвечала курочка, -- но чуть было не занемогла по твоей милости.

-- Как это, Чернушка? -- спросил Алеша, испугавшись.

-- Ты добрый мальчик, -- продолжала курочка, -- но притом ты ветрен и никогда не слушаешься с первого слова, а это нехорошо! Вчера я говорила тебе, чтоб ты ничего не трогал в комнатах старушек, -- несмотря на то, ты не мог утерпеть, чтобы не попросить у кошки лапку. Кошка разбудила попугая, попугай старушек, старушки рыцарей -- и я насилу с ними сладила!

-- Виноват, любезная Чернушка, вперед не буду! Пожалуйста, поведи меня сегодня опять туда. Ты увидишь, что я буду послушен.

-- Хорошо, -- сказала курочка, -- увидим!

Курочка закудаhtала, как накануне, и те же маленькие свечки явились в тех же серебряных шандалах. Алеша опять оделся и пошел за курицею. Опять вошли они в покои старушек, но в этот раз он уже ни до чего не дотрогивался. Когда они проходили чрез первую комнату, то ему показалось, что люди и звери, нарисованные на лежанке, делают разные смешные гримасы и манят его к себе, но он нарочно от них отвернулся. Во второй комнате старушки-голландки, так же как накануне, лежали в постелях, будто восковые; попугай смотрел на Алешу и хлопал глазами; серая кошка опять умывалась лапками. На уборном столе перед зеркалом Алеша увидел две фарфоровые китайские куклы, которых вчера он не заметил. Они кивали ему головою, но он помнил приказание Чернушки и прошел не останавливаясь, однако не мог утерпеть, чтоб мимоходом им не поклониться. Куколки тотчас соскочили со стола и побежали за ним, всё кивая головою. Чуть-чуть он не остановился -- так они показались ему забавными; но Чернушка оглянулась на него с сердитым видом, и он опомнился.

Куколки проводили их до дверей и, видя, что Алеша на них не смотрит, возвратились на свои места.

Опять спустились они с лестницы, ходили по переходам и коридорам и пришли в ту же залу, освещенную тремя хрустальными люстрами. Те же рыцари висели на стенах, и опять -- когда приблизились они к двери из желтой меди -- два рыцаря сошли со стены и заступили им дорогу. Казалось, однако, что они не так сердиты были, как накануне; они едва тащили ноги, как осенние мухи, и видно было, что они чрез силу держали свои копыя... Чернушка сделалась большая и нахохлилась; но только что ударила их крыльями, как они рассыпались на части, -- и Алеша увидел, что то были пустые латы! Медная дверь сама собою отворилась, и они пошли далее. Немного погодя вошли они в другую залу, просторную, но невысокую, так что Алеша мог достать рукою до потолка. Зала эта освещена была такими же маленькими свечками, какие он видел в своей комнате, но шандалы были не серебряные, а золотые. Тут Чернушка оставила Алешу.

-- Побудь здесь немного, -- сказала она ему, -- я скоро приду назад. Сегодня был ты умен, хотя неосторожно поступил, поклонясь фарфоровым куколкам. Если б ты им не поклонился, то рыцари остались бы на стене. Впрочем, ты сегодня не разбудил старушек, и оттого рыцари не имели никакой силы. -- После сего Чернушка вышла из залы.

Оставшись один, Алеша со вниманием стал рассматривать залу, которая очень богато была убрана. Ему показалось, что стены сделаны из Лабрадора, какой он видел в минеральном кабинете, имеющемся в пансионе; панели и двери были из чистого золота. В конце залы, под зеленым балдахином, на возвышенном месте, стояли кресла из золота.

Алеша очень любовался этим убранством, но странным показалось ему, что всё было в самом маленьком виде, как будто для небольших кукол.

Между тем как он с любопытством всё рассматривал, отворилась боковая дверь, прежде им не замеченная, и вошло множество маленьких людей, ростом не более как с пол-аршина, в нарядных разноцветных платьях. Вид их был важен: иные по одеянию казались военными, другие -- гражданскими чиновниками. На всех были круглые с перьями шляпы, наподобие испанских. Они не замечали Алеши, прохаживались чинно по комнатам и громко между собою говорили, но он не мог понять, что они говорили. Долго смотрел он на них молча и только что хотел подойти к одному из них с вопросом, как отворилась большая дверь в конце залы... Все замолкли, стали к стенам в два ряда и сняли шляпы. В одно мгновение комната сделалась еще светлее; все маленькие свечки еще ярче загорели -- и Алеша увидел двадцать маленьких рыцарей, в золотых латах, с пунцовыми на шлемах перьями, которые попарно входили тихим маршем. Потом в глубоком молчании стали они по обеим сторонам кресел. Немного погодя вошел в залу человек с величественною осанкою, на голове с венцом, блестящим драгоценными камнями. На нем была светло-зеленая мантия, подбитая мышьям мехом, с длинным шлейфом, который несли двадцать маленьких пажей в пунцовых платьях. Алеша тотчас догадался, что это должен быть король. Он низко ему поклонился. Король отвечал на поклон его весьма ласково и сел в золотые кресла. Потом что-то приказал одному из стоявших подле него рыцарей, который, подошед к Алеше, объявил ему, чтоб он приблизился к креслам. Алеша повиновался.

-- Мне давно было известно, -- сказал король, -- что ты добрый мальчик; но третьего дня ты оказал великую услугу моему народу и за то заслуживаешь награду. Мой главный министр донес мне, что ты спас его от неизбежной и жестокой смерти.

-- Когда? -- спросил Алеша с удивлением.

-- Третьего дня на дворе, -- отвечал король. -- Вот тот, который обязан тебе жизнию.

Алеша взглянул на того, на которого указывал король, и тут только заметил, что между придворными стоял маленький человек, одетый весь в черное. На голове у него была особенного рода шапка малинового цвета, наверху с зубчиками, надетая немного набок; а на шее был платок, очень накрахмаленный, отчего казался он немного синеватым. Он умильно улыбался, глядя на Алешу, которому лицо его показалось знакомым, хотя не мог он вспомнить, где его видал.

Сколь для Алеши ни было лестно, что приписывали ему такой благородный поступок, но он любил правду и потому, сделав низкий поклон, сказал:

-- Господин король! Я не могу принять на свой счет того, чего никогда не делал. Третьего дня я имел счастье избавить от смерти не министра вашего, а черную нашу курицу, которую не любила кухарка за то, что не снесла она ни одного яйца...

-- Что ты говоришь? -- прервал его с гневом король. -- Мой министр -- не курица, а заслуженный чиновник!

Тут подошел министр ближе, и Алеша увидел, что в самом деле это была его любезная Чернушка. Он очень обрадовался и попросил у короля извинения, хотя никак не мог понять, что это значит.

-- Скажи мне, чего ты желаешь? -- продолжал король. -- Если я в силах, то непременно исполню твое требование.

-- Говори смело, Алеша! -- шепнул ему на ухо министр.

Алеша задумался и не знал, чего пожелать. Если б дали ему более времени, то он, может быть, и придумал бы что-нибудь хорошенькое; но так как ему казалось неучтивым заставить дожидаться короля, то он поспешил с ответом.

-- Я бы желал, -- сказал он, -- чтобы, не учившись, я всегда знал урок свой, какой бы мне ни задали.

-- Не думал я, что ты такой ленивец, -- отвечал король, покачив головою. -- Но делать нечего: я должен исполнить свое обещание.

Он махнул рукою, и паж поднес золотое блюдо, на котором лежало одно конопляное семечко.

-- Возьми это семечко, -- сказал король. -- Пока оно будет у тебя, ты всегда знать будешь урок свой, какой бы тебе ни задали, с тем, однако, условием, чтоб ты ни под каким предлогом никому не сказывал ни одного слова о том, что ты здесь видел или впредь увидишь. Малейшая нескромность лишит тебя навсегда наших милостей, а нам наделает множество хлопот и неприятностей.

Алеша взял конопляное зерно, завернул в бумажку и положил в карман, обещаясь быть молчаливым и скромным. Король после того встал с кресел и тем же порядком вышел из залы, приказав прежде министру угостить Алешу как можно лучше.

Лишь только король удалился, как окружили Алешу все придворные и начали его всячески ласкать, изъявляя признательность свою за то, что он избавил министра. Они все предлагали ему свои услуги: одни спрашивали, не хочет ли он погулять в саду или посмотреть королевский зверинец; другие приглашали его на охоту. Алеша не знал, на что решиться. Наконец министр объявил, что сам будет показывать подземные редкости дорогому гостю.

Сначала повел он его в сад, устроенный в английском вкусе. Дорожки усеяны были крупными разноцветными камышками, отражавшими свет от бесчисленных маленьких ламп, которыми увешаны были деревья. Этот блеск чрезвычайно понравился Алеше.

-- Камни эти, -- сказал министр, -- у вас называются драгоценными. Это всё бриллианты, яхонты, изумруды и аметисты.

-- Ах, когда бы у нас этим усыпаны были дорожки! -- вскричал Алеша.

-- Тогда и у вас бы они так же были малоценны, как здесь, -- отвечал министр.

Деревья также показались Алеше отменно красивыми, хотя притом очень странными. Они были разного цвета: красные, зеленые, коричневые, белые, голубые и лиловые. Когда посмотрел он на них со вниманием, то увидел, что это не что иное, как разного рода мох, только выше и толще обыкновенного. Министр рассказал ему, что мох этот выписан королем за большие деньги из дальних стран и из самой глубины земного шара.

Из сада пошли они в зверинец. Там показали Алеше диких зверей, которые привязаны были на золотых цепях. Всмотриваясь внимательнее, он, к удивлению своему, увидел, что дикие эти звери были не что иное, как большие крысы, кроты, хорьки и подобные им звери, живущие в земле и под полами. Ему это очень показалось смешно, но он из учтивости не сказал ни слова.

Возвратившись в комнаты после прогулки, Алеша в большой зале нашел накрытый стол, на котором расставлены были разного рода конфеты, пироги, паштеты и фрукты. Блюда все были из чистого золота, а бутылки и стаканы выточенные из цельных бриллиантов, яхонтов и изумрудов.

-- Кушай что угодно, -- сказал министр, -- с собою же брать ничего не позволяется.

Алеша в тот день очень хорошо поужинал, и потому ему вовсе не хотелось кушать.

-- Вы обещались взять меня с собою на охоту, -- сказал он.

-- Очень хорошо, -- отвечал министр. -- Я думаю, что лошади уже оседланы.

Тут он свистнул, и вошли конюхи, ведущие в поводах -- палочки, у которых набалдашники были резной работы и представляли лошадиные головы. Министр с большою ловкостью вскочил на свою лошадь; Алеше подвели палку гораздо более других.

-- Берегись, -- сказал министр, -- чтоб лошадь тебя не сбросила: она не из самых смирных.

Алеша внутренне смеялся этому, но когда он взял палку между ног, то увидел, что совет министра был небесполезен. Палка начала под ним увертываться и манежиться, как настоящая лошадь, и он насилу мог усидеть.

Между тем затрубили в рога, и охотники пустились скакать во всю прыть по разным переходам и коридорам. Долго они так скакали, и Алеша от них не отставал, хотя с трудом мог сдерживать бешеную палку свою... Вдруг из одного бокового коридора выскочило несколько крыс, таких больших, каких Алеша никогда не видывал. Они хотели пробежать мимо, но когда министр приказал их окружить, то они остановились и начали защищаться храбро. Несмотря, однако, на то, они были побеждены мужеством и искусством охотников. Восемь крыс легли на месте, три обратились в бегство, а одну, довольно тяжело раненную, министр велел вылечить и отвезть в зверинец.

По окончании охоты Алеша так устал, что глазки его невольно закрывались... при всем том ему хотелось обо многом поговорить с Чернушкой, и он попросил позволения возвратиться в залу, из которой они выехали на охоту.

Министр на то согласился; большою рысью поехали они назад и по прибытии в залу отдали лошадей конюхам, раскланялись с придворными и охотниками и сели друг подле друга на принесенные им стулья.

-- Скажи, пожалуйста, -- начал Алеша, -- зачем вы убили бедных крыс, которые вас не беспокоят и живут так далеко от вашего жилища?

-- Если б мы их не истребляли, -- сказал министр, -- то они вскоре бы нас выгнали из комнат наших и истребили бы все наши съестные припасы. К тому же мышьи и крысьи меха у нас в высокой цене, по причине их легкости и мягкости. Одним знатным особам позволено их у нас употреблять.

-- Да скажи мне пожалуй, кто вы таковы? -- продолжал Алеша.

-- Неужели ты никогда не слыхал, что под землею живет народ наш? -- отвечал министр. -- Правда, не многим удается нас видеть, однако бывали примеры, особливо в старину, что мы выходили на свет и показывались людям. Теперь это редко случается, потому что люди сделались очень нескромны. А у нас существует закон, что если тот, кому мы показали, не сохранит этого в тайне, то мы принуждены бываем немедленно оставить местопребывание наше и идти -- далеко-далеко в другие страны. Ты легко представить себе можешь, что королю нашему невесело было бы оставить все здешние заведения и с целым народом переселиться в неизвестные земли. И потому убедительно тебя прошу быть как можно скромнее, ибо в противном случае ты нас всех сделаешь несчастными, а

особливо меня. Из благодарности я упросил короля призвать тебя сюда; но он никогда мне не простит, если по твоей нескромности мы принуждены будем оставить этот край...

-- Я даю тебе честное слово, что никогда не буду ни с кем об вас говорить, -- прервал его Алеша. -- Я теперь вспомнил, что читал в одной книжке о гномах, которые живут под землю. Пишут, что в некотором городе очень разбогател один сапожник в самое короткое время, так что никто не понимал, откуда взялось его богатство. Наконец как-то узнали, что он шил сапоги и башмаки на гномов, плативших ему за то очень дорого.

-- Быть может, что это правда, -- отвечал министр.

-- Но, -- сказал ему Алеша, -- объясни мне, любезная Чернушка, отчего ты, будучи министром, являешься в свет в виде курицы и какую связь имеете вы с старушками-голландками?

Чернушка, желая удовлетворить его любопытству, начала было рассказывать ему подробно о многом; но при самом начале ее рассказа глаза Алешины закрылись и он крепко заснул. Проснувшись на другое утро, он лежал в своей постеле.

Долго не мог он опомниться и не знал, что ему думать... Чернушка и министр, король и рыцари, голландки и крысы -- всё это смешалось в его голове, и он насилу мысленно привел в порядок всё, виденное им в прошлую ночь. Вспомнив, что король подарил ему конопляное зерно, он поспешно бросился к своему платью и действительно нашел в кармане бумажку, в которой завернуто было конопляное семечко. "Увидим, -- подумал он, сдержит ли слово свое король! Завтра начнутся классы, а я еще не успел выучить всех своих уроков".

Исторический урок особенно его беспокоил: ему задано было выучить наизусть несколько страниц из Шрековой "Всемирной истории", и он не знал еще ни одного слова! Настал понедельник, съехались пансионеры, и начались классы. От десяти часов до двенадцати преподавал историю сам содержатель пансиона. У Алеши сильно билось сердце... Пока дошла до него очередь, он несколько раз ощупывал лежащую в кармане бумажку с конопляным зернышком... Наконец его вызвали. С трепетом подошел он к учителю, открыл рот, сам еще не зная, что сказать, и -- безошибочно, не останавливаясь, проговорил заданное. Учитель очень его хвалил, однако Алеша не принимал его хвалу с тем удовольствием, которое прежде чувствовал он в подобных случаях. Внутренний голос ему говорил, что он не заслуживает этой похвалы, потому что урок этот не стоил ему никакого труда.

В продолжение нескольких недель учителя не могли нахвалиться Алешей. Все уроки без исключения знал он совершенно, все переводы с одного языка на другой были без ошибок, так что не могли надивиться чрезвычайными его успехами. Алеша внутренне стыдился этих похвал: ему совестно было, что поставляли его в пример товарищам, тогда как он вовсе того не заслуживал.

В течение этого времени Чернушка к нему не являлась, несмотря на то что Алеша, особливо в первые недели после получения конопляного зернышка, не пропускал почти ни одного дня без того, чтобы ее не звать, когда ложился спать. Сначала он очень о том горевал, но потом успокоился мыслию, что она, вероятно, занята важными делами по своему званию. Впоследствии же похвалы, которыми все его осыпали, так его заняли, что он довольно редко о ней вспоминал.

Между тем слух о необыкновенных его способностях разнесся вскоре по целому Петербургу. Сам директор училищ приезжал несколько раз в пансион и любовался Алешей. Учитель носил его на руках, ибо чрез него пансион вошел в славу. Со всех концов города съезжались родители и приставали к нему, чтоб он детей их принял к себе, в надежде, что и они такие же будут ученые, как Алеша. Вскоре пансион так наполнился, что не было уже места для новых пансионеров, и

учитель с учительшею начали помышлять о том, чтоб нанять дом, гораздо пространнейший того, в котором они жили.

Алеша, как сказал я уже выше, сначала стыдился похвал, чувствуя, что вовсе их не заслуживает, но мало-помалу он стал к ним привыкать, и наконец самолюбие его дошло до того, что он принимал, не краснея, похвалы, которыми его осыпали. Он много стал о себе думать, важничал перед другими мальчиками и вообразил себе, что он гораздо лучше и умнее всех их. Нрав Алешин от этого совсем испортился: из доброго, милого и скромного мальчика он сделался гордый и непослушный. Совесть часто его в том упрекала, и внутренний голос ему говорил: "Алеша, не гордись! Не приписывай самому себе того, что не тебе принадлежит; благодари судьбу за то, что она тебе доставила выгоды против других детей, но не думай, что ты лучше их. Если ты не исправишься, то никто тебя любить не будет, и тогда ты, при всей своей учености, будешь самое несчастное дитя!"

Иногда он и принимал намерение исправиться; но, к несчастью, самолюбие так в нем было сильно, что заглушало голос совести, и он день ото дня становился хуже, и день ото дня товарищи менее его любили.

Притом Алеша сделался страшный шалун. Не имея нужды твердить уроков, которые ему задавали, он в то время, когда другие дети готовились к классам, занимался шалостями, и эта праздность еще более портила его нрав. Наконец он так надоел всем дурным своим нравом, что учитель серьезно начал думать о средствах к исправлению такого дурного мальчика -- и для того давал ему уроки вдвое и втрое большие, нежели другим; но и это нисколько не помогало. Алеша вовсе не учился, а все-таки знал урок с начала до конца, без малейшей ошибки.

Однажды учитель, не зная, что с ним делать, задал ему выучить наизусть страниц двадцать к другому утру и надеялся, что он, по крайней мере, в этот день будет смиреннее. Куды! Наш Алеша и не думал об уроке! В этот день он нарочно шалил более обыкновенного, и учитель тщетно грозил ему наказанием, если на другое утро не будет он знать урока. Алеша внутренне смеялся этим угрозам, будучи уверен, что конопляное зернышко поможет ему непременно. На следующий день, в назначенный час, учитель взял в руки книжку, из которой задан был урок Алеше, подозвал его к себе и велел проговорить заданное. Все дети с любопытством обратили на Алешу внимание, и сам учитель не знал, что подумать, когда Алеша, несмотря на то что вовсе накануне не твердил урока, смело встал со скамейки и подошел к нему. Алеша нимало не сомневался в том, что и этот раз ему удастся показать свою необыкновенную способность: он разинул рот... и не мог выговорить ни слова!

-- Что ж вы молчите? -- сказал ему учитель. -- Говорите урок.

Алеша покраснел, потом побледнел, опять покраснел, начал мять свои руки, слезы у него от страха навернулись на глазах... всё тщетно! Он не мог выговорить ни одного слова, потому что, надеясь на конопляное зерно, он даже и не заглядывал в книгу.

-- Что это значит, Алеша? -- закричал учитель. -- Зачем вы не хотите говорить?

Алеша сам не знал, чему приписать такую странность, всунул руку в карман, чтоб ощупать семечко... но как описать его отчаяние, когда он его не нашел! Слезы градом полились из глаз его... он горько плакал и все-таки не мог сказать ни слова.

Между тем учитель терял терпение. Привыкнув к тому, что Алеша всегда отвечал безошибочно и не запинаясь, ему казалось невозможным, чтоб он не знал по крайней мере начала урока, и потому приписывал молчание его упрямству.

-- Подите в спальню, -- сказал он, -- и оставайтесь там, пока совершенно будете знать урок.

Алешу отвели в нижний этаж, дали ему книгу и заперли дверь ключом.

Лишь только он остался один, как начал везде искать конопляное зернышко. Он долго шарил у себя в карманах, ползал по полу, смотрел под кроватью, перебирал одеяло, подушки, простыню -- всё напрасно! Нигде не было и следов любезного зернышка! Он старался вспомнить, где он мог его потерять, и наконец уверился, что выронил его как-нибудь накануне, играя на дворе. Но каким образом найти его? Он заперт был в комнате, а если б и позволили выйти на двор, так и это, вероятно, ни к чему бы не послужило, ибо он знал, что курочки лакомы на коноплю, и зернышко его, верно, которая-нибудь из них успела склевать! Отчаявшись отыскать его, он вздумал призвать к себе на помощь Чернушку.

-- Милая Чернушка! -- говорил он. -- Любезный министр! Пожалуйста, явись мне и дай другое зернышко! Я, право, вперед буду осторожнее...

Но никто не отвечал на его просьбы, и он наконец сел на стул и опять принялся горько плакать.

Между тем настала пора обедать; дверь отворилась, и вошел учитель.

-- Знаете ли вы теперь урок? -- спросил он у Алеши.

Алеша, громко всхлипывая, принужден был сказать, что не знает.

-- Ну так оставайтесь здесь, пока выучите! -- сказал учитель, велел подать ему стакан воды и кусок ржаного хлеба и оставил его опять одного.

Алеша стал твердить наизусть, но ничего не входило ему в голову. Он давно отвык от занятий, да и как вытвердить двадцать печатных страниц! Сколько он ни трудился, сколько ни напрягал свою память, но когда настал вечер, он не знал более двух или трех страниц, да и то плохо. Когда пришло время другим детям ложиться спать, все товарищи его разом нагрянули в комнату, и с ними пришел опять учитель.

-- Алеша! Знаете ли вы урок? -- спросил он.

И бедный Алеша сквозь слезы отвечал:

-- Знаю только две страницы.

-- Так видно и завтра придется вам просидеть здесь на хлебе и на воде, -- сказал учитель, пожелал другим детям покойного сна и удалился.

Алеша остался с товарищами. Тогда, когда он был доброе и скромное дитя, все его любили, и если, бывало, подвергался он наказанию, то все о нем жалели, и это ему служило утешением; но теперь никто не обращал на него внимания: все с презрением на него смотрели и не говорили с ним ни слова. Он решился сам начать разговор с одним мальчиком, с которым в прежнее время был очень дружен, но тот от него отворотился, не отвечая. Алеша обратился к другому, но и тот говорить с ним не хотел и даже оттолкнул его от себя, когда он опять с ним заговорил. Тут несчастный Алеша почувствовал, что он заслуживает такое с ним обхождение товарищей. Обливаясь слезами, лег он в свою постель, но никак не мог заснуть.

Долго лежал он таким образом и с горестию вспоминал о минувших счастливых днях. Все дети уже наслаждались сладким сном, один только он заснуть не мог! "И Чернушка меня оставила", -- подумал Алеша, и слезы вновь полились у него из глаз.

Вдруг... простыня у соседней кровати зашевелилась, подобно как в первый тот день, когда к нему явилась черная курица. Сердце в нем стало биться сильнее... он желал, чтоб Чернушка вышла опять из-под кровати; но не смел надеяться, что желание его исполнится.

-- Чернушка, Чернушка! -- сказал он наконец вполголоса... Простыня приподнялась, и к нему на постель взлетела черная курица.

-- Ах, Чернушка! -- сказал Алеша вне себя от радости. -- Я не смел надеяться, что с тобою увижусь! Ты меня не забыла?

-- Нет, -- отвечала она, -- я не могу забыть оказанной тобою услуги, хотя тот Алеша, который спас меня от смерти, вовсе не похож на того, которого теперь перед собою вижу. Ты тогда был добрый мальчик, скромный и учтивый, и все тебя любили, а теперь... я не узнаю тебя!

Алеша горько заплакал, а Чернушка продолжала давать ему наставления. Долго она с ним разговаривала и со слезами упрашивала его исправиться. Наконец, когда уже начинал показываться дневной свет, курочка ему сказала:

-- Теперь я должна тебя оставить, Алеша! Вот конопляное зерно, которое выронил ты на дворе. Напрасно ты думал, что потерял его невозвратно. Король наш слишком великодушен, чтоб лишить тебя одного за твою неосторожность. Помни, однако, что ты дал честное слово сохранять в тайне всё, что тебе о нас известно... Алеша! К теперешним худым свойствам твоим не прибавь еще худшего -- неблагодарности!

Алеша с восхищением взял любезное свое семечко из лапок курицы и обещался употребить все силы свои, чтоб исправиться!

-- Ты увидишь, милая Чернушка, -- сказал он, -- что я сегодня же совсем другой буду...

-- Не полагай, -- отвечала Чернушка, -- что так легко исправиться от пороков, когда они уже взяли над нами верх. Пороки обыкновенно входят в дверь, а выходят в щелочку, и потому, если хочешь исправиться, то должен беспрестанно и строго смотреть за собою. Но прощай!.. Пора нам расстаться!

Алеша, оставшись один, начал рассматривать свое зернышко и не мог им налюбоваться. Теперь-то он совершенно спокоен был насчет урока, и вчерашнее горе не оставило в нем никаких следов. Он с радостью думал о том, как будут все удивляться, когда он безошибочно проговорит двадцать страниц, -- и мысль, что он опять возьмет верх над товарищами, которые не хотели с ним говорить, ласкала его самолюбие. Об исправлении самого себя он хотя и не забыл, но думал, что это не может быть так трудно, как говорила Чернушка. "Будто не от меня зависит исправиться! -- мыслил он. -- Стоит только захотеть, и все опять меня любить будут..."

Увы! Бедный Алеша не знал, что для исправления самого себя необходимо должно начать тем, чтоб откинуть самолюбие и излишнюю самонадеянность.

Когда поутру собрались дети в классы, Алешу позвали вверх. Он вошел с веселым и торжествующим видом.

-- Знаете ли вы урок ваш? -- спросил учитель, взглянув на него строго.

-- Знаю, -- отвечал Алеша смело.

Он начал говорить и проговорил все двадцать страниц без малейшей ошибки и остановки. Учитель вне себя был от удивления, а Алеша гордо поглядывал на своих товарищей.

От глаз учителя не скрылся гордый вид Алешин.

-- Вы знаете урок свой, -- сказал он ему, -- это правда, -- но зачем вы вчера не хотели его сказать?

-- Вчера я не знал его, -- отвечал Алеша.

-- Быть не может, -- прервал его учитель. -- Вчера ввечеру вы мне сказали, что знаете только две страницы, да и то плохо, а теперь без ошибки проговорили все двадцать! Когда же вы его выучили?

Алеша замолчал. Наконец дрожащим голосом сказал он:

-- Я выучил его сегодня поутру!

Но тут вдруг все дети, огорченные его надменностью, закричали в один голос:

-- Он неправду говорит; он и книги в руки не брал сегодня поутру!

Алеша вздрогнул, потупил глаза в землю и не сказал ни слова.

-- Отвечайте же! -- продолжал учитель, -- когда выучили вы урок?

Но Алеша не прерывал молчания: он так поражен был сим неожиданным вопросом и недоброжелательством, которое оказывали ему все его товарищи, что не мог опомниться.

Между тем учитель, полагая, что он накануне не хотел сказывать урока из упрямства, счел за нужное строго наказать его.

-- Чем более вы от природы имеете способностей и дарований, -- сказал он Алеше, -- тем скромнее и послушнее вы должны быть. Не для того Бог дал вам ум, чтоб вы во зло его употребляли. Вы заслуживаете наказание за вчерашнее упрямство, а сегодня вы еще увеличили вину вашу тем, что солгали. Господа! -- продолжал учитель, обратясь к пансионерам. -- Запрещаю всем вам говорить с Алешей до тех пор, пока он совершенно исправится. А так как, вероятно, для него это небольшое наказание, то велите подать розги.

Принесли розги... Алеша был в отчаянии! В первый еще раз с тех пор, как существовал пансион, наказывали розгами, и кого же -- Алешу, который так много о себе думал, который считал себя лучше и умнее всех! Какой стыд!..

Он, рыдая, бросился к учителю и обещался совершенно исправиться...

-- Надо было думать об этом прежде, -- был ему ответ.

Слезы и раскаяние Алешы тронули товарищей, и они начали просить за него; а Алеша, чувствуя, что не заслужил их сострадания, еще горше стал плакать! Наконец учитель приведен был в жалость.

-- Хорошо! -- сказал он. -- Я прощу вас ради просьбы товарищей ваших, но с тем, чтоб вы пред всеми признались в вашей вине и объявили, когда вы выучили заданный урок?

Алеша совершенно потерял голову... он забыл обещание, данное подземельному королю и его министру, и начал рассказывать о черной курице, о рыцарях, о маленьких людях...

Учитель не дал ему договорить...

-- Как! -- вскричал он с гневом. -- Вместо того чтобы раскаяться в дурном поведении вашем, вы меня еще вздумали дурачить, рассказывая сказку о черной курице?... Этого слишком уже много. Нет, дети! Вы видите сами, что его нельзя не наказать!

И бедного Алешу высекли!!

С поникшею головою, с растерзанным сердцем, Алеша пошел в нижний этаж, в спальные комнаты. Он был как убитый... стыд и раскаяние наполняли его душу! Когда чрез несколько часов он немного успокоился и положил руку в карман... конопляного зернышка в нем не было! Алеша горько заплакал, чувствуя, что потерял его навсегда!

Вечеру, когда другие дети пришли спать, он также лег в постель, но заснуть никак не мог! Как раскаивался он в дурном поведении своем! Он решительно принял намерение исправиться, хотя чувствовал, что конопляное зернышко возвратить невозможно!

Около полуночи пошевелилась опять простыня у соседней кровати... Алеша, который накануне этому радовался, теперь закрыл глаза... он боялся увидеть Чернушку! Совесть его мучила. Он вспомнил, что еще вчера вечером так уверительно говорил Чернушке, что непременно исправится, -- и вместо того... Что он ей теперь скажет?

Несколько времени лежал он с закрытыми глазами. Ему слышался шорох от поднимающейся простыни... Кто-то подошел к его кровати -- и голос, знакомый голос, назвал его по имени:

-- Алеша, Алеша!

Но он стыдился открыть глаза, а между тем слезы из них выкатывались и текли по его щекам...

Вдруг кто-то дернул за одеяло... Алеша невольно проглянул, и перед ним стояла Чернушка -- не в виде курицы, а в черном платье, в малиновой шапочке с зубчиками и в белом накрахмаленном шейном платке, точно как он видел ее в подземной зале.

-- Алеша! -- сказал министр. -- Я вижу, что ты не спишь... Прощай! Я пришел с тобою проститься, более мы не увидимся!..

Алеша громко зарыдал.

-- Прощай! -- воскликнул он. -- Прощай! И, если можешь, прости меня! Я знаю, что виноват перед тобою, но я жестоко за то наказан!

-- Алеша! -- сказал сквозь слезы министр. -- Я тебя прощаю; не могу забыть, что ты спас жизнь мою, и всё тебя люблю, хотя ты сделал меня несчастным, может быть, навеки!.. Прощай! Мне позволено видеться с тобою на самое короткое время. Еще в течение нынешней ночи король с целым народом своим должен переселиться далеко-далеко от здешних мест! Все в отчаянии, все проливают слезы. Мы несколько столетий жили здесь так счастливо, так покойно!..

Алеша бросился целовать маленькие ручки министра. Схватив его за руку, он увидел на ней что-то блестящее, и в то же самое время какой-то необыкновенный звук поразил его слух...

-- Что это такое? -- спросил он с изумлением.

Министр поднял обе руки вверх, и Алеша увидел, что они были скованы золотой цепью... Он ужаснулся!..

-- Твоя нескромность причиною, что я осужден носить эти цепи, -- сказал министр с глубоким вздохом, -- но не плачь, Алеша! Твои слезы помочь мне не могут. Одним только ты можешь меня утешить в моем несчастье: старайся исправиться и будь опять таким же добрым мальчиком, как был прежде. Прощай в последний раз!

Министр пожал Алеше руку и скрылся под соседнюю кровать.

-- Чернушка, Чернушка! -- кричал ему вслед Алеша, но Чернушка не отвечала.

Во всю ночь не мог он сомкнуть глаз ни на минуту. За час перед рассветом послышалось ему, что под полом что-то шумит. Он встал с постели, приложил к полу ухо и долго слышал стук маленьких колес и шум, как будто множество маленьких людей проходило. Между шумом этим слышен был также плач женщин и детей и голос министра Чернушки, который кричал ему:

-- Прощай, Алеша! Прощай навеки!..

На другой день поутру дети, проснувшись, увидели Алешу, лежащего на полу без памяти. Его подняли, положили в постель и послали за доктором, который объявил, что у него сильная горячка.

Недель через шесть Алеша, с помощью Божию, выздоровел, и всё происходившее с ним перед болезнью казалось ему тяжелым сном. Ни учитель, ни товарищи не напоминали ему ни слова ни о черной курице, ни о наказании, которому он подвергся. Алеша же сам стыдился об этом говорить и старался быть послушным, добрым, скромным и прилежным. Все его снова полюбили и стали ласкать, и он сделался примером для своих товарищей, хотя уже и не мог выучить наизусть двадцать печатных страниц вдруг -- которых, впрочем, ему и не задавали.

+ читать+слушать+мультфильм или фильм

В.Ф. Одоевский Мороз Иванович

В. Ф. Одоевский. Городок в табакерке

Папенька поставил на стол табакерку. "Поди-ка сюда, Миша, посмотри-ка", - сказал он. Миша был послушный мальчик; тотчас оставил игрушки и подошел к папеньке. Да уж и было чего посмотреть! Какая прекрасная табакерка! пестренькая, из черепахи. А что на крышке-то! Ворота, башенки, домик, другой, третий, четвертый, - и счесть нельзя, и все мал мала меньше, и все золотые; а деревья-то также золотые, а листики на них серебряные; а за деревьями встает солнышко, и от него розовые лучи расходятся по всему небу.

- Что это за городок? - спросил Миша.

- Это городок Динь-Динь, - отвечал папенька и тронул пружинку...

И что же? Вдруг, невидимо где, заиграла музыка. Откуда слышна эта музыка, Миша не мог понять: он ходил и к дверям - не из другой ли комнаты? и к часам - не в часах ли? и к бюро, и к горке; прислушивался то в том, то в другом месте; смотрел и под стол... Наконец Миша уверился, что музыка точно играла в табакерке. Он подошел к ней, смотрит, а из-за деревьев солнышко выходит, крадется тихонько по небу, а небо и городок всё светлее и светлее; окошки горят ярким огнем, и от башенок будто сияние. Вот солнышко перешло через небо на другую сторону, всё ниже да ниже, и наконец за пригорком совсем скрылось; и городок потемнел, ставни закрылись, и башенки померкли, только ненадолго. Вот затеплилась звездочка, вот другая, вот и месяц рогатый выглянул из-за деревьев, и в городке стало опять светлее, окошки засеребрились, и от башенок потянулись синеватые лучи.

- Папенька! папенька! нельзя ли войти в этот городок? Как бы мне хотелось!

- Мудрено, мой друг: этот городок тебе не по росту.

- Ничего, папенька, я такой маленький; только пустите меня туда; мне так

бы хотелось узнать, что там делается...

- Право, мой друг, там и без тебя тесно.

- Да кто же там живет?

- Кто там живет? Там живут колокольчики.

С этими словами папенька поднял крышку на табакерке, и что же увидел Миша?

И колокольчики, и молоточки и валик, и колеса... Миша удивился: "Зачем эти колокольчики? зачем молоточки? зачем валик с крючками?" - спрашивал Миша у папеньки.

А папенька отвечал: "Не скажу тебе, Миша; сам посмотри попристальнее да подумай: авось-либо отгадаешь. Только вот этой пружинки не трогай, а иначе все изломается".

Папенька вышел, а Миша остался над табакеркой. Вот он сидел-сидел над нею, смотрел-смотрел, думал-думал, отчего звенят колокольчики?

Между тем музыка играет да играет; вот все тише да тише, как будто что-то цепляется за каждую нотку, как будто что-то отталкивает один звук от другого.

Вот Миша смотрит: внизу табакерки отворяется дверца, и из дверцы выбегает мальчик с золотой головкой и в стальной юбочке, останавливается на пороге и манит к себе Мишу.

"Да отчего же, - подумал Миша, - папенька сказал, что в этом городке и без

меня тесно? Нет, видно, в нем живут добрые люди, видите, зовут меня в гости".

- Извольте, с величайшею радостью!

С этими словами Миша побежал к дверце и с удивлением заметил, что дверца ему пришлась точь-в-точь по росту. Как хорошо воспитанный мальчик, он почел долгом прежде всего обратиться к своему провожатому.

- Позвольте узнать, - сказал Миша, - с кем я имею честь говорить?

- Динь-динь-динь, - отвечал незнакомец, - я мальчик-колокольчик, житель этого городка. Мы слышали, что вам очень хочется побывать у нас в гостях, и потому решили просить вас сделать нам честь к нам пожаловать.

Динь-динь-динь, динь-динь-динь.

Миша учтиво поклонился; мальчик-колокольчик взял его за руку, и они пошли.

Тут Миша заметил, что над ними был свод, сделанный из пестрой тисненой бумажки с золотыми краями. Перед ними был другой свод, только поменьше; потом третий, еще меньше; четвертый, еще меньше, и так все другие своды - чем дальше, тем меньше, так что в последний, казалось, едва могла пройти головка его провожатого.

- Я вам очень благодарен за ваше приглашение, - сказал ему Миша, - но не знаю, можно ли будет мне им воспользоваться. Правда, здесь я свободно прохожу, но там, дальше, посмотрите, какие у вас низенькие своды, - там я, позвольте сказать откровенно, там я и ползком не пройду. Я удивляюсь, как и вы под ними проходите.

- Динь-динь-динь! - отвечал мальчик. - Пройдем, не беспокойтесь, ступайте только за мной.

Миша послушался. В самом деле, с каждым их шагом, казалось, своды подымались, и наши мальчики всюду свободно проходили;

когда же они дошли до последнего свода, тогда мальчик-колокольчик попросил Мишу оглянуться назад.

Миша оглянулся, и что же он увидел? Теперь тот первый свод, под который он подошел, входя в дверцы, показался ему маленьким, как будто, пока они шли, свод опустился. Миша был очень удивлен.

- Отчего это? - спросил он своего проводника.

- Динь-динь-динь! - отвечал проводник, смеясь. - Издали всегда так

кажется. Видно, вы ни на что вдаль со вниманием не смотрели; вдали все кажется

маленьким, а подойдешь - большое.

- Да, это правда, - отвечал Миша, - я до сих пор не думал об этом, и

оттого вот что со мною случилось: третьего дня я хотел нарисовать, как

маменька возле меня играет на фортепьяно, а папенька на другом конце комнаты читает книжку. Только этого мне никак не удалось сделать: тружусь, тружусь, рисую как можно вернее, а все на бумаге у меня выйдет, что папенька возле маменьки сидит и кресло его возле фортепьяно стоит, а между тем я очень хорошо вижу, что фортепьяно стоит возле меня, у окошка, а папенька сидит на другом конце, у камина. Маменька мне говорила, что папеньку надобно нарисовать маленьким, но я думал, что маменька шутит, потому что папенька гораздо больше ее ростом; но теперь вижу, что она правду говорила: папеньку надобно было нарисовать маленьким, потому что он сидел вдалеке. Очень вам благодарен за объяснение, очень благодарен.

Мальчик-колокольчик смеялся изо всех сил: "Динь-динь-динь, как смешно! Не уметь рисовать папеньку с маменькой! Динь-динь-динь, динь-динь-динь!"

Мише показалось досадно, что мальчик-колокольчик над ним так немилосердно насмеяется, и он очень вежливо сказал ему:

- Позвольте мне спросить у вас: зачем вы к каждому слову всё говорите

"динь-динь-динь"?

- Уж у нас поговорка такая, - отвечал мальчик-колокольчик.

- Поговорка? - заметил Миша. - А вот папенька говорит, что очень нехорошо привыкать к поговоркам.

Мальчик-колокольчик закусил губы и не сказал больше ни слова.

Вот перед ними еще дверцы; они отворились, и Миша очутился на улице. Что за улица! Что за городок! Мостовая вымощена перламутром; небо пестренькое, черепаховое; по небу ходит золотое солнышко; поманишь его, оно с неба сойдет, вокруг руки обойдет и опять поднимается. А домики-то стальные, полированные, крытые разноцветными раковинками, и под каждую крышкою сидит мальчик-колокольчик с золотой головкою, в серебряной юбочке, и много их, много и все мал мала меньше.

- Нет, теперь уж меня не обманут, - сказал Миша. - Это так только мне

кажется издали, а колокольчики-то все одинакие.

- Ан вот и неправда, - отвечал провожатый, - колокольчики не одинакие.

Если бы все были одинакие, то и звенели бы мы все в один голос, один как другой; а ты слышишь, какие мы песни выводим. Это оттого, что, кто из нас побольше, у того и голос потолще. Неужели ты и этого не знаешь? Вот видишь ли, Миша, это тебе урок: вперед не смейся над теми, у которых поговорка дурная; иной и с поговоркою, а больше другого знает, и можно от него кое-чему научиться.

Миша, в свою очередь, закусил язычок. Между тем их окружили

мальчики-колокольчики, теребили Мишу за платье, звенели, прыгали, бегали.

- Весело вы живете, - сказал им Миша, - век бы с вами остался. Целый день вы ничего не делаете, у вас ни уроков, ни учителей, да еще и музыка целый день.

- Динь-динь-динь! - закричали колокольчики. - Уж нашел у нас веселье! Нет, Миша, плохое нам житье. Правда, уроков у нас нет, да что же в том толку? Мы бы уроков не побоялись. Вся наша беда именно в том, что у нас, бедных, никакого нет дела; нет у нас ни книжек, ни картинок; нет ни папеньки, ни маменьки; нечем заняться; целый день играй да играй, а ведь это, Миша, очень, очень скучно. Поверишь ли? Хорошо наше черепаховое небо, хорошо и золотое солнышко и золотые деревья; но мы, бедные, мы насмотрелись на них вдоволь, и все это очень нам надоело; из городка мы - ни пяди, а ты можешь себе вообразить, каково целый век, ничего не делая, просидеть в табакерке, и даже в табакерке с музыкою.

- Да, - отвечал Миша, - вы говорите правду. Это и со мной случается: когда

после ученья примешься за игрушки, то так весело; а когда в праздник целый день все играешь да играешь, то к вечеру и делается скучно; и за ту и за другую игрушку примешься - всё не мило. Я долго не понимал; отчего это, а теперь понимаю.

- Да, сверх того, на нас есть другая беда, Миша: у нас есть дядьки.

- Какие же дядьки? - спросил Миша.

- Дядьки-молоточки, - отвечали колокольчики, - уж какие злые! то и дело что

ходят по городу да нас постукивают. Которые побольше, тем еще реже "тук-тук" бывает, а уж маленьким куда больно достается.

В самом деле, Миша увидел, что по улице ходили какие-то господа на

тоненьких ножках, с предлинными носами и шептали между собою: "тук-тук-тук! тук-тук-тук! поднимай! задевай! тук-тук-тук!". И в самом деле, дядьки-молоточки беспрестанно то по тому, то по другому

колокольчику тук да тук, индо бедному Мише жалко стало. Он подошел к этим господам, очень вежливо поклонился им и с добродушием спросил, зачем они без всякого сожаления колотят

бедных мальчиков. А молоточки ему в ответ:

- Прочь ступай, не мешай! Там в палате и в халате надзиратель лежит и

стучать нам велит. Все ворочается, прицепляется. Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!

- Какой это у вас надзиратель? - спросил Миша у колокольчиков.

- А это господин Валик, - зазвенели они, - предобрый человек, день и ночь

с дивана не сходит; на него мы не можем пожаловаться.

Миша - к надзирателю. Смотрит: он в самом деле лежит на диване, в халате и с боку на бок переворачивается, только все лицом кверху. А по халату-то у него шпильки, крючочки видимо-невидимо; только что попадетса ему молоток, он его крючком сперва зацепит, потом спустит, а молоточек-то и стукнет по колокольчику.

Только что Миша к нему подошел, как надзиратель закричал:

- Шуры-муры! кто здесь ходит? кто здесь бродит? Шуры-муры? кто прочь не идет? кто мне спать не дает? Шуры-муры! шуры-муры!

- Это я, - храбро отвечал Миша, - я - Миша...

- А что тебе надобно? - спросил надзиратель.

- Да мне жаль бедных мальчиков-колокольчиков, они все такие умные, такие добрые, такие музыканты, а по вашему приказанию дядьки их беспрестанно постукивают...

- А мне какое дело, шуры-муры! Не я здесь набольший. Пусть себе дядьки

стукают мальчиков! Мне что за дело! Я надзиратель добрый, все на диване лежу и ни за кем не гляжу. Шуры-муры, шуры-муры...

- Ну, многому же я научился в этом городке! - сказал про себя Миша. - Вот еще иногда мне бывает досадно, зачем надзиратель с меня глаз не спускает.

"Экой злой! - думаю я. - Ведь он не папенька и не маменька; что ему за дело, что я шалю? Знал бы, сидел в своей комнате". Нет, теперь вижу, что бывает с бедными мальчиками, когда за ними никто не смотрит.

Между тем Миша пошел далее - и остановился. Смотрит, золотой шатер с жемчужною бахромою; наверху золотой флюгер вертится, будто ветряная мельница, а под шатром лежит царевна Пружинка и, как змейка, то свернется, то развернется и беспрестанно надзирателя под бок толкает. Миша этому очень удивился и сказал ей:

- Сударыня царевна! Зачем вы надзирателя под бок толкаете?

- Зиц-зиц-зиц, - отвечала царевна. - Глупый ты мальчик, неразумный

мальчик. На все смотришь, ничего не видишь! Кабы я валик не толкала, валик бы не вертелся; кабы валик не вертелся, то он за

молоточки бы не цеплялся, молоточки бы не стучали; кабы молоточки не стучали, колокольчики бы не звенели; кабы колокольчики не звенели, и музыки бы не было! Зиц-зиц-зиц. Мише захотелось узнать, правду ли говорит царевна. Он наклонился и прижал ее пальчиком - и что же?

В одно мгновение пружинка с силою развилась, валик сильно завертелся, молоточки быстро застучали, колокольчики заиграли дребедень и вдруг пружинка лопнула. Все умолкло, валик остановился, молоточки попадали, колокольчики свернулись на сторону, солнышко повисло, домики изломались... Тогда Миша вспомнил, что папенька не приказывал ему трогать пружинку, испугался и... проснулся.

- Что во сне видел, Миша? - спросил папенька.

Миша долго не мог опаматоваться. Смотрит: та же папенькина комната, та же перед ним табакерка; возле него сидят папенька и маменька и смеются.

- Где же мальчик-колокольчик? Где дядька-молоточек? Где царевна Пружинка? - спрашивал Миша. - Так это был сон?

- Да, Миша, тебя музыка убаюкала, и ты здесь порядочно вздремнул. Расскажи же нам по крайней мере что тебе приснилось!

- Да видите, папенька, - сказал Миша, протирая глазки, - мне все хотелось

узнать, отчего музыка в табакерке играет; вот я принялся на нее прилежно

смотреть и разбирать, что в ней движется и отчего движется; думал, думал и стал уже добираться, как вдруг, смотрю, дверка в табакерку растворилась... Тут Миша рассказал весь свой сон по порядку.

- Ну, теперь вижу, - сказал папенька, - что ты в самом деле почти понял,

отчего музыка в табакерке играет; но ты это еще лучше поймешь, когда будешь учиться механике.

В.Ф. Одоевский Червячок

Червячок

-- Смотри-ка, Миша, -- говорила Лизанька, остановившись возле цветущего кустарника, -- кто-то наклеил на листок хлопчатую бумагу; не ты ли это?

-- Нет, -- отвечал Миша, -- разве Саша или Володя?

-- Где Володе это сделать? -- продолжала Лизанька, -- посмотри, как искусно растянуты эти тоненькие ниточки и как крепко держатся на зелёном листке.

-- Смотри-ка, -- сказал Миша, -- там что-то круглое!

С этими словами проказник хотел было сдернуть наклеенный хлопок.

-- Ах, нет! не трогай! -- вскричала Лизанька, удерживая Мишу и присматриваясь к листочку, -- тут червячок, видишь, шевелится.

Дети не ошиблись: в самом деле, на листке цветущего кустарника, под лёгким прозрачным одеяльцем, похожим на хлопчатую бумагу, в тонкой скорлупке лежал червячок. Уже давно лежал он там, давно уже ветерок качал его колыбельку, и он сладко дремал в своей воздушной постельке. Разговор детей пробудил червячка; он просверлил окошко в своей скорлупке, выглянул на божий свет, смотрит -- светло, хорошо, и солнышко греет; задумался наш червячок.

-- Что это, -- говорит он, -- никогда мне ещё так тепло не бывало; видно, не дурно на божьем свете; дай, подвинусь дальше.

Ещё раз он стукнул в скорлупку, и окошечко сделалось дверцей; червячок просунул головку еще, еще и, наконец, совсем вылез из скорлупки. Смотрит сквозь свой прозрачный занавес, и возле него на листке капля сладкой росы, и солнышко в ней играет, и как будто радужное сияние ложится от неё на зелень.

-- Дай-ка напьюсь сладкой водицы, -- сказал червячок; потянулся, а не тут-то было. Кто это? Верно, маменька червячка так крепко прикрепила занавеску, нельзя и приподнять её даже! Что же делать? Вот наш червячок посмотрел, посмотрел да и принялся подтачивать то ту ниточку, то другую; работал, работал, и, наконец, поднялась занавеска; червячок подлез под неё и напился сладкой водицы. Весело ему на свежем воздухе; тёплый ветерок пышет на червячка, колышет струйку росы и с цветов сыплет на него душистую пыль.

-- Нет, -- говорит червячок, -- уж вперёд меня не обмануть! Зачем мне опять идти под душное одеяло и сосать сухую скорлупку? Останусь-ка я лучше на просторе; здесь много душистых цветов, много и крючочков рассыпано по листьям; есть за что уцепиться...

Не успел червячок выговорить, как вдруг -- смотрит, листья между собой зашумели и мошки в тревоге зажужжали; небо потемнело, само солнышко со страха спряталось за тучку; вороны каркают; утки гогочут; и вот дождик полился ливнем. Под бедным червячком целое море; волною захлестнуло малютку, дрожь пробежала по его тонкой коже; и холодно, и страшно ему стало. Едва он опомнился, собрал силы и снова, поматывая головкой, побрёл под хлопчатую занавеску, в родимую постельку.

Вот согрелся малютка. Между тем дождик перестал, солнышко опять показалось и рассыпалось мелкими искрами по дождевым каплям.

-- Нет, -- сказал опять червячок, -- теперь меня не обмануть; зачем мне выходить из родимого гнездышка на холод и сырость? Видишь, солнышко какое хитрое: приманит, пригреет, а нет, чтобы от дождя защитить!

Вот прошёл день, прошёл другой, прошёл третий. Червячок всё лежит в хлопчатом одеяльце, с боку на бок переваливается, иногда выставит головку, пощиплет листок и опять в колыбельку. Вот он смотрит: у него на теле волоски стали пробиваться; не прошло недели, как у червячка явилась тёплая узорчатая шубка. Если бы вы видели, какие цветы рассыпала по ней природа! Она опоясала её красными лентами, вдоль посадила жёлтые мохнатые пуговицы, к шейке пустила чёрные и зелёные жилки.

-- Ге! ге! -- сказал червячок сам себе, -- неужели, в самом деле, мне целый век лежать в моей постельке да смотреть на занавеску? Неужели только и дела на этом свете? Мне уж, признаться, надоела постелька; тесно в ней, скучно. Если б на свет посмотреть, себя показать; может быть, я на что и другое гожуся. Ну что, в самом деле, неужели дождя бояться? Да мне, в моей шубке, и дождик не страшен. Дай попробую, пощеголяю в моём новом наряде.

Вот червячок снова поднял занавеску; смотрит: над ним цветочек только что распустился; каплет из него сахарный мёд и манит к себе малютку. Не утерпел червячок, приподнялся, крепко обвился вокруг шейки цветка и жадно поцеловал

своего нового друга. Смотрит: над ним другой цветок ещё лучше того; он к нему; потом ещё третий, ещё лучше; все они шепчутся между собою; играют с малюткой и брызжут в него липчатым мёдом. Зарезвился наш червячок, забылся...

Неожиданно повеял ветер и стряхнул червячка на землю.

Что-то будет с нашим щёголем, как найти ему родимое гнездышко?

Однако ж он приподнял головку, осмотрелся.

-- Ну, что ж, -- думает, -- беда ещё не велика; оплошал так оплошал! В другой раз наука; незачем же мне опять в колыбельку. Нет, нечего колыбельки держаться; пора жить и своим умом.

Сказал и пополз куда глаза глядят. Вот дополз он до ветки, расщипал её -- жёстко! Он дальше -- ещё, ещё и дополз до листка; попробовал -- вкусно.

-- Нет, -- сказал червячок, -- теперь буду умнее, не стряхнет меня ветерок!

И закинул за листок паутинку.

Сглотал он листок, на другой потащился, а потом на третий. Весело червячку! Ветер ли пахнет, он прикорнёт к паутинке; тучка ли набежит, его шубка дождя не боится; солнышко ли сильно печёт, он под листок, да и смеётся над солнцем, насмешник!

Но были для червячка и горькие минуты. То, смотрит, птичка летит, глазки на него уставляет, а иногда подлетит, да и носиком толк его под бок. Но червячок не простак: он притворится, притаится, будто мёртвый, а птичка и прочь от него. Было и горше этого: он потащился на новый листок, а смотрит, на нём сидит большой мохнатый паук с крючьями на ногах, шевелит кровавою пастью и растягивает сетку над червячком.

Иногда проходили мимо червячка злые люди и говорили между собою:

-- Ах, проклятые червяки! Побросать бы их всех на землю да растоптать хорошенько!

Червячок, слыша такие речи, уходил в глубокою чашу и по целым дням не смел показываться.

А иногда и Лизанька с Мишей брали его в руки, чтоб полюбоваться его разноцветной шубкой; и хотя они были добрые дети, не хотели сделать зла червячку, но так неосторожно мяли его в руках, что потом бедный червячок, уже едва дыша, всползал на родимую ветку.

Вот между тем лето прошло. Уж много цветов поблекло, и на их месте шумели головки с сочными зёрнами; раньше солнце стало уходить за горку, и чаще прежнего повевал ветерок, и чаще накрапывал крупный дождик. Лизанька и Миша уже вспомнили о своих шубках и спорили, чья лучше -- у них или у червячка. Червячок заметил, что листки уже стали не так душисты и сочны, солнце не так тепло, да и сам уж он сделался не так жив; всё ему на свете казалось уже не так уютно, как прежде.

-- Что ж, -- думает он, -- довольно я на свете пожил, поработал, испытал и горе и радость, пил и горькую и сладкую росу, пощеголял я шубкой, дружился с цветками; не век же ползать по-пустому на земле; пора быть чем-нибудь лучше.

Он спустился с листка, протянулся мимо блестящей капли росы, вспомнил, как её струйки веселили его, малютку, и пополз далее в чашу зелени. Он стал искать тенистого, скромного места, удалённого от шума и света; нашёл его, приютился и начал важную работу в своей жизни. Когда Лизанька с Мишей отыскивали своего червячка, они очень удивились, что их старый знакомый ничего не ел и не пил и целые часы беспрестанно трудился над своим делом. В чём же была работа червячка? Эта работа была важная, любезные дети: червячок готовился умереть и строил себе могилку!

Долго трудился над ней; наконец, скинул с себя свою узорчатую шубку, примолвив: "Там в ней не будет нужды", и заснул сном спокойным. Не стало червячка, лишь на листке качались его безжизненный гробок и свёрнутая в комок шубка.

Но недолго спал червячок! Вдруг он чувствует -- забилося в нём новое сердце, маленькие ножки пробились из-под брюшка и на спинке что-то зашевелилось; ещё минута -- и распалась его могилка. Червячок смотрит: он уже не червяк; ему не надобно ползать по земле и цепляться за листки; развились у него большие, радужные крылья, он жив, свободен; он гордо поднимается на воздух.

Так бывает не с одним червячком, любезные дети. Нередко видите вы, что тот, с которым вы вместе резвились и играли на мягком лугу, завтра лежит бледный, бездыханный; над ним плачут родные, друзья, и он не может им улыбнуться; его кладут в сырую могилку, и вашего друга как не бывало! Но не верьте! Ваш друг не умер; раскрывается его могила -- и он, невидимо для нас, в образе светлого ангела взлетает на небо.

Древние заметили это сходство между превращением бабочки и бессмертием человека и потому на своих картинах и статуях изображали человека с бабочкиными крыльями -- для того, чтобы люди не забывали, что они, проживши свой век, испытав горе и радость, снова, как бабочка, возвратятся в новую жизнь, и что смерть есть только перемена одежды. Так, может быть, встретите вы изображение Платона, мудреца древности, с бабочкиными крыльями; его изображали так, потому что он красноречивее других говорил о бессмертии души и о жизни после смерти.

Лидия Алексеевна Чарская

Царевна Лядинка

Сказка

Оригинал находится здесь: www.skazka.com.ru

Текст приведен по изданию: Чарская Л.А. Сказки голубой феи. - М.: Профиздат, 1992.

На высокой, высокой горе, под самым небом, среди вечных снегов стоит хрустальный дворец царя Холода. Он весь выстроен из чистейшего льда, и все в нем, начиная с широких диванов, кресел, резных столов, зеркал и кончая подвесками у люстр, - все ледяное.

Батюшка царь прозен и утрюм. Седые брови нависли у него на глаза, а глаза у него такие, что, кто в них ни взглянет, того колючим холодом так и проймет. Борода у царя совершенно белая, и в ней словно блески от камней драгоценных запутались, и самоцветными искрами вся она так и переливается.

Но краше бороды царской, краше его высококого дворца, краше всех сокровищ три дочери царя, три красавицы царевны: Вьюга, Стужа и Льдинка.

У царевны Вьюги черные очи и такой звонкий голос, что его внизу в долинах далеко слышно. Царевна Вьюга всегда чрезвычайно весела и танцует и поет целый день.

Средняя царевна, Стужа, не уступит в красоте старшей сестре, только гордая она и кичливая, ни с кем добрым словом не обмолвится, никому головой не кивнет, и ходит, стройная да румяная, по своему терему, вполне довольная своей красотой, никому не открывая своего сердца.

Зато младшая сестра, царевна Льдинка, совсем иная: разговорчива, словоохотлива и уж так хороша, что при виде ее у самого грозного царя Холода очи загораются нежностью, седые брови расправляются и по лицу добрая, ласковая улыбка скользит. Любуется царь дочкой, любит ее и так балует, что старшие царевны обижаются и сердятся за это на царя.

- Льдинка - батюшкина любимица, - с завистью говорят они. И красавица же уродилась младшая царевна, такая красавица, что другой такой во всем Ледяном царстве не сыскать.

Локоны у царевны - чистое серебро. Глаза - как сапфиры синие и как алмазы самоцветные. Уста алые, как цветок розы в долине, а сама вся нежная да хрупкая, как драгоценное изваяние из лучшего хрустала.

Как взглянет на кого своими синими лучистыми глазами Льдинка, так за один взгляд этот каждый жизнь свою готов отдать.

Царевны весело живут в своем высоком тереме. Днем они пляшут, играют да дивные сказки старшей царевны Вьюги слушают, а ночью на охоту за барсами и оленями выезжают.

И тогда по всем горам да ущельям такой гул и шум поднимается, что люди в страхе от этого шума спешат из гор и из леса к себе по домам. Царевнам только и можно ночью из дома выходить. Днем они из терема показаться не смеют, так как у царя Холода и у его дочерей-красавиц есть опасный, страшный враг.

Этот враг - король Солнце, который живет в высоком тереме, выше самого дворца царя Холода, и то и дело посылает свою рать на Ледяное царство, то и дело шлет свои Лучи узнать-изведать, как легче и лучше победить ему непобедимого врага - царя Холода. А вражда у них давнишняя, старая. С тех пор, как выстроен хрустальный дворец на утесе, с тех пор, как стали пчелы за медом в долинах летать, с тех пор, как цветы заперестрели в лесу и в поле, с тех пор и поднялась между царем Холодом и королем Солнцем эта вражда не на жизнь, а на смерть.

Строго-настрога блюдет царь Холод, чтобы лукавый король не проник как-нибудь в его царское жилище, не сжег своим роковым огнем и дочерей его, и самый дворец из хрустального льда.

День и ночь стоит стража на карауле вокруг царского дворца, и строго приказано ей следить, чтобы ни один из Лучей-воинов короля Солнца не проник сюда. А царевнам накрепко запрещено выходить днем из дворца, чтобы как-нибудь ненароком не встретиться с королем.

Вот почему день-деньской, пока страшный король гуляет по своим и чужим владениям, царевны-красавицы сидят в терему и нижут ожерелья жемчужные, да ткнут алмазные пряжи, да слагают дивные сказки и песни. А придет ночь, золотые звезды усыпят небо, ясный месяц выплывет из-за облаков, тогда выходят они из хрустального терема и скачут в горы гонять барсов да оленей.

Но не все же царевнам за барсами и оленями гоняться, да звезды считать, да алмазные нити выводить, да дивные песни и сказки складывать.

Пришла пора замуж царевен выдавать. Позвал царь Холод всех трех дочерей к себе и говорит:

- Дети мои! Не все вам в родном тереме сидеть под крылышком отцовским. Выдам-ка я вас замуж за трех прекрасных принцев нашей стороны, трех родных братьев. Тебе, царевна Стужа, дам в мужья краснощекого принца Мороза; у него несметные богатства из подвесок и украшений драгоценных. Несчетным сокровищами наделит он тебя. Будешь ты самой богатой принцессой в мире.

Тебе, царица Вьюга, дам принца Ветра в мужа. Он не так богат, как его брат Мороз, но зато так могуч и так силен, что в могуществе и силе нет ему равного в мире. Он будет тебе добрым защитником-мужем. Будь покойна, дочка.

А тебе, моя любимица, - с ласковой улыбкой обратился старый царь к младшей дочери Лыдинке, - дам я такого мужа, который подходит тебе больше всего. Правда, он не могуществен, как принц Ветер, и не богат, как принц Мороз, но зато отличается несказанной, безграничной добротой и кротостью. Принц Снег - твой жених нареченный. Все его любят, все почитают. И недаром всех-то он приласкает, всех прикроет своей белой пеленой. Цветы, травы и былинки чувствуют себя зимой под его пеленой точно под теплым, пуховым одеялом. Он добр и ласков, кроток и нежен. А доброе, ласковое сердце дороже всех могуществ и богатств в целом мире.

Низко-низко поклонились старшие царицы отцу, а младшая надула губки, нахмурила брови и процедила сквозь зубы недовольным голосом:

- Нехорошо ты придумал, батюшка-царь. Самого незавидного жениха мне, своей любимой дочери, выискал. Что толку, что добр принц Снег и ласков, когда он не может ни подарить мне драгоценных уборов, как Мороз сестрице Стуже, ни побиться на смерть, как принц Ветер, с врагами и всех своею силою одолеть. К тому же его старшие братья над ним такую силу взяли! Ветер его по своему желанию кружит, вертит, а принц Мороз одним мановением руки может к месту приковать, и без его разрешения бедный принц Снег не в состоянии и двинуться.

- Так это и хорошо! - произнес царь, нахмутив свои седые брови. - Принц Снег - младший из братьев, а покорность старшим - это одно из лучших достоинств молодого принца. Но царица все свое твердит:

- Не люб мне принц Снег, батюшка, не хочу идти за него замуж! Рассердился, разгневался царь Холод. Дунул направо, дунул налево. Заскрипели льды-ледники, заволодела земля. Все пушные звери со страху попрятались в норы, а старый горный орел вскинул крыльями, да тут же и замер в воздухе.

А царь Холод как загремит своим грозным голосом на младшую дочку: - Что ты понимаешь, Лыдинка? Лучше мужа тебе самой не сыскать. И не смей упрячиться! Иди в свой терем и приготовься к вечеру как следует встретить жениха. На сегодняшний бал во дворец приглашены мною все три принца.

Горько заплакала царица, но не посмела послушаться царя-батюшку и, поникнув головою, поплелась в свой терем.

Села царица в уголок, серебряные слезинки из синих глаз роняет, и тут же эти слезинки в прекрасные бриллиантовые капельки на щеках ее превращаются.

Собрала бриллиантовые слезинки в пригоршню царица, смотрит на них и думает: "Вот сокровища, которые я должна собирать теперь, потому что у моего жениха ничего нет и я собственными слезами должна создавать себе богатство".

Глупенькая царица! Она не знала, что не богатство составляет истинное счастье каждого существа.

И вдруг видит царица, что чудными огнями заиграли у нее на ладони бриллиантовые слезинки. Она испуганно подняла голову и увидела, что в окно ее терема глядит красавец мальчик, такой светлый и радостный, какого она не видела никогда.

- Кто ты? - вскричала царица, вскакивая со своего места и подбегая к окошку.

- Я слуга одного молодого короля, который хорош, как день, могуч, как горный орел, и богат, как три царя Холода, вместе взятые.

- Богаче, чем мой отец и принц Мороз даже? - вскричала изумленная царица.

- Куда перед ним твой принц Мороз! - насмешливо произнес мальчик. - Принц Мороз просто нищий перед нашим повелителем.

- А как зовут твоего короля? - поинтересовалась красавица.

- Его зовут король Солнце! - произнес гордо мальчик.

Едва только успел он выговорить эти слова, как царица с криком отодвинулась от окошка и, в ужасе закрыв лицо руками произнесла:

- Уйди! Уйди! Я знаю, кто ты! Ты мальчик Луч, один из тех, которых посылает король Солнце войною на наше царство. Как ты осмелился и сумел проникнуть сюда, когда вокруг нашего дворца стоит стража?

Мальчик Луч только усмехнулся в ответ своими сверкающими глазами.

- Все ваши теперь заняты приготовлением к балу. Ваши стражи, Зефиры, разлетелись в разные стороны с приглашениями гостей. Я воспользовался этим и как самый маленький из слуг моего короля проникнул к твоему терему. Что скажешь ты на это, царевна Лыдинка?

- Скажу одно! - гневно топнув ножкою, вскричала царевна. - Скажу одно: твой король - заклятый враг наш, и я сейчас час крикну стражу, которая прибежит схватить тебя.

- Не торопись, царевна! - произнес мальчик Луч в ответ спокойным голосом. - Ну, схватишь ты меня, а потом что? Будешь кружиться, как глупая козочка, на балу с твоим женихом Снегом, и то, если ему позволят кружиться старшие принцы: Мороз и Ветер. А потом отдадут тебя замуж за бедного принца, их младшего брата, и проживешь ты свой долгий век, не видя ни роскоши ни могущества, ни богатства, ты, самая красивая из царевен. А в это время твои сестры прославятся через своих мужей. Их ждет богатство и могущество.

- Ах, правду ты говоришь, мальчик Луч, - произнесла Лыдинка, - истинную правду. - И она печально поникла своей прекрасной головкой.

Мальчик Луч долго молча смотрел на нее. По лицу его промелькнула лукавая улыбка.

- Не тужи, красавица Лыдинка! - произнес он самым ласковым голосом. - Я не даром проник в твой терем. Я прилетел сюда с целью посватать тебя за такого знатного жениха, такого богатого, что твои сестры лопнут от зависти, узнав про это. Хочешь быть женою самого короля Солнца, моего господина?

Царевна Лыдинка даже замерла от ужаса, услыша это. Она долго не могла произнести ни слова, а когда заговорила снова, то голос ее дрожал от волнения и страха.

- Нет, нет. Король Солнце наш враг. Не даром мой отец, царь Холод, всячески скрывает всех нас от него. Солнце только и ищет случая погубить нас, - заключила она с трепетом.

- И ты веришь этому, маленькая царевна? - звонко рассмеялся Луч. - Все это вздор: король Солнце лучший из царей вселенной. Он заботлив и ласков, как нежная мать. Если царь Холод не хотел, чтобы вы познакомились с ним, так это оттого только, чтобы ты и сестры твои не увидели, что сам он, могущественный ваш повелитель и отец, куда слабее великого короля Солнца...

- Так вот оно что! - задумчиво произнесла царевна. - А я думала... Отчего же он воюет с батюшкой? - внезапно высказала она мелькнувшую мысль.

- Отчего? А вот сейчас узнаешь!.. - звонко рассмеялся солнечный Луч. - Король Солнце любит тебя и хочет взять тебя за себя замуж, а батюшка твой против этого. Ему не выгодно, чтобы его зять был знатнее его.

- Понимаю теперь, - проговорила тихо принцесса, - все понимаю... А если я и впрямь выйду за Солнце, он нашьет мне таких же уборов и нарядов, какие Мороз сделает сестрице Стуже?

- Во сто раз краше и богаче нарядит тебя мой король, царевна! - уверенно произнес мальчик Луч.

- Ну, тогда я готова быть женою твоего короля, - весело проговорила Лыдинка. - Воображаю, как позавидуют мне сестры и сам батюшка-царь, когда увидят меня самой богатой и знатной королевой в мире!

И царевна Лыдинка гордо выпрямилась и кинула на мальчика Луча такой взгляд, точно она была уже его царицей, а он ее поданным.

- Вот и отлично, ваше высочество, моя будущая королева, - с низким поклоном произнес Луч. - Я так и думал, что вы самая умная царевна в мире и скоро поймете тех, кто искренне желает вам добра, - с тонкою улыбкою добавил он. - А теперь не угодно ли вам пожаловать за мною?

- Куда? - испуганно произнесла царевна.

- В царство короля Солнца, моего повелителя! - с новым поклоном произнес Луч.

Царевне Льдинке очень понравилось такое почтительное обращение. Она любила лесть.

Мальчик Луч ударил в ладоши, и вмиг легкая колесница цвета утренней зари, сплетенная из лепестков роз, появилась перед нею. Две исполинские мохнатые пчелки везли ее.

- Садитесь скорее, царевна, - торопил ее мальчик Луч, в одну минуту занимая место на козлах, - а то наши кони, дети солнечных дней, замерзнут в вашем холодном царстве.

Льдинка не заставила себя приглашать вторично. Знатность могущество и богатство, которые улыбались ей в самом недалеком будущем, заставили ее весело и легко впрыгнуть в розовый экипаж и они понеслись.

Измученная стража ледяного дворца царя Холода со страхом увидела пронесшуюся мимо нее царевну, но пока успела поднять тревогу. Льдинка с

Лучом были уже далеко. Им навстречу попалась бабушка Пурга, с головы до ног закутанная в свое белое покрывало.

Она грозила клюкой, стараясь преградить путь царевне, и кричала:

- Берегись, царевна, не слушай льстивых речей! Будь покорна отцу. Вернись! Вернись!

Но Луч только со смехом заглянул в лицо старухи, и та с громким проклятием со всех ног понеслась в горы.

Между тем белые ледники и сугробы исчезли. Теплом и ароматом пахнуло на царевну. Перед ней показался роскошный сад.

Там прогуливались феи, воздушные и нежные, как сон. Их длинные волосы отливали золотом, алые уста улыбались; их легкие платья, сотканые из лепестков роз и лилий, были самых нежных оттенков. Легкие и воздушные, они носились, танцуя в воздухе чуть шурша своими легкими крыльями, казавшимися серебряными в блеске майского дня.

В один миг, увидя царевну, появившуюся среди них, они залепетали звонкими, как свирель, тоненькими голосками:

1-я фея: Какая хорошенькая девочка!

2-я фея: Совсем не хорошенькая! Закуталась в такую жару и выглядит кусочком снега!

3-я фея: У нее глаза, как синее озеро!

4-я фея: Наши разноцветные глазки выглядят куда лучше!

5-я фея: Она никуда не годится. Она ничто в сравнении с нами по красоте!

6-я фея: Она тяжела и неуклюжа и не может кружиться в воздухе, как мы.

7-я фея: Просто ледяная сосулька, которой нет места в нашем чудесном царстве.

8-я фея: Уродливая сосулька, и больше ничего.

И затем все феи вместе закричали:

- Сосулька! Сосулька! Сосулька!

Бедной царевне Льдинке хотелось заплакать от горя и обиды. Но ее синие глаза не знали слез. Ее сердце только заглодело еще больше. Оно до краев наполнилось теперь гордым презрением к маленьким феям за их недоброе отношение к ней. И она гордо и громко произнесла:

- Ага, вы смеетесь теперь надо мною, я кажусь вам гадкой и смешной, но когда я буду вашей повелительницей, женою короля Солнца, вы будете низко кланяться мне и все во мне найдете прекрасным.

И как будто уже предвкушая свою победу над насмешницами-феями, царевна Льдинка гордо прошла перед ними, отдавая их холодом с головы до ног.

- Ах, противная сосулька, что она говорит? - вскричали нежные феи и угрожающе подступили к царевне Льдинке, размахивая перед самым ее лицом своими крылышками.

Вдруг смутный гул пронесся по светлому царству. Тысячи разноцветных мотыльков заметались в разные стороны. Стая жаворонков поднялась в голубом воздухе и запела хором.

Ах, что это была за песнь!

Такой песни царевна Льдинка в жизни не слышала в своих нагорных ледниках. Сестра Вьюга пела хуже, во сто раз хуже звонких жаворонков.

Мальчики Лучи появились в огромном количестве и стали двумя рядами на пышной цветочной поляне.

- Король Солнце идет! Король Солнце идет! - зашептали веселые феи и стали охорашиваться в ожидании своего молодого повелителя.

И вдруг все разом чудесно засияло в светлом царстве. Царевна Льдинка даже зажмурилась невольно. Столько блеска и света было кругом, что глазам становилось больно.

Неожиданно появился на золотой колеснице златокудрый юноша такой красоты, какой еще не видывала Льдинка. И весь он сиял; сияли даже его волосы, глаза и одежда. На пышных кудрях лежала золотая корона, от которой и происходило сияние, больно резавшее глаза. Целая свита мальчиков Лучей толпилась вокруг.

Все феи при виде короля упали на колени. Одна царевна Льдинка гордо

выступила вперед. Окинув надменным взором толпу фей, она смело посмотрела на красавца короля и сказала:

- Глупые, маленькие, ничтожные дочери воздуха посмели смеяться надо мной, могучей царевной, их будущей повелительницей. Накажи их, король Солнце, накажи тотчас!

Король нежно поднял глаза на царевну.

- Вот сейчас увидите! Вот сейчас увидите! - произнесла торжествующая Льдинка, обращаясь к феям. - Я невеста короля Солнца, и вы должны поклониться мне, как вашей повелительнице-королеве.

Она хотела еще прибавить что-то и вдруг остановилась.

Целый сноп лучей вырвался из золотых очей короля Солнца. Раскаленными иглами впились они в лицо Льдинки.

Из груди ее вырвался громкий крик, ноги подкосились, глаза закрылись, и она упала навзничь, бледная как смерть.

И под жгучим взглядом короля Солнца Льдинка быстро таяла, таяла...

На горах, в ледниках старый царь Холод рыдал в отчаянии узнав про гибель дочери. Стужа и Вьюга вторили ему, оплакивая красавицу сестричку.

А Льдинка растаяла, умерла совсем, умерла, сожженная Солнцем, его золотыми глазами.

От нее не осталось уже следа, когда король Солнце приказал насмешницам-феям:

- Сплетайте хороводы и пойте песни. Я отправляюсь воевать с царем

Холодом и вскоре надеюсь торжествовать победу над моим врагом.

И феи с веселыми песнями полетели в разные стороны с радостной вестью, а люди счастливыми улыбками встретили благую весть о приближении Солнца, их любимого, светлого короля...

Самуил Яковлевич Маршак. Двенадцать месяцев

http://lib.ru/POEZIQ/MARSHAK/p_dwenadcatxmes.txt

- [Главная](#)
- [Мультфильмы](#)
- [Для детей](#)
- Двенадцать месяцев (1956) смотреть онлайн

Двенадцать месяцев (1956)

Двенадцать месяцев (1956) смотреть онлайн

Н. П. Вагнер

Великое

Жил-был маленький мальчик, принц Гайдар, сын великого царя Аргелана, и этот маленький принц непременно хотел быть большим.

Он жил в большом дворце, в высоких комнатах, но ему казались они низкими. "Почему, - думал он, - комнаты строят только до потолка? Их нужно было бы строить выше потолка. Прямо до неба". Когда за обедом или ужином подавали большую рыбу, то он думал: "Почему же она большая?! Если бы она не уместилась в эту залу, то она действительно была бы большая... Вот кит! Его скорее можно назвать большой рыбой, хотя кит вовсе не рыба... Он плавает в большом море-океане!"

Когда его возили по морю и говорили ему: "Видишь, какое оно большое, его берегов не видно", - то он думал: "Да. Оно кажется вам большим потому, что его берегов не видно. А если бы они были видны, то и море было бы для вас небольшое". Когда он бывал на высоких горах, то смотрел на небо и все думал: "Ах! можно бы было их сделать еще выше... выше... выше - до самого неба".

Наконец, хотя не скоро, его желание исполнилось: он сделался большим; он вырос выше

всех людей, которых он знал, но и этого ему было мало.

- Что же, - говорили ему, - ты хочешь быть великаном и показывать себя за деньги?
- Да, - говорил он, - я хотел бы быть великаном, но не таким, как вы думаете. Я вижу звезды, и мне хочется дорасти до них, чтобы они были перед моими глазами... и не только эти звезды, но и все другие солнца, чтобы они светили мне в глаза и от этого света я сделался бы таким большим, что меня нельзя было бы смерить никакой мерой. Понимаете ли вы? Я боюсь всяких мер, весов и стадий, и вот почему я желал бы вырасти настолько, чтобы они не могли меня нигде достать и... смерить. Когда исполнилось ему совершеннолетие, то отец его, царь Аргелан, сказал ему: - Ну, Гайдар, теперь ты большой, и надо тебе выбрать невесту. Возьми свиту и ступай в царство Коромандельское, к царю Баджрахану. У него дочь, царевна Гудана, - красавица. И пошел Гайдар со свитой в царство Коромандельское. Увидел Гайдар Гудану и изумился. Такой красавицы он еще никогда не видывал.

И стал Гайдар разбирать и судить: где и в чем у Гуданы красота сидит? Думал, думал, ничего не решил. Пришел он к Гудане, встал перед ней на колени и говорит ей: - Царевна прекрасная!.. Я без ума от твоего дивного образа, и думаю я: чем этот образ мне нравится? Глаза твои небольшие, но если бы они были больше, если бы они были громадные, то они были бы уродливы и безобразны. И лоб, и нос, и рот твой - все небольшое, но все мне нравится; и больше всего мне нравится взгляд твой открытый, глубокий и ласковый. Царевна Гудана! Красавица из всех красавиц! Если бы ты согласилась выйти за меня замуж, то я был бы без меры счастлив. - Царевич Гайдар! - отвечает ему Гудана, - без меры может быть только великое. И тебе лишь кажется, что ты можешь быть счастлив без меры. Если же ты действительно хочешь быть счастливым, то узнай, что такое есть "великое", и тогда приходи ко мне и будешь женихом моим. Иди, ходи по свету белому! Ищи великого, ибо к нему постоянно стремилось и стремится сердце твое.

И пошел царевич Гайдар, пошел один, без свиты своей, пошел искать по всему свету "великого".

"Великое, - думал он, - скрыто в истине. Кто познал ее, тот познал великое, и сердце его не мучится, не трепещет, не боится ничего, а радуется". И пошел он к мудрецам земным. Их же много по белу свету рассеяно, и все они ищут истину. Исходил он много всяких мер земных, исходил много всяких земель. И видел, и говорил со всякими мудрецами, но не могли мудрецы указать ему великое. Говорили они о мириадах миров небесных, о беспредельности всего мироздания, всей вселенной, но в этой беспредельности он видел только предел земной мудрости и не нашел он в ней "великого"...

Один раз идет он по дороге, которая ведет в небольшую деревушку, и видит: стоит на этой дороге седой дервиш, старый-престарый; и смотрит он на толпу детей, которые весело играют на лужайке. Подошел Гайдар к дервишу и стал смотреть на ту же толпу и при этом подумал: "На что же он смотрит? На малых ребят?!" И спросил Гайдар дервиша: на что он смотрит так пристально? - На великое, - отвечал дервиш. - Великое скрыто в малом. В малом лежит великое сердце, которое может любить и любовью все победить.

Усмехнулся Гайдар и отошел от дервиша.

"Это сумасшедший, - подумал он. - Я слышал от земных мудрецов, что дети любят только себя самих, а как они любят, это нельзя смерить никакой меркой". И пошел он дальше, в ту самую деревушку, куда вела дорога. В деревушке, на краю ее, была небольшая хижинка, и около этой хижинки сидела женщина, а около нее была целая дюжина ребят. Старшей девочке было лет 12 - 13. Младшего, годовалого младенца держала женщина на руках. Мальчик был болен, умирал и, бледный, задыхающийся, лежал на ее руках. Женщина тихо плакала... Гайдар подошел к ней и спросил:

- Что, он болен?

- Болен, - сказала женщина, - умирает. - И она вытерла глаза свои платком, которым была обвязана голова ее.

- Это сын твой? - спросил Гайдар.

- Сын.

- А это, кругом тебя, твои дети?

- Мои.

И все дети молча, серьезно, потупившись, толпились около нее. - Чего же ты плачешь? - спросил Гайдар. - Смотри сколько у тебя детей... И тебе жаль одного...

- Если бы их и было не столько, а в десять раз столько, - сказала строго женщина, - если бы их было так много, как песку морского... все равно мне было бы жаль потерять хоть одного из них, ибо я любила бы всех их. И при этих словах дети прижались к матери, а

она еще сильнее заплакала. И отошел от нее Гайдар, а отходя подумал: "Нельзя смерить эту любовь никакими мерами. Не в ней ли лежит "великое"? И задумался Гайдар и не заметил, как подошел к большой высокой горе, а у подошвы ее росли большие деревья, и под одним деревом лежал человек, а другой сидел, наклонясь над ним. Гайдар устал и невольно, не замечая, опустился на землю и сел подле человека.

- Что, он болен? - спросил Гайдар человека. Но человек ничего не ответил ему. Он растирал грудь у того человека, который лежал и тихо, жалобно стонал.

- Это брат твой? - снова спросил Гайдар. Человек обернулся к нему. Строго, пристально посмотрел на него и тихо вразумительно проговорил:

- Все мы братья... У всех у нас один отец... - И он снова начал растирать грудь больному человеку. Больной стонал тише и тише. Он засыпал. Растиравший тихо отнял руку от его груди, медленно повернулся к Гайдару и, приставив палец к губам, тихо, чуть слышно прошептал:

- Он уснул! И да будет мир над тобой, брат мой! Он сидел несколько минут молча, опустив голову. Гайдар смотрел на его худое, потемневшее лицо, с большими задумчивыми глазами, на его изношенную, изорванную одежду, на его бедную, заплатанную чалму и думал: "Он, наверное, беден и несчастен". И он тихо вынул из пояса кошелек и так же тихо положил его на руки своего собеседника. Но он отстранил его руку и сказал:

- Я не нуждаюсь!.. Отдай твое золото тому, кто не вкусил от даров нищеты и бедности... и кто думает купить на него продажные земные блага...

- Ты, верно, из одной деревни с этим больным? - спросил Гайдар.
- Нет, он из Иудеи, а я - самарянин. Меня зовут Рабель бен-Ад, а его Самуилом из Хазрана.

Потом, помолчав немного, он пристально посмотрел на Гайдара своими черными глубокими глазами, и Гайдару показалось, что в этих глазах блестит тот же огонь, который он видел в глазах детей, игравших на лугу. И тот же самый блеск он видел в глазах женщины-матери, державшей на руках умирающего ребенка - ее сына. Рабель нагнулся к Гайдару и начал говорить ему тихо, поминутно оглядываясь на спящего Самуила.

- Лет пятнадцать тому назад, когда была, как и теперь, вражда между самарянами и иудеями, он пришел как вождь, с целым легионом наемных людей; он сжег нашу деревню, а отца и мать мою увел в плен.

- Что же ты ему сделал за это?! - вскричал в ужасе и негодовании Гайдар.
- Постой, - сказал тихо Рабель, - выслушай и потом суди, если имеешь право судить. Мне тогда было 17 лет... Я был молод. Кровь кипела во мне... Мне хотелось отмстить... Но у меня была сестра Агария, которую я любил больше отца и матери и больше всего на свете. Она была добра и красива. Ей было 12 лет. Когда Самуил напал на нашу деревню, я убежал с ней в горы Гаразимские и там скрывался в пещерах. Когда же через три дня я вернулся в нашу деревню, то не нашел ее. От нее остались одни развалины. Все было разорено и сожжено иудеями. Я взял сестру и снова увел ее в горы. Мы были прежде богаты, и у нас ничего не осталось. Мы питались подаянием от добрых людей. Ходили из селения в селение и собирали милостыню. Отца и мать мою увели и продали моавитам, и они умерли в плену. Так прошло года два или три. Один раз ночью на пещеру, в которой мы скрывались вместе с двумя другими семьями самарян, напали разбойники. Они вырезали почти всех, за исключением меня и Агарию, которую увели в плен и продали, как я потом узнал, Самуилу в невольницы. Тогда я дал клятву Богу всемогущему отмстить, отмстить за отца и за мать, за бедную сестру мою. Я стал издали скрытно следить за Самуилом. Много раз я видел, как он выходил из своего дома, но он выходил всегда окруженный свитой и своими друзьями, приятелями, и мысль, что мне могут помешать, что меня схватят и казнят, эта мысль останавливала меня. Прошло немного времени. Один раз ночью, когда вся кровь волновалась во мне жаждой

мщения и я не знал, где найти место вражде моей, я вышел за город. Ночь была душная, но ясная. Полная луна ярко освещала все предметы. Я, не помня и не замечая как, спустился в один из оврагов. На дне его лежал труп женщины, и при свете луны я узнал, что это был труп моей дорогой сестры, моей Агарии. Большая рана была в груди ее, прямо против сердца. Рана смертельная... Я лишился чувств и когда пришел в себя, то снова повторил страшную клятву об отмщении врагу моему. Я прочитал ее над трупом моей дорогой Агарии. Я омочил руку в крови ее и поднял ее к небу в знак того, что кровью моей дорогой сестры я клянусь исполнить клятву мою. Рабель замолчал и на одну минуту закрыл лицо руками, как бы подавленный невыносимо жестокими воспоминаниями. Потом резко отнял руки и снова быстро заговорил: - Ее убил Самуил. Это была последняя капля горечи, влитая в мою истерзанную душу. Я тогда жил одной мыслью отмстить... Мне казалось, что убить его будет мало, мало за все выстраданное моим бедным сердцем. С восходом солнца я просыпался с этой мыслью, она не расставалась со мной целый день. Я придумывал тысячи планов, как бы отплатить ему самым жестоким образом. У него не было ни отца, ни матери. Он был круглый сирота. Он был страшно богат и не любил никого... Я тогда не знал, что истинное сокровище скрыто в любви и что, не имея ее, он был беднее всякого нищего и беднее, о! гораздо беднее меня... Так прошло еще несколько лет. Один раз я потерял его из виду. Он уехал, но куда, я не знал и тогда... (при этом Рабель схватил руку Гайдара и крепко сжал ее) и тогда я узнал такие мучения, каких я не испытал во всю мою жизнь. Я желал смерти, я искал смерти. Несколько раз я порывался убить себя... Но меня останавливала страшная, данная мною клятва. Я думал, что для клятвопреступников нет прощения... Что же, думал я, ожидает меня за гробом? Гнев Господа и новые, более сильные мучения. А между тем мне постоянно мерещились тени отца моего, и матери моей, и моей милой и дорогой Агарии. Я видел их бледными, грустными и кивающими мне головами. Я видел их страшные кровавые раны, видел и днем и ночью, и мучился, и страдал невыносимо... Тут голос его снова прервался... Он говорил с трудом, задыхался и, наконец, совсем остановился, помолчал несколько минут и затем снова начал тихим шепотом: - Нет тяжелее страдания для человека, как стремиться отомстить и изнывать в бессилии... - Он помолчал и снова продолжал рассказ: - Все это прошло, давно прошло... все забылось... и за это я буду вечно благодарить Бога, если Он даст мне жизнь вечную. И еще больше, еще сильнее буду благодарить Его за то, что Он всю мою злобу, всю жажду мщения истребил и превратил в доброе великое чувство. Прошло много лет. И он, Самуил, снова возвратился... Я купил хороший нож. Я сам отточил его и не расставался с ним ни днем, ни ночью. Я почти не спал, и есть мне не хотелось. Днем и ночью я бродил около его дома. Но он был заперт, и Самуил никуда не выходил. На четвертый или на пятый день, не помню, я вышел на улицу поздно вечером, смотрю, впереди меня идет он. Я сразу узнал его по его широкому плащу, его абу - белому с красными полосами. Такие плащи продаются только в Дамаске. Он тихо шел и хромал, опираясь на высокий посох. Я ускорил шаг и опередил его. Луна светила прямо на его лицо, и я узнал его. Кровь бросилась мне в голову. Еще одно мгновенье, и я кинулся бы на него, но я переждал это мгновенье. Одно соображение быстро мелькнуло в моей голове. Он идет за город, в пустынное место. Он будет, может быть, около того оврага, в который он уложил труп моей бедной Агарии. Я пропустил его и тихо пошел за ним. Кровь моя клокотала. Адская злоба и радость кипели в моем сердце. Он шел тихо, почти поминутно останавливаясь и издавая тихие, жалобные стоны. Он, очевидно, был болен, страдал. Наконец мы вышли за город. Он прямо подошел к тому оврагу, в котором я нашел труп Агарии. Он опустился на краю его и со стоном припал лицом к земле. Он был теперь в моей власти. Я вынул мой нож. Я мог убить его безнаказанно и столкнуть в овраг. Где-то в глубине моей души раздалось: ты убьешь беззащитного. Но разве отец, мать моя и моя бедная, дорогая Агария не были также беззащитными? Я, как безумец, в ярости взмахнул ножом над его спиной... Но в то же самое мгновенье кто-то остановил мою руку. Я обернулся. Позади меня никого

не было. а в ушах моих громко и ясно раздались слова: "Мне отмщение и Аз воздам". В глазах у меня потемнело. Точно какой-то белый туман заволок их. И когда этот туман рассеялся, то я увидел, что стою далеко от оврага и весь дрожу. И вдруг я вижу, что Самуил, тихо стелая, поднялся и, шатаясь, подошел или скорее подбежал ко мне. Он раскрыл передо мной грудь свою, и на этой груди была громадная кровавая язва. - Кто бы ты ни был, - вскричал он, - сжался надо мной - убей меня! - И он повалился мне в ноги. - Убей меня, потому что жизнь моя - одно непрерывное мученье. Я сам бы убил себя, но мне страшны мученья за гробом, вечные мученья самоубийцы. Я совершил ужасный грех. Я сжег и разорил целое селение самаритян, Я продал в плен отца и мать одного из них по имени Рабель бен-Ад; я увел у него его сестру Агарию, обесчестил и ее. Я совершил много злодеяний. Если бы я знал, где живет Рабель, я пришел бы к нему, и он, наверно, убил бы меня. В эту минуту мне ужасно хотелось сказать ему: Рабель перед тобою, но я удержался. "Нет! - сказал я сам себе, - я откроюсь ему тогда, когда жизнь ему будет дорога, а не будет мучением". И с этой минуты мы стали неразлучны. Теперь прошло уже три года. Три года я, Рабель, постоянный свидетель невыносимых страданий, соединенных с ужасными мучениями совести. Один раз Самуил не спал целых три ночи сряду. Постоянная мучительная боль во всех костях не давала ему покоя ни минуты, и я тогда подумал: "Можно ли страдать еще больше, и недостаточно ли я отмщен? Отец, мать и сестра моя перестали страдать, а он, этот несчастный злодей, мучится и днем и ночью, мучится не переставая". И вспомнил я, что сказал Тот, кто остановил мою отмщающую руку: "Мне отмщение и Аз воздам".

И понял я, что никакие нож, и меч, и огонь не накажут и не отмстят так, как отмстил за меня Тот, кто управляет звездами и движет морями. В эти три года ненависть моя мало-помалу исчезла. Сначала, когда я слушал стоны Самуила, каждый стон и каждое его слово волновали мое сердце и оно просило его крови. Но когда он лежал беспомощно на моей груди, измученный и разбитый болью, когда он засыпал на этой груди, обессиленный страданьем, то чувство ненависти во мне смягчалось, стихало - и я чувствовал только одно сострадание. Я жаждал так же, как и он, прекращения этих страданий... Но иногда мне приходила в голову злобная мысль: открыться ему, сказать ему: "Я Рабель бен-Ад; я тот, у которого ты убил отца, мать и сестру. Ты уничтожил мой дом, разорил его, ты лишил меня всего, всего, что дорого человеку, и вот видишь, я ухаживаю за тобой, как за моим добрым другом. Я отмстил. Я заплатил тебе добром за зло..." Но такое признание могло увеличить его страдания, к мучениям совести прибавилось бы еще одно ужаснейшее мученье, а между тем и тех, от которых он страдал, было довольно, слишком довольно. Зачем же я буду еще его мучить?.. Вот уже более двух лет он не может жить без меня. Ему становится легче, когда я кладу руку на грудь его и растираю ее. Я давно уж бросил в реку тот нож, которым я хотел убить его. Я давно уже не могу покинуть его... и... мне страшно и стыдно признаться даже самому себе... - и он закрыл лицо руками и прошептал тихо, так тихо, что Гайдар едва расслышал его слова: - Я... я... люблю его... И из-под пальцев, прижатых к глазам, покатались слезы. Гайдар смотрел на его тяжело подымавшуюся грудь, и ему ясно казалось, что в этой груди бьется "великое", человеческое сердце.

Он тихо, задумчиво встал с земли и пошел прямо, прямо к той высокой горе, которая поднималась перед ним. Подъем был крутой, но ему казалось, что там, на этой высокой горе, он найдет "великое".

"Люди, - думал он, - всходили на эту гору, чтобы молиться, и, может быть, в этой молитве они находили великое!"

И он шел, поднимался, не замечая усталости. Его сердце как будто само поднималось, и ему становилось легко, свободно.

Он вспомнил Гудану, но это воспоминание как-то промелькнуло бесследно в его сердце, как далекая зарница среди жаркого лета. Он вспомнил детей, которых он видал

там, на лугу, и это воспоминание осветило его, и сердце его забилося и как бы расширилось. Он вспомнил о матери, плачущей над ребенком, и его сердце наполнилось состраданием ко всем ее детям, и ко всем детям земли, и ко всем земным страданиям. Наконец, он вспомнил о Рабеле и Самуиле, и его сердце затрепетало свободно и радостно. Оно расширилось. Оно захватило все земное, все сотворенное "Великим" и Его - "Великого".

Но сердце человека не может обхватить и заключить в себе этого "Великого". Сердце Гайдара
разорвалось.

Он упал. Он был на вершине горы. Горный воздух был кругом него. Был простор, была свобода, и ясное, заходящее солнце освещало своими прощальными лучами лицо его, на котором была тихая, бесстрастная улыбка.

Аркадий Гайдар

Горячий камень

Книга: А.Гайдар. Собрание сочинений в трех томах. Том 2

Издательство "Правда", Москва, 1986

OCR & SpellCheck: Zmiy (zpdd@chat.ru), 13 декабря 2001

I

Жил на селе одинокий старик. Был он слаб, плел корзины, подшивал валенки, сторожил от мальчишек колхозный сад и тем зарабатывал свой хлеб.

Он пришел на село давно, издалека, но люди сразу поняли, что этот человек немало хватил горя. Был он хром, не по годам сед. От щеки его через губы пролегал кривой рваный шрам. И поэтому, даже когда он улыбался, лицо его казалось печальным и суровым.

II

Однажды мальчик Ивашка Кудряшкин полез в колхозный сад, чтобы набрать там яблок и тайно насытиться ими до отвала. Но, зацепив штаниной за гвоздь ограды, он свалился в колючий крыжовник, оцарапался, взвыл и тут же был сторожем схвачен.

Конечно, старик мог бы стегануть Ивашку крапивой или, что еще хуже, отвести его в школу и рассказать там, как было дело.

Но старик сжалился над Ивашкой. Руки у Ивашки были в ссадинах, позади, как овечий хвост, висел клочок от штанины, а по красным щекам текли слезы.

Молча вывел старик через калитку и отпустил перепуганного Ивашку восвояси, так и не дав ему ни одного тычка и даже не сказав вдогонку ни одного слова.

III

От стыда и горя Ивашка забрел в лес, заблудился и попал на болото. Наконец он устал. Опустился на торчавший из мха голубой камень, но тотчас же с воплем подскочил, так как ему показалось, что он сел на лесную пчелу и она его через дыру штанов больно ужалила.

Однако никакой пчелы на камне не было. Этот камень был, как уголь, горячий, и на плоской поверхности его проступали закрытые глиной буквы.

Ясно, что камень был волшебный! - это Ивашка смекнул сразу. Он сбросил башмак и торопливо начал оббивать каблуком с надписей глину, чтобы поскорее узнать: что с этого камня может он взять для себя пользы и толку.

И вот он прочел такую надпись:

КТО СНЕСЕТ ЭТОТ КАМЕНЬ НА ГОРУ

**И ТАМ РАЗОБЬЕТ ЕГО НА ЧАСТИ,
ТОТ ВЕРНЕТ СВОЮ МОЛОДОСТЬ
И НАЧНЕТ ЖИТЬ СНАЧАЛА**

Ниже стояла печать, но не простая, круглая, как в сельсовете, и не такая, треугольником, как на талонах в кооперативе, а похитрее: два креста, три хвоста, дырка с палочкой и четыре запятые.

Тут Ивашка Кудряшкин огорчился. Ему было всего восемь лет - девятый. И жить начинать сначала, то есть опять на второй год оставаться в первом классе, ему не хотелось вовсе.

Вот если бы через этот камень, не уча заданных в школе уроков, можно было из первого класса перескакать сразу в третий - это другое дело!

Но всем и давно уже известно, что такого могущества даже у самых волшебных камней никогда не бывает.

IV

Проходя мимо сада, опечаленный Ивашка опять увидел старика, который, кашляя, часто останавливаясь и передыхая, нес ведро извести, а на плече держал палку с мочальной кистью.

Тогда Ивашка, который был по натуре мальчиком добрым, подумал: "Вот идет человек, который очень свободно мог хлестнуть меня крапивой. Но он пожалел меня. Дай-ка теперь я его пожалею и верну ему молодость, чтобы он не кашлял, не хромал и не дышал так тяжело".

Вот с какими хорошими мыслями подошел к старику благородный Ивашка и прямо объяснил ему, в чем дело. Старик сурово поблагодарил Ивашку, но уйти с караула на болото отказался, потому что были еще на свете такие люди, которые, очень просто, могли бы за это время колхозный сад от фруктов очистить.

И старик приказал Ивашке, чтобы тот сам выволок камень из болота в гору. А он потом придет туда ненадолго и чем-нибудь скоренько по камню стукнет.

Очень огорчил Ивашку такой поворот дела.

Но рассердить старика отказом он не решил. На следующее утро, захватив крепкий мешок и холщовые рукавицы, чтобы не обжечь о камень руки, отправился Ивашка на болото.

V

Измазавшись грязью и глиной, с трудам вытянул Ивашка камень из болота и, высунув язык, лег у подножия горы на сухую траву.

"Вот! - думал он. - Теперь вкачу я камень на гору, придет хромой старик, разобьет камень, помолодеет и начнет жить сначала. Люди говорят, что хватил он немало горя. Он стар, одинок, избит, изранен и счастливой жизни, конечно, никогда не видел. А другие люди ее видели". На что он, Ивашка, молод, а и то уже три раза он такую жизнь видел. Это - когда он опаздывал на урок и совсем незнакомый шофер подвез его на блестящей легковой машине от конюшни колхозной до самой школы. Это - когда весной голыми руками он поймал в канаве большую щуку. И, наконец, когда дядя Митрофан взял его с собой в город на веселый праздник Первое мая.

"Так пусть же и несчастный старик хорошую жизнь увидит", - великодушно решил Ивашка.

Он встал и терпеливо потянул камень в гору.

VI

И вот перед закатом к измученному и продрогшему Ивашке, который, съездившись, сушил грязную, промокшую одежду возле горячего камня, пришел на гору старик.

- Что же ты, дедушка, не принес ни молотка, ни топора, ни лома? - вскричал удивленный Ивашка. - Или ты надеешься разбить камень рукою?

- Нет, Ивашка, - отвечал старик, - я не надеюсь разбить его рукой. Я совсем не буду разбивать камень, потому что я не хочу начинать жить сначала.

Тут старик подошел к измученному Ивашке, погладил его по голове. Ивашка почувствовал, что тяжелая ладонь старика вздрагивает.

- Ты, конечно, думал, что я стар, хром, уродлив и несчастен, - говорил старик Ивашке - А на самом деле я самый счастливый человек на свете.

Ударом бревна мне переломило ногу, - но это тогда, когда мы - еще неумело - валили заборы и строили баррикады, поднимали восстание против царя, которого ты видел только на картинке.

Мне вышибли зубы, - но это тогда, когда, брошенные в тюрьмы, мы дружно пели революционные песни. Шашкой в бою мне рассекли лицо, - но это тогда, когда первые народные полки уже били и громили белую вражескую армию.

На соломе, в низком холодном бараке метался я в бреду, больной тифом. И грозней смерти звучали надо мной слова о том, что наша страна в кольце и вражья сила нас одолевает. Но, очнувшись вместе с первым лучом вновь сверкнувшего солнца, узнавал я, что враг опять разбит и что мы опять наступаем.

И, счастливые, с койки на койку протягивали мы друг другу костлявые руки и робко мечтали тогда о том, что пусть хоть не при нас, а после нас наша страна будет такой вот, как она сейчас, - могучей и великой. Это ли еще, глупый Ивашка, не счастье?! И на что мне иная жизнь? Другая молодость? Когда и моя прошла трудно, но ясно и честно!

Тут старик замолчал, достал трубку и закурил.

- Да, дедушка! - тихо сказал тогда Ивашка. - Но раз так, - то зачем же

я старался и тащил этот камень в гору, когда он очень спокойно мог бы лежать на своем болоте?

- Пусть лежит на виду, - сказал старик, - и ты посмотришь, Ивашка, что из этого будет.

VII

С тех пор прошло много лет, но камень тот тал и лежит на той горе неразбитым.

И много около него народу побывало. Подойдут, посмотрят, подумают, качнут головой и идут восвояси.

Был на той горе и я однажды. Что-то у меня была беспокойна совесть, плохое настроение. "А что, - думаю, - дай-ка я по камню стукну и начну жить сначала!"

Однако постоял-постоял и вовремя одумался.

"Э-э! - думаю, скажут, увидав меня помолодевшим, соседи. - Вот идет молодой дурак! Не сумел он, видно, одну жизнь прожить так, как надо, не разглядел своего счастья и теперь хочет то же начинать сначала".

Скрутил я тогда табачную сигарку. Прикурил, чтобы не тратить спичек, от горячего камня И пошел прочь - своей дорогой.

1941

ПРИМЕЧАНИЯ

Аркадий Гайдар был уже на фронте, когда в журнале "Мурзилка" за 1941 год, No 8, 9, появилась его сказка "Горячий камень". Он написал ее в апреле этого же года незадолго до начала Великой Отечественной войны.

Бывший редактор журнала В.И.Семенов вспоминает, как Аркадий Гайдар впервые читал ему эту сказку.

"В чтении его не было ни пафоса, ни декламации. Иногда он делал паузы, которые давали возможность пережить происходящее... Казалось, он не читал, а рассказывал о действительно случившемся и очень-очень для всех нас важном".

В.И.Семенов прав. За доброй усмешкой писателя над своим рассказом и над самой формой сказки - ну подумайте, какая это волшебная печать: "два креста, три хвоста, дырка с палочкой и четыре запятыя"! - за всем этим лежит простая и вместе с тем очень важная мысль: жизнь дается человеку один раз, ее нужно прожить достойно, ее нельзя будет потом "переписать набело".

Обращаясь в сказке к маленьким читателям, Аркадий Гайдар говорит сокровенное о себе самом:

"И на что мне иная жизнь? Другая молодость? Когда и моя прошла трудно, но ясно и честно!"

Вера Васильевна Чаплина

Память зверя

Однажды к нам в Зоопарк привезли гепарда. До этого я ни разу не видела гепардов, а только читала о них в книгах... Читала, что это ловкий, красивый хищник. Что он хорошо привыкает к человеку и что его даже учат охотиться.

Когда транспортный ящик приставили к клетке и открыли дверцу, оттуда вышел пятнистый, похожий на леопарда, зверь. Впрочем, это было только первое впечатление. Приглядевшись, можно было увидеть его тонкие, стройные, как у борзой собаки, ноги и такое же стройное туловище.

Гепард вышел не спеша и сразу подошёл к поёнке. Долго и жадно лакал воду, потом, не притронувшись к мясу, не обнюхав новое помещение, улёгся в самый дальний угол клетки. Мне показалось это странным. Обычно зверь прежде всего знакомится с новым местом, а этот сразу лёг. Уж не болен ли он? К сожалению, мои опасения оказались не напрасны. Когда, утром пришёл служитель, гепард продолжал лежать на прежнем месте, а мясо так и осталось несъеденным.

Пришлось вызвать врача. Врач в Зоопарке был старый и опытный. Много разных зверей прошло через его руки, многих вылечил он. А ведь лечить дикого зверя совсем не легко. Вот и сейчас надо осмотреть гепарда, послушать его, а он лежит и даже не приподнимается. Однако по тому, как тяжело и порывисто вздымались бока зверя, врач предполагал, что он простудился в дороге и у него воспаление лёгких.

Надо было срочно дать больному лекарство, но и это оказалось не просто. Пищу зверь не принимал, а когда ему подмешали лекарство в воду, не стал и пить.

Гепард слабел с каждым днём. Глаза у него ввалились, шерсть взъерошилась, а когда он вставал, то было видно, как от слабости дрожали его лапы.

Около больного зверя дежурили круглые сутки. На ночь ставили к решётке электрический обогреватель, чтобы согреть зверя, и по многу раз предлагали ему то еду, то питьё. Воду гепард пил, а от еды продолжал отказываться. Такая продолжительная голодовка беспокоила и нас — работников секции и, конечно, врача.

— Надо что-то предпринять, — сказал однажды он. — Зверь погибнет, если его не накормить.

Накормить! Легко сказать — накормить больного зверя! Уж кто-кто, а я-то хорошо знала, как это трудно. Попробуйте что-нибудь дать, если он не только не ест, но даже не встаёт. А когда ему подносили мясо к самой пасти, отворачивался и всё равно не ел.

Мне было очень жаль гепарда. Ведь действительно, если не принять какие-то меры, он может погибнуть. И тут мне пришла в голову мысль: а что, если просто войти в клетку и попробовать его покормить из рук. Когда я поделилась своими мыслями с врачом, он только замахал руками:

— Что вы, что вы, разве можно так рисковать!

Напрасно я убеждала, что риска никакого нет. Да и какой риск, если гепард так ослаб, что еле держится на ногах. И вообще, по всему его поведению видно, что он совсем не дикий и не злобный. К тому же я совсем не собиралась заходить к нему, не предохранив себя от возможной опасности.

Однако все мои доводы оказались напрасны. Зайти в клетку больного зверя мне не позволили. Тогда я решила действовать самостоятельно — ведь, в конце концов, я была заведующей секцией и могла поступить так, как считала нужным.

Но это совсем не значило, что я действовала опрометчиво. Совсем нет. Прежде всего я позвонила в зооцентр, откуда к нам прибыл гепард. Там я узнала, что он прислан для цирка и у нас находится временно. Значит, я не ошиблась, что зверь почти наверняка ручной. Правда, и ручного хищника, который меняет хозяина, надо прежде узнать, надо с ним познакомиться. Но вот на это «познакомиться» у меня и не было времени. Его заменяло какое-то внутреннее убеждение, что зверь меня не тронет.

Этому внутреннему чувству я очень верила. И нужно сказать, что за многие годы работы со зверями оно меня ни разу не обмануло. И всё-таки, когда наконец все ушли, я, прежде чем войти в клетку к гепарду, сделала некоторые приготовления. Просунула в клетку шланг и положила его так, чтобы в нужный момент он оказался под руками. Потом пустила небольшую струю воды и, направив её в сторону стока, вошла в клетку.

Гепард повернул в мою сторону голову, но не попытался встать. Он даже не приподнялся, когда я подошла к нему вплотную. Присев рядом, я ровным, спокойным движением взяла из миски кусочек мяса и поднесла к самой морде зверя. Гепард чуть-чуть оскалил зубы и отвернулся. Однако по тому, как он это сделал, я поняла, что он не злится, а просит оставить его в покое. Но оставить его в покое было нельзя. Так же спокойно я предложила ему опять мясо, теперь уже с яйцом, потом просто яйцо, потом мясо с молоком. Гепард от всего отказался и только в одном случае провёл языком по моей руке, случайно смоченной молоком.

Уловив это движение, я тут же обмакнула в молоко руку и поднесла к гепарду, но он понюхал и отвернулся. Ага, догадалась! Значит, он хочет пить не молоко, а воду. Надо этим воспользоваться. Я обмакнула в воде кусочек мяса и предложила его гепарду. На этот раз он не отвернулся. С жадностью стал он слизывать воду и как-то незаметно для себя проглотил этот маленький кусочек мяса. Следующий кусочек я тоже обмакнула в воду, и гепард тоже его съел. Так он проглотил их несколько, потом тяжело вздохнул, устало опустил голову на лапы и закрыл глаза. Осторожно, но уверенно я положила руку на его голову. Гепард вздрогнул, чуть приоткрыл глаза и закрыл снова. Значит, доверяет. На первый раз достаточно.

Хотя внутри у меня от этой маленькой победы всё пело и ликовало, из клетки я вышла так же сдержанно и спокойно, как и вошла. Зверь, даже ручной, не любит резких и порывистых движений, особенно если человек ему ещё незнаком. Но стоило мне очутиться вне клетки, как уже, не сдерживая своей радости, я помчалась на ветеринарный пункт. Было уже поздно, но я всё же надеялась кого-нибудь там застать.

Я не ошиблась. Наш милый, старый доктор Айболит, ну конечно, он здесь! Здесь, со своим неизменным и таким же старым чемоданчиком. Сколько переработанных часов! Сколько бессонных ночей, проведённых в Зоопарке! Вот и сейчас стрелка часов подошинулась к двенадцати ночи, а Владимир Петрович ещё здесь и, если понадобится, останется до утра.

— Ест! Ест! Ест! — без передышки выпалила я, вбегая в кабинет.

— Кто ест? Что ест? — ворчливо спрашивает доктор.

Он уже привык к таким бурным вторжениям и относится к ним с добродушным спокойствием. Узнав же, что ест гепард, вскочил, зачем-то спрятал, а потом надел очки и поспешил за мной.

Как приятно делиться радостью с человеком, который тебя понимает. Мы стоим около клетки гепарда, и я рассказываю подробно, стараясь не упустить ни одной мелочи. Владимир Петрович слушает внимательно, не перебивая. Все эти маленькие подробности ему нужны. Нужны, чтобы лучше обдумать, как лечить четвероногого пациента. Потом он лезет в чемоданчик, достаёт какие-то порошки и протягивает их мне.

— Надо постараться дать их гепарду не реже трёх раз в день, — говорит он, — Перед этим не поить. Ну, а как давать, знаете?

Знаю ли? Конечно, да. Нужно снять с мяса плёнку, завернуть в неё порошок, а полученную капсулу вложить в кусочек мяса и дать зверю. Не давать перед этим пить — тоже знаю почему. Ведь съел же гепард смоченное водою мясо, ну и опять съест, только уже с лекарством.

Утром я снова вошла в клетку к гепарду. Он встречает меня как знакомую. Не вздрагивает, когда я кладу на его голову руку, осторожно берёт мясо и съедает несколько кусочков. Среди них и тот, с лекарством, которое дал врач. Теперь можно надеяться, что зверь поправится. И действительно, как только гепард начал есть, его глаза вскоре оживились, заблестели. А однажды, когда я зашла в клетку с очередной порцией мяса, он вдруг поднялся со своего места и пошёл мне навстречу.

От такой неожиданности я чуть не выронила миску, но вовремя опомнилась. Показать зверю свою растерянность опасно. Словно ничего не произошло, я присела на корточки и протянула гепарду мясо. Гепард, как и прежде, взял из рук кусочек мяса и потянулся за другим.

Он съел почти всю порцию. Потом облизался и, словно кошка, громко мурлыча, стал тереться о мои ноги. Не скоро ушла я в этот день из клетки, уж очень не хотелось расставаться с ласковым зверем. Он уже улёгся, а я ещё долго сидела рядом и гладила его бока, такие исхудавшие за время болезни.

После этого раза я уже совсем смело заходила в клетку к гепарду. Мне очень нравился этот ласковый, приветливый зверь. Да и он тоже привык ко мне. Бывало, ещё издали увидит меня или услышит мой голос, сразу бросается к решётке. Прижмётся лбом к прутьям и следит за мной — подойду к нему или нет.

Назвали гепарда Люкс. Эту кличку ему дали потому, что так его назвал служитель. Да и гепард на неё откликался.

Когда Люкс окончательно поправился, его решили перевести из клетки в комнату. Особенно на этом настаивал врач. Время было зимнее, а помещение, где находился гепард, посещала публика. Дверь постоянно открывалась, и ослабевший зверь мог заболеть снова.

Поместили гепарда в одну из свободных комнат попугайника. Комната была тесноватая, но зато тёплая и светлая. Ухаживать за Люксом пришлось мне. Перегона в комнате не было, а ко мне он так привык, что я ходила к нему без опаски.

В этой комнате Люкс прожил всю зиму и всю весну. Наступило лето, и вот, когда я уже надеялась, что гепард останется в Зоопарке, за ним вдруг приехали из цирка. Напрасно директор, врач и я уговаривали оставить гепарда в Зоопарке. Никакие наши уговоры не помогли: ручной, ласковый зверь был нужен и дрессировщику.

Тяжело было мне расставаться со своим любимцем, но делать нечего. Еле сдерживая слёзы, я сама посадила гепарда в транспортную клетку. Зверь, очевидно, почувствовал разлуку. Крепко, как никогда, прижался он головою к моим рукам, долго лизал их, потом вскочил и нервно заметался по тесной клетке.

Но вот несколько человек подняли клетку и поставили её на грузовик. Машина как бы предупреждающе фыркнула и медленно тронулась. Она уже скрылась за воротами, а я всё стояла и смотрела ей вслед. Как-то не верилось, что это разлука. Казалось, что обязательно встретимся — ведь бывает же так!

Однако, сколько я потом ни читала афиши цирка, сколько ни была там, надеясь увидеть в выступлениях гепарда, — всё было напрасно.

Прошло четыре года. И вот однажды я узнала, что в Зоопарк привезли для киносъёмки зверей из цирка, и пошла их посмотреть.

Одни животные находились в транспортных клетках, другие были помещены в свободное здание, где зимою находились животные. Около транспортных клеток стояла женщина.

— Что, нашими зверьми интересуетесь? — спросила она, а узнав, что я сотрудница Зоопарка, добавила: — У нас ещё гепард есть, только он после болезни ослеп. Вот и держим его отдельно. В доме сидит. Хотите, покажу?

Гепард! Неужели Люкс? Я быстро вошла в помещение. Там в одной из клеток лежал и ел мясо гепард. До этого мне казалось, что если я увижу Люкса, то обязательно узнаю. А вот теперь стояла и мучительно думала — он это или не он. Видно, за четыре года в моей памяти стёрлось «лицо» зверя, и сколько я ни вглядывалась, вспомнить его не могла.

— Скажите, — наконец обратилась я к служительнице, — его зовут Люкс?

— Каем зовут, — охотно ответила служительница.

Кай! Значит, не он. Я хотела уже отойти, но тут вдруг заметила, что гепард перестал есть и как-то напряжённо прислушивается. Потом нервно и резко мяукнул и замолчал, глядя куда-то мимо меня. Я обернулась. Сзади никого не было.

— Что это он так смотрит? — спросила я.

— Да кто его знает. Слепой, а словно зрячий на вас уставился.

Действительно, слепой зверь определённо «смотрел» на меня. Но почему? Неужели...

— Люкс! Люкс! — позвала я.

Гепард вскочил и бросился к решётке.

— Не Люкс, а Кай, — поправила меня служительница.

Но я уже знаю, что это Люкс, и открываю дверь клетки.

— Осторожно! Что вы... укусит!.. — кричит служительница.

Но я не слушаю. Не успеваю сделать и нескольких шагов, как гепард уже тычется слепой мордой, стараясь нащупать мои руки. Но вот нашёл, прижался всей головой и замер. Молчит изумлённая служительница. Молчу и я. Да и что говорить!

Так через четыре года разлуки, с другой кличкой и ослепший, узнал меня зверь.

http://sheba.spb.ru/lib/nosov_boba.htm - слушать

<http://www.youtube.com/watch?v=YDMbaRV6QXA> -смотреть

Николай Носов

БОБИК В ГОСТЯХ У БАРБОСА

Жил-был пёс Барбоска. У него был друг — кот Васька. Оба они жили у дедушки. Дедушка ходил на работу, Барбоска сторожил дом, а кот Васька мышей ловил.

Однажды дедушка ушёл на работу, кот Васька убежал куда-то гулять, а Барбос дома остался. От нечего делать он залез на подоконник и стал смотреть в окно. Ему было скучно, вот он и зевал по сторонам.

“Дедушке нашему хорошо! — подумал Барбоска. — Ушёл на работу и работает. Ваське тоже неплохо — убежал из дому и гуляет по крышам. А мне вот приходится сидеть, сторожить квартиру”.

В это время по улице бежал Барбоскин приятель Бобик. Они часто встречались во дворе и играли вместе. Барбос увидел приятеля и обрадовался:

— Эй, Бобик, куда бежишь?

— Никуда, — говорит Бобик. — Так, бегу себе просто. А ты чего дома сидишь? Пойдём гулять.

— Мне нельзя, — ответил Барбос, — дедушка велел дом стеречь. Ты лучше ко мне в гости иди.

— А никто не прогонит?

— Нет. Дедушка на работу ушёл. Никого дома нет. Лезь прямо в окно.

Бобик залез в окно и с любопытством стал осматривать комнату.

— Тебе хорошо! — сказал он Барбосу. — Ты в доме живёшь, а вот я живу в конуре. Теснота, понимаешь! И крыша протекает. Неважные условия!

— Да, — ответил Барбос, — у нас квартира хорошая: две комнаты с кухней и ещё ванная. Ходи где хочешь.

— А меня даже в коридор хозяева не пускают! — пожаловался Бобик. — Говорят — я дворовый пёс, поэтому должен жить в конуре. Один раз зашёл в комнату — что было! Закричали, заохали, даже палкой по спине стукнули.

Он почесал лапой за ухом, потом увидел на стене часы с маятником и спрашивает:

— А что это у вас за штука на стенке висит? Всё тик-так да тик-так, а внизу болгается.

— Это часы, — ответил Барбос. — Разве ты часов никогда не видел?

— Нет. А для чего они?

Барбос и сам не знал толком, для чего часы, но всё-таки принялся объяснять:

— Ну, это такая штука, понимаешь... часы... они ходят...

— Как — ходят? — удивился Бобик. — У них ведь ног нету!

— Ну, понимаешь, это только так говорится, что ходят, а на самом деле они просто стучат, а потом начинают бить.

— Ого! Так они ещё и дерутся? — испугался Бобик.

— Да нет! Как они могут драться!

— Так ведь сам сказал — бить!

— Бить — это значит звонить: бом! Бом!

— А, ну так бы и говорил!

Бобик увидел на столе гребешок и спросил:

— А что это у вас за пила?

— Какая пила! Это гребешок.

— А для чего он?

— Эх ты! — сказал Барбос. — Сразу видно, что весь век в конуре прожил. Не знаешь, для чего гребешок? Причёсываться.

— Как это — причёсываться?

Барбос взял гребешок и стал причёсывать у себя на голове шерсть:

— Вот смотри, как надо причёсываться. Подойди к зеркалу и причешись.

Бобик взял гребешок, подошёл к зеркалу и увидел в нём своё отражение.

— Послушай, — закричал он, показывая на зеркало, — там собака какая-то!

— Да это ведь ты сам в зеркале! — засмеялся Барбос.

— Как — я?.. Я ведь здесь, а там другая собака.

Барбос тоже подошёл к зеркалу. Бобик увидел его отражение и закричал:

— Ну вот, теперь их уже двое!

— Да нет! — сказал Барбос. — Это не их двое, а нас двое. Они там, в зеркале, неживые.

— Как — неживые? — закричал Бобик. — Они же ведь двигаются!

— Вот чудак! — ответил Барбос. — Это мы двигаемся. Видишь, там одна собака на меня похожа!

— Верно, похожа! — обрадовался Бобик. — Точь-в-точь как ты!

— А другая собака похожа на тебя.

— Что ты! — ответил Бобик. — Там какая-то противная собака, и лапы у неё кривые.

— Такие же лапы, как у тебя.

— Нет, это ты меня обманываешь! Посадил туда каких-то двух собак и думаешь, я тебе поверю, — сказал Бобик.

Он принялся причёсываться перед зеркалом, потом вдруг как засмеётся:

— Глянь-ка, а этот чудака в зеркале тоже причёсывается! Вот умора!

Барбос только фыркнул и отошёл в сторону. Бобик причёсался, положил гребешок на место и говорит:

— Чудно тут у вас! Часы какие-то, зеркала с собаками, разные финтифлюшки и гребешки.

— У нас ещё телевизор есть! — похвастался Барбос и показал телевизор.

— Для чего это? — спросил Бобик.

— А это такая штука — она всё делает: поёт, играет, даже картины показывает.

— Вот этот ящик?

— Да.

— Ну, уж это враки!

— Честное слово!

— А ну, пусть заиграет!

Барбос включил телевизор. Послышалась музыка. Собаки обрадовались и давай прыгать по комнате. Плясали, плясали, из сил выбились.

— Мне даже есть захотелось, — говорит Бобик.

— Садись за стол, сейчас я тебя угощать буду — предложил Барбос.

Бобик уселся за стол. Барбоска открыл буфет, видит — там блюдо с киселём стоит, а на верхней полке — большой пирог. Он взял блюдо с киселём, поставил на пол, а сам полез на верхнюю полку за пирогом. Взял его, стал вниз спускаться и попал лапой в кисель. Поскользнувшись, он шлёпнулся прямо на блюдо, и весь кисель у него размазался по спине.

— Бобик, иди скорей кисель есть! — закричал Барбос.

Бобик прибежал:

— Где кисель?

— Да вот у меня на спине. Облизывай.

Бобик давай ему спину облизывать.

— Ох и вкусный кисель! — говорит.

Потом они перенесли пирог на стол. Сами тоже на стол уселись, чтобы удобнее было. Едят и разговаривают.

— Тебе хорошо живётся! — говорит Бобик. — У тебя всё есть.

— Да, — говорит Барбос, — я живу хорошо. Что хочу, то и делаю: хочу — гребешком причёсываюсь, хочу — на телевизоре играю, ем и пью что хочу или на кровати валяюсь.

— А тебе позволяет дедушка? !

— Что мне дедушка! Подумаешь! Это кровать моя.

— А где же дедушка спит?

— Дедушка там, в углу на коврике.

Барбоска так заврался, что не мог уже остановиться.

— Здесь всё моё! — хвастался он. — И стол мой, и буфет мой, и всё, что в буфете, тоже моё.

— А можно мне на кровати поваляться? — спросил Бобик. — Я ни разу в жизни ещё на кровати не спал.

— Ну пойдём, поваляемся, — согласился Барбос.

Они улеглись на кровать.

Бобик увидел плётку которая висела на стене, и спрашивает:

— А для чего у вас здесь плётка?

— Плётка? Это для дедушки. Если не слушается, я его плёткой, — ответил Барбос.

— Это хорошо! — одобрил Бобик.

Лежали они на кровати, лежали, пригрелись, да и заснули. Не услышали даже, как дедушка с работы пришёл.

Он увидел на своей кровати двух псов, взял со стены плётку и замахнулся на них.

Бобик с перепугу выпрыгнул в окно и побежал в свою конуру, а Барбос забился под кровать, так что его даже половой щёткой нельзя было вытащить. До вечера там просидел.

Вечером вернулся домой кот Васька. Он увидел Барбоса под кроватью и сразу понял, в чём дело.

— Эх, Васька, — сказал Барбос, — опять я наказан! Даже сам не знаю за что. Принеси мне кусочек колбаски, если тебе дедушка даст.

Васька пошёл к дедушке, стал мурлыкать и тереться спинкой о его ноги. Дедушка дал ему кусочек колбаски. Васька половину съел сам, а другую половинку отнёс под кровать Барбоске.

1957

В. Драгунский

Что любит Мишка

Один раз мы с Мишкой вошли в зал, где у нас бывают уроки пения. Борис Сергеевич сидел за своим роялем и что-то играл потихоньку. Мы с Мишкой сели на подоконник и не стали ему мешать, да он нас и не заметил вовсе, а продолжал себе играть, и из-под пальцев у него очень быстро выскакивали разные звуки. Они разбрызгивались, и получалось что-то очень приветливое и радостное. Мне очень понравилось, и я бы мог долго так сидеть и слушать, но Борис Сергеевич скоро перестал играть. Он закрыл крышку рояля, и увидел нас, и весело сказал:

– О! Какие люди! Сидят, как два воробья на веточке! Ну, так что скажете?

Я спросил:

– Это вы что играли, Борис Сергеевич?

Он ответил:

– Это Шопен. Я его очень люблю.

Я сказал:

– Конечно, раз вы учитель пения, вот вы и любите разные песенки.

Он сказал:

– Это не песенка. Хотя я и песенки люблю, но это не песенка. То, что я играл, называется гораздо большим словом, чем просто «песенка».

Я сказал:

– Каким же? Словом-то?

Он серьезно и ясно ответил:

– Му-зы-ка. Шопен – великий композитор. Он сочинил чудесную музыку. А я люблю музыку больше всего на свете.

Тут он посмотрел на меня внимательно и сказал:

– Ну, а ты что любишь? Больше всего на свете?

Я ответил:

– Я много чего люблю.

И я рассказал ему, что я люблю. И про собаку, и про строганье, и про слоненка, и про красных кавалеристов, и про маленькую лань на розовых копытцах, и про древних воинов, и про прохладные звезды, и про лошадиные лица, всё, всё...

Он выслушал меня внимательно, у него было задумчивое лицо, когда он слушал, а потом он сказал:

– Ишь! А я и не знал. Честно говоря, ты ведь еще маленький, ты не обижайся, а смотри-ка – любишь как много! Целый мир.

Тут в разговор вмешался Мишка. Он надулся и сказал:

– А я еще больше Дениски люблю разных разностей! Подумаешь!!

Борис Сергеевич рассмеялся:

– Очень интересно! Ну-ка, поведай тайну своей души. Теперь твоя очередь, принимай эстафету! И так, начинай! Что же ты любишь?

Мишка поерзал на подоконнике, потом откашлялся и сказал:

– Я люблю булки, плюшки, батоны и кекс! Я люблю хлеб, и торт, и пирожные, и пряники, хоть тульские, хоть медовые, хоть глазурованные. Сушки люблю тоже, и баранки, бублики, пирожки с мясом, повидлом, капустой и с рисом.

Я горячо люблю пельмени, и особенно ватрушки, если они свежие, но черствые тоже ничего. Можно овсяное печенье и ванильные сухари.

А еще я люблю кильки, сайру, судака в маринаде, бычки в томате, частичк в собственном соку, икру баклажанную, кабачки ломтиками и жареную картошку.

Вареную колбасу люблю прямо безумно, если докторская, – на спор, что съем целое кило! И столовую люблю, и чайную, и зельц, и копченую, и полукопченую, и сырокопченую! Эту вообще я люблю больше всех. Очень люблю макароны с маслом, вермишель с маслом, рожки с маслом, сыр с дырочками и без дырочек, с красной коркой или с белой – все равно.

Люблю вареники с творогом, творог соленый, сладкий, кислый; люблю яблоки, тертые с сахаром, а то яблоки одни самостоятельно, а если яблоки очищенные, то люблю сначала съесть яблочко, а уж потом, на закуску – кожуру!

Люблю печенку, котлеты, селедку, фасолевый суп, зеленый горошек, вареное мясо, ириски, сахар, чай, джем, боржом, газировку с сиропом, яйца всмятку, вкрутую, в мешочке, могу и сырые. Бутерброды люблю прямо с чем попало, особенно если толсто намазать картофельным пюре или пшенной кашей. Так... Ну, про халву говорить не буду – какой дурак не любит халвы? А еще я люблю утятину, гусятину и

индьянину. Ах, да! Я всей душой люблю мороженое. За семь, за девять. За тринадцать, за пятнадцать, за девятнадцать. За двадцать две и за двадцать восемь.

Мишка обвел глазами потолок и перевел дыхание. Видно, он уже здорово устал. Но Борис Сергеевич пристально смотрел на него, и Мишка поехал дальше.

Он бормотал:

– Крыжовник, морковку, кету, горбушу, репу, борщ, пельмени, хотя пельмени я уже говорил, бульон, бананы, хурму, компот, сосиски, колбасу, хотя колбасу тоже говорил...

Мишка выдохся и замолчал. По его глазам было видно, что он ждет, когда Борис Сергеевич его похвалит. Но тот смотрел на Мишку немного недовольно и даже как будто строго. Он тоже словно ждал чего-то от Мишки: что, мол, Мишка еще скажет. Но Мишка молчал. У них получилось, что они оба друг от друга чего-то ждали и молчали.

Первый не выдержал Борис Сергеевич.

– Что ж, Миша, – сказал он, – ты многое любишь, спору нет, но все, что ты любишь, оно какое-то одинаковое, чересчур съедобное, что ли. Получается, что ты любишь целый продуктовый магазин. И только... А люди? Кого ты любишь? Или из животных?

Тут Мишка весь встрепенулся и покраснел.

– Ой, – сказал он смущенно, – чуть не забыл! Ещё – котят! И бабушку!

Юрий Коваль

БАБОЧКА

Рядом с нашим домом лежит старое, трухлявое бревно.
После обеда вышел я посидеть на бревне, а на нем - бабочка.
Я остановился в стороне, а бабочка вдруг перелетела на край - дескать, присаживайся, на нас-то двоих места хватит.
Я осторожно присел с нею рядом.
Бабочка взмахнула крыльями и снова распластала их, прижимаясь к бревну, нагретому солнцем.
- Тут неплохо, - ответил ей я, - тепло.
Бабочка помахала одним крылом, потом другим, потом и двумя сразу.
- Вдвоем веселей, - согласился я.
Говорить было вроде больше не о чем.
Был теплый осенний день. Я глядел на лес, в котором летали между сосен чужие бабочки, а моя глядела на небо своими огромными глазами, нарисованными на крыльях.
Так мы и сидели рядом до самого заката.

СНЕГИРИ И КОТЫ

Поздней осенью, с первой порошей пришли к нам из северных лесов снегири.

Пухлые и румяные, уселись они на яблонях, как будто заместо упавших яблок.

А наши коты уж тут как тут. Тоже залезли на яблони и устроились на нижних ветвях. Дескать, присаживайтесь к нам, снегири, мы тоже вроде яблоки.

Снегири хоть целый год и не видели котов, а соображают. Все-таки у котов хвост, а у яблок - хвостик.

До чего ж хороши снегири, а особенно - снегурки. Не такая у них огненная грудь, как у хозяина-снегиря, зато нежная - палевая.

Улетают снегири, улетают снегурки.

А коты остаются на яблоне.

Лежат на ветках и виляют своими яблочными будто хвостами.

Стихи, песни.

Игорь Шаферан

Журавленок

Ушло тепло с полей
и стаю журавлей
Ведет вожак в заморский край зеленый
Летит печально клин,
и весел лишь один,
Один какой-то журавленок несмышленный

Он рвется в облака,
Торопит жожака,
Но говорит ему вожак сурово:
»Хоть та земля теплей,
а Родина милей
Милей, запомни, журавленок, это слово!«.
»А Родина милей,
милей, запомни, журавленок, это слово!

Запомни шум берез
и тот крутой откос,
Где мать тебя увидела летящим...
Запомни навсегда,
иначе никогда
Дружок не станешь журавлем ты настоящим!
Иначе никогда,

Дружок, не станешь журавлем ты настоящим!

У нас лежат снега,
у нас гудит пурга.
И голосов совсем не слышно птичьих.
А где-то там вдали
курлычут журавли,
Они о Родине заснеженной курлычут.
Курлычут журавли,
они о Родине заснеженной курлычут

Эдуард Успенский
Юрий Энтин

Сборник песен из мультфильмов:

<http://my.mail.ru/video/mail/olnek11/301#video=/mail/natasha-89051440094-89206241123/301>